68-7
1640

Главн. Упр. Воен. Учебн. Завед. допущено въ ротныя библіотеки VI—VII классовъ кадетскихъ корпусовъ (Отз. Главн. Упр. В.-Уч. Зав., отъ 30. IV. 911. № 9,130).

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ °, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетъ и допущены въ ротныя библіотеки.

° **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

* **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

* **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

* **ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.** Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

* **ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ.** Сказанія старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Каразина, И. Гурьева и др. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

** **ЗА ЧТО?** Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

° **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Повѣсть для юношества, съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 2-ое. Ц. въ переплетѣ 3 р.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Юность Лиды Воронской. Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева.

ЛѢСОВИЧКА. Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

СЕСТРА МАРИНА. Повѣсть для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской.

*\° **ГАЗАВАТЪ.** Историческая повѣсть, съ илл. Т. І. Смукровича. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

*\° **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ.** Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.** Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Историч. повѣсть, съ иллюстр. худ. С. Панова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

ОДИНЪ ЗА ВСѢХЪ. Повѣсть о жизни великаго подвижника земли русской. Съ иллюстр. и снимками съ картинъ Н. Стерова, Новоскольцева, Брюллова. Ц. въ перепл. 2 р.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

° **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

° **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юношества, съ илл. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

* **ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Ц. въ переплетѣ 3 р.

СЧАСТЛИВЧИКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ЩЕЛЧОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. И. Гурьева.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ТРИНАДЦАТАЯ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. Спасскаго.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

ВОВИКЪ. Полу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Деморта. Ц. 50 к.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ пап. переплетѣ 90 к.

НА КРАЙ СВѢТА. Разсказъ для маленькихъ дѣтей, съ илл. Б. К. Кильверта. Ц. 15 к.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ. Разсказъ для дѣтей мл. возр. съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пап. 30 к.

— Онъ тутъ! Онъ тутъ! Спасайтесь!.

16402

БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 12 иллюстраціями И. Гурьева

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13

МОСКВА
Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.

1913

ПЕЧАТЬ И ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ · БАС. ОСТР. 16 ЛИНІЯ СОБ. ДОМЪ
1913

РОС. НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
С.-Петербург
РК — 1436
2001 /8

Настоящую повѣсть посвящаю дорогой сестрѣ Нинушѣ.

Лидія Чарская.

ГЛАВА I.

Разсказъ Лотоса.—На молитвѣ —Паника.

«И ВОТЪ зашелестѣли черныя крылья за окномъ сада. Что то ярко блеснуло въ темнотѣ. Къ аромату розъ и лотосовъ, раскрывшихъ свои пахучія чашечки, присоединился теперь чуть замѣтный, но страшный запахъ тлѣнія. Луна пугливо скрылась за облаками. Вихрь ворвался мгновенно... Окно широко раскрылось, и Черный Принцъ, подобный огромный птицѣ, влетѣлъ въ комнату. Онъ направилъ свой полетъ прямо къ нарядной колыбели ребенка... Своими цѣпкими руками онъ отдернулъ нарядный пологъ люльки и затѣмъ, наклонившись надъ вскрикнувшимъ отъ ужаса младенцемъ, съ дикимъ, кровожаднымъ взоромъ, приникъ губами къ сердцу мальчика и сталъ пить каплю за каплей его кровь...»

— Ужасно!.. — прервала плавный потокъ рѣчи разсказчицы маленькая, толстенькая Даурская и нервно обдернула бѣлую пелеринку на груди.

— Молчи, Додошка!... Мѣшаешь слушать... Разсказывай, что было дальше, Елочка... Ахъ, душка, что за прелесть!.. Откуда ты вычитала все это?..

И смуглая, полная и рослая дѣвушка лѣтъ семнадцати, съ вьющимися, какъ у негритянки, волосами, Зина Бухарина, впилась въ разсказчицу вопрошающимъ взглядомъ.

— Чудно, дивно, божественно!.. Господи! да тутъ съ ума сойти можно отъ всей этой таинственности!..— зашептали всѣ сидѣвшія за чайнымъ столомъ институтки и плотнѣе придвинулись къ разсказчицѣ, забывъ о кружкахъ чая, стывшихъ передъ ними на столѣ.

Высокая, блѣдная Елецкая, съ какими то прозрачно-зелеными глазами, похожими на загадочные глаза русалки, и съ пышными черными волосами, вѣнчающими оригинальную, точно не отъ міра сего, красивую головку, раскрыла было ротъ, чтобы продолжать свое повѣствованіе, какъ неожиданно на весь столъ прозвучалъ снова голосъ Даурской:

— Поистинѣ ужасно, mesdam'очки!.. Вѣдь Черный Принцъ ѣстъ такимъ образомъ уже восьмисотаго ребенка!.. —и, съ тѣми же широко раскрытыми отъ ужаса глазами, она обернулась къ своей сосѣдкѣ по столу и произнесла сладкимъ голосомъ:

— Послушай, Рантъ. Я вижу, ты не ѣшь твою булку... дай мнѣ, пожалуйста.

— Даурская, противная!..

— Не мѣшай слушать!..

— Весь міръ готова изъ-за булки забыть!..

— Несносная Додошка!..—зазвенѣли вокругъ толстенькой дѣвочки негодующіе голоса ея подругъ.

— Оставьте ее, mesdames! Додошка хочетъ отъѣсться къ ночи... Она очень худа, бѣдняжка, и Черному Принцу,—а Черный Принцъ навѣрное прилетитъ къ ней сегодня, чтобы съѣсть ее, какъ тѣхъ злосчастныхъ восемьсотъ младенцевъ,—достанутся однѣ только кости... Дай же ей твою булку, Рантъ. Вѣдь и гусей тоже откармливаютъ передъ тѣмъ, какъ подавать ихъ къ столу...

И быстро, тоненькая, со смѣлымъ лицомъ веселаго мальчугана, съ короткими кудрями, дѣвочка, казавшаяся много моложе своихъ семнадцати лѣтъ, обратила задорно смѣющіеся сѣрые глаза къ Додошкѣ, улыбаясь при этомъ во всю ширь своего энергичнаго, нѣсколько крупнаго, рта.

— Да вы съ ума сошли, Воронская!.. Mesdam'очки, скажите ей, что она сошла съ ума!.. Какъ она смѣетъ называть меня гусемъ и пугать Чернымъ Принцемъ!—съ визгомъ подскочила на своемъ мѣстѣ Додошка.

— Даурская... Taisez vous *). Вы не умѣете себя вести, какъ подобаетъ приличной барышнѣ,—услышали въ тотъ же мигъ дѣвочки недовольный голосъ, и m-lle

*) Молчите.

Эллисъ, классная дама, въ синемъ форменномъ платьѣ, неожиданно предстала передъ своими питомицами у конца стола.

Она скользнула недовольнымъ взглядомъ по лицу покраснѣвшей, какъ ракъ, Додошки и тотчасъ же захлопала въ ладоши, еще болѣе повышая свой, и безъ того громкій, голосъ:

— На молитву, mesdames!.. На молитву!..

Зашумѣли отодвинутыя скамейки, зашелестѣли зеленыя камлотовыя платья, и двѣсти семьдесятъ пять дѣвочекъ-институтокъ, маленькихъ и большихъ, чинно выстроились на молитву.

На середину столовой, въ которой были собраны къ чаю всѣ девять классовъ, включая и два старшія педагогическія отдѣленія «курсистокъ», какъ ихъ называли въ институтѣ, — вышли двѣ дѣвочки изъ группы выпускныхъ, съ Евангеліемъ и молитвенникомъ въ рукахъ. Одна изъ нихъ—маленькая, плотная, съ вызывающимъ, смѣлымъ, почти дерзкимъ лицомъ, бѣлокурая, розовая, съ необычайно-добрыми, честными, голубыми глазами; другая—нѣсколько повыше ростомъ, стройная, съ восточнымъ типомъ лица, съ глубокимъ и печальнымъ взоромъ, съ лицомъ тонкимъ, блѣднымъ и прекраснымъ, напоминающимъ какой то южный бѣлый цвѣтокъ. Первую, Симу Эльскую, за вѣчныя шалости и мальчишескія выходки прозвали «Волькой», отъ слова «воля» —свобода, которую усердно рекомендовала всѣмъ эта

— Никакого Чернаго Принца нѣтъ, не было и не будетъ...

необузданно-смѣлая и шаловливая дѣвочка, приводившая въ неописуемое волненіе своихъ классныхъ дамъ. Другую, блѣдную, красивую, съ газельимъ взоромъ, по прозвищу «Черкешенка», звали Еленой Гордской. Она родилась и выросла въ Тифлисѣ и бредила высокими горами и тихими долинами прекраснаго Кавказа, хотя не имѣла ничего общаго ни съ татарами Дагестана, ни съ жителями тихой и печальной Грузіи...

Обѣ дѣвочки медленно вышли на середину огромной столовой, остановились подъ газовыми рожками, спускавшимися на длинныхъ шестахъ сверху и освѣщавшими комнату, и поочередно стали читать молитвы и главу изъ Евангелія. Институтки притихли. Зеленоглазая Елецкая или «Елочка», только что разсказывавшая за столомъ про Чернаго Принца, молилась тоже или, вѣрнѣе, не молилась, а мечтала о томъ, какъ красиво и просто звучали слова Евангелія, какъ прекрасна была вѣра Маріамъ, пришедшей къ матери Господа, какъ хорошо и чисто, должно быть, пахли дивныя іерусалимскія розы и какъ прекрасенъ вообще и безгрѣшенъ былъ міръ въ тѣ далекія библейскія времена...

Неожиданно сладкія мечты Елецкой, «Лотоса», какъ ее еще прозвали подруги за необычайную нѣжность и почти прозрачную бѣлизну лица, прервались. Чья то тонкая худенькая рука легла на ея пальцы и сжала ихъ.

— Слушай, Лотосъ, наклони голову, а то «синявка»

увидитъ... Такъ... А теперь слушай: откуда ты знаешь всю эту нелѣпую исторію про Чернаго Принца? Скажи мнѣ, пожалуйста,—насмѣшливымъ голосомъ спрашивала стоявшая рядомъ съ Лотосомъ на молитвѣ Лидія Воронская.

Блуждающій взоръ Елецкой вспыхнулъ и съ явнымъ негодованіемъ обратился къ ея сосѣдкѣ. Блѣдное лицо покрылось легкой краской румянца.

— Безсовѣстно и глупо смѣяться, Воронская, надъ тѣмъ, чего сама не понимаешь,—досадливо произнесъ ея немного глуховатый голосъ. — Исторія Чернаго Принца далеко не выдумка. Это было истинная правда. Ее разсказывали духи, тѣни умершихъ людей, одной женщинѣ, и она записала все это дословно... Объ этомъ есть даже цѣлая книга... Черный Принцъ существовалъ на свѣтѣ, потомъ умеръ и прилеталъ въ видѣ птицы съ того свѣта пить кровь дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ... Клянусь тебѣ, что это была правда.

— А я тебѣ клянусь, что все это чушь! — вспыльчиво, почти въ голосъ, крикнула Воронская и, совершенно позабывъ о томъ, что она стоитъ на молитвѣ, нетерпѣливо топнула ногой.

— Воронская...Vous serez inscrite!*) — прозвучалъ надъ головой Лиды голосъ неожиданно вынырнувшей откуда то m-lle Эллисъ.

И, подтверждая свою угрозу, классная дама извлекла

*) Воронская, вы будете записаны.

изъ кармана штрафную книжечку, куда заносились фамиліи провинившихся воспитанницъ, и четко вывела на ея маленькой страничкѣ фамилію Воронской.

— Ахъ, пускай записываетъ сколько влѣзетъ!— нетерпѣливо махнувъ рукой, проворчала Лида,—но ты то, ты должна по крайней мѣрѣ сознаться, Елочка, что все это чепуха, — снова горячо обратилась она къ Елецкой.

— Воронская! — прозвучалъ еще болѣе негодующій голосъ синей дамы, и новая замѣтка водворилась противъ имени Лиды въ «штрафной».

Воронская поневолѣ смолкла, потомъ мальчишескимъ жестомъ тряхнула короткими волосами и вновь зашептала чуть не въ самое ухо своей сосѣдкѣ:

— Ты пойми, Лотосъ... Ты пойми... Я не вѣрю, я не могу вѣрить... Мертвые никогда не возвращаются съ того свѣта... Все это чушь и глупости однѣ... Увѣряю тебя, Елочка, увѣряю тебя...

Она хотѣла прибавить еще что то къ своей убѣжденной рѣчи, но мгновенно смолкла и невольно подалась назадъ.

Передъ ней было перекошенное отъ гнѣва прозрачно блѣдное и злое лицо Лотоса, съ поблѣднѣвшими до синевы губами.

— Ага!.. Ты не вѣришь!.. Ага!..—какимъ то свистящимъ шопотомъ произнесла Елецкая,—такъ вотъ что: приходи сегодня въ полночь въ умывальню... Весь нашъ

кружокъ «таинственной лиги» будетъ на сеансѣ, устраиваемомъ въ честь Чернаго Принца... Мы будемъ вызывать духа Гаруна-аль-Рашида, а можетъ быть и его, Чернаго Принца... Приходи!.. Слышишь? Ровно въ двѣнадцать мы начнемъ нашъ сеансъ...

Разговоръ Воронской и Елецкой былъ прерванъ рѣзкимъ окликомъ классной дамы.

— Молчать!.. Не шептаться, Елецкая!.. Taisez-vous!..—звенѣлъ голосъ m-lle Эллисъ, и ея разгнѣванная маленькая фигурка очутилась подлѣ Лотоса.

Обѣ дѣвочки поспѣшно отвернулись одна отъ другой.

Молитва кончилась.

Снова загремѣли скамейки, зашелестѣли зеленыя платья, и двѣсти семьдесятъ пять воспитанницъ, въ возрастѣ отъ девяти до восемнадцати лѣтъ, спѣшно выстроившись въ пары, стали чинно подниматься въ верхній этажъ, гдѣ ихъ ждали жесткія казенныя постели и ночной отдыхъ до слѣдующаго утра.

Лида Воронская шла въ парѣ съ Вѣрой Дебицкой, веселой черноглазой дѣвочкой, первой ученицей класса. За ними чинно выступала красавица Черкешенка и блѣдная Елочка. Впереди, о чемъ то шопотомъ оживленно споря, шла Мара Масальская, хохлушка изъ-подъ Кіева, съ ослѣпительно свѣжимъ, румянымъ лицомъ, со вздернутымъ неправильнымъ носомъ и темными, блестящими глазами, какъ черешни изъ ея родимыхъ вишневыхъ садовъ. Съ нею объ руку шла не по годамъ умная,

Елецкая раскрыла ротъ, чтобы продолжать повѣствованіе...

серьезная Женя Бутусина, «профессорша», дѣвочка рѣдкой честности и неподкупности убѣжденій.

М-lle Эллисъ, французская дама, полненькая, добродушная, но очень вспыльчивая особа, съ черепаховымъ пенснэ на носу, вела классъ. По обѣ ея стороны шли миніатюрныя Пантарова и Додошка. Замыкали длинную шеренгу, разбитую на двадцать паръ старшаго класса, высокія ростомъ Зина Бухарина съ типичнымъ южнымъ лицомъ креолки, за которое она и носила это прозвище, и степенная, не менѣе Бутусиной, Старжевская, отличная ученица и лучшая музыкантша-піанистка изъ всего перваго класса.

Младшія отдѣленія давно покинули столовую, и за ними вступили въ длинный нижній коридоръ и старшія, выпускныя.

Лида Воронская шла, низко опустивъ свою кудрявую голову. Обычно веселые глаза дѣвочки теперь разсѣянно скользили по ровнымъ квадратикамъ паркета.

Мысли Лиды вполнѣ были поглощены предстоящимъ «сеансомъ» въ умывальной. Она хорошо знала, что Лотосъ, Бухарина, Макарова, Гордская, Дебицкая и сестрички Пантаровы тайкомъ отъ другихъ институтокъ устраиваютъ по ночамъ какія то секретныя засѣданія или, какъ онѣ сами выражались, «занимаются спиритизмомъ». Лида знала, что спиритизмъ—это цѣлое ученіе о таинственной силѣ, которая даетъ возможность вызывать души людей, давно умершихъ, даже за многія сотни и

тысячи лѣтъ, и разговаривать съ ними, заставлять ихъ отвѣчать на разные вопросы. Она также слышала и то, что для вызова духа съ того свѣта поклонники спиритизма—«спириты» и «спиритки»—прибѣгаютъ къ довольно странному способу: они садятся за столъ въ полутемной комнатѣ и, положивъ на край стола руки, ждутъ въ глубокомъ молчаніи, когда столъ начнетъ стучать ножками, ходить по комнатѣ, вертѣться. Слышала Лида и о тѣхъ, якобы одаренныхъ особенной духовной силой людяхъ, «медіумахъ», которые служатъ посредниками между тѣнями умершихъ людей и вызывающими ихъ спиритами.

Въ то время спиритизмъ вообще былъ въ большой модѣ. Въ великосвѣтскихъ гостиныхъ ему посвящали много времени, спорили о немъ, говорили, писали, при чемъ одни увлекались имъ, другіе считали обманомъ. Это модное развлеченіе проникло и въ стѣны института, гдѣ сильно увлекло многія юныя взбалмошныя головки.

Лида не вѣрила въ спиритизмъ, не вѣрила въ возможность какого то бы ни было общенія людей съ духами при посредствѣ вертящихся столиковъ и медіумовъ. И она смѣялась отъ души, когда узнала, что нѣкоторыя изъ ея подругъ поддались модному способу времяпрепровожденія и стали устраивать въ институтской умывальной свои сеансы, образовавъ нарочно съ этой цѣлью особый кружокъ подъ названіемъ «Кружокъ таинственной лиги». Еще больше смѣшило Лиду, что Елецкая,

«Лотосъ», она же, по другому прозвищу, «Пушкинская Татьяна», она же «Елочка» — по третьему, была единогласно въ кружкѣ признана «медіумомъ», способнымъ вызывать духовъ для переговоровъ, и орудуетъ во-всю на этомъ поприщѣ.

Лида давно жаждала получить приглашеніе въ странный кружокъ. Ее всегда забавляли таинственныя спиритки. Однако послѣднія остерегались приглашать Воронскую, боясь недовѣрія и насмѣшекъ съ ея стороны. Остерегались до послѣдняго дня, но вотъ сегодня ее, наконецъ, позвали.

Лида торжествовала. Ея любопытство было крайне раздражено. Веселой, съ трезвыми взглядами на жизнь, дѣвочкѣ казались странными, нелѣпыми и смѣшными всѣ эти басни о духахъ, являвшихся по первому зову какой то ничтожной маленькой институтки, въ родѣ Елецкой, и подобныхъ ей. И она была убѣждена, что достаточно будетъ хоть разъ побывать ей на «сеансѣ», чтобы убѣдиться, что это чушь и выдумки.

Она и сейчасъ думала объ этомъ, машинально шагая по длинному коридору въ этотъ поздній вечерній часъ. Неожиданно на ея плечо легла полная, почти рыхлая рука Креолки.

— Лида, Вороненокъ, ты послушай, что она говоритъ,—зашептала Бухарина, тараща и безъ того огромные глаза въ сторону Елецкой,—ты послушай только, что она говоритъ Вороненокъ, милый...

— Что, что такое?—неожиданно пискнула вынырнувшая передъ ними Додошка,—что она говоритъ, Зиночка?.. Скажи, скажи...

— Ахъ, душка, опять о Черномъ Принцѣ!.. Слушайте только...

И Креолка, всплеснувъ руками, безпомощнымъ жестомъ сложила ихъ на груди.

— Говори, Лотосенька, говори, Елочка!.. Ахъ!..— просила Рантъ, изящная, тоненькая, чахоточная дѣвочка, съ багровыми пятнами румянца на щекахъ и съ милыми, необычайно живыми глазами.

Елецкая не заставила себя просить больше. Ея нѣсколько безумный взоръ расширился, зеленый русалочій огонь загорѣлся въ немъ. Лицо, блѣдное, безъ кровинки, вдохновенно просіяло, и она проговорила глухо въ экстазѣ, разомъ охватившемъ ее:

— Я вѣрю, что онъ, Черный Принцъ, есть, былъ и будетъ... Что тамъ, гдѣ знаютъ его, говорятъ о немъ, тамъ онъ и пребываетъ... Я точно слышу шорохъ его огромныхъ крыльевъ за спиною, когда онъ летаетъ, и его легкіе нѣжные шаги, когда онъ ходитъ здѣсь по землѣ. И я чувствую еще, что онъ явится сюда къ намъ, въ этотъ темный коридоръ, не сегодня—завтра, когда всѣ улягутся спать, когда потухнутъ огни и... и...

— И будетъ пить нашу кровь и кушать наше сердце... Право, вы должны сознаться, что у Чернаго

Принца довольно странный аппетитъ, — послышался звонкій насмѣшливый голосъ Воронской.

На нее зашикали, затопали, зашумѣли.

— Опять насмѣшки, Воронская!.. Не принимать ее въ кружокъ, медамочки, не принимать ни за что на свѣтѣ!—послышались негодующіе голоса.

— Глупышки вы этакія, несутъ всякую чушь, а сами трясутся...—уже въ голосъ разсмѣялась Лида и привычнымъ ей жестомъ, по мальчишески, лихо тряхнула короткими кудрями.

— И все то ты врешь, никто не боится,— щелкая зубами, съ трусливо бѣгающимъ по сторонамъ взглядомъ, шепнула Додошка.— Ей-Богу же, никто. Ни одна душа, ясно, какъ шоколадъ... Чего тутъ бояться?

Между тѣмъ воспитанницы миновали длинный коридоръ и вошли на темную площадку лѣстницы, гдѣ случайно потухъ газовый рожокъ и царила непріятная полутьма.

— Ничего я не боюсь,—уже окончательно расхрабрилась Додошка, и ея холодныя руки судорожно потирали одна другую, а взоръ продолжалъ пугливо бѣгать по сторонамъ.

— Ужъ будто?..—сощурила свои сѣрые глаза Воронская.

— Тише же, медамочки, дайте Лотосу говорить,— зашикала Бухарина, и ближайшія пары снова повер-

нули головы въ сторону блѣдной дѣвочки съ русалочьимъ взглядомъ.

— Да, mesdames, я чувствую, что *онъ* придетъ скоро,— своимъ глухимъ, надтреснутымъ голосомъ снова заговорила Елецкая.— *Онъ* войдетъ черезъ швейцарскую, прорвется за стеклянную дверь, вихремъ промчится черезъ площадку и лѣстницу, и... и появится тамъ, на томъ концѣ коридора,—заключила она и, въ этотъ же мигъ, протянувъ впередъ свои блѣдныя руки, замерла на мѣстѣ, безумно раскрывая свои и безъ того огромные глаза.

— А!.. а-а-а!!!—дикимъ, пронзительнымъ крикомъ вырвалось изъ группы воспитанницъ.

— Черный Принцъ уже здѣсь!.. Здѣсь!..—не своимъ голосомъ взвизгнула Додошка и, закрывъ лицо передникомъ, спотыкаясь и путаясь въ длинномъ камлотовомъ платьѣ, съ тѣмъ же пронзительнымъ визгомъ бросилась опрометью по лѣстницѣ, прыгая черезъ нѣсколько ступеней за разъ.

Какъ стая испуганныхъ птицъ, шарахнулись за нею и остальныя. Не помня себя, съ дикимъ истерическимъ крикомъ, институтки метнулись впередъ, толкая и сбивая съ ногъ другъ друга.

Паника старшихъ заразила младшихъ, которыя уже успѣли добраться до верхняго этажа. Крикъ повторился на верху лѣстницы, пронзительный, гулкій. Кричали маленькія, кричали среднія, кричали большія, кричали

классныя дамы, стараясь во что бы то ни стало водворить порядокъ и успокоить мечущихся въ страхѣ и ужасѣ дѣтей.

— Онъ тутъ!.. Онъ тутъ!.. Онъ идетъ сюда! Спасайтесь, mesdames! Спасайтесь! — неистовствовала Додошка, цѣпляясь своими пухлыми руками за передники бѣгущихъ подругъ.

— Вотъ онъ!.. Вотъ онъ!..

Несущаяся, какъ стрѣла, Елецкая разомъ остановилась и, тяжело переводя духъ, протянула впередъ руку.

— Вотъ онъ!..—въ дикомъ экстазѣ вскричала она.

Бѣгущія дѣвочки замерли на минуту, столпившись испуганнымъ стадомъ овечекъ на средней площадкѣ лѣстницы. Всѣ головы повернулись внизъ... И новый отчаянный вопль потрясъ стѣны зданія и гулкимъ пронзительнымъ эхомъ повторился тамъ наверху визгливыми ребяческими голосами малышей.

На дальнемъ концѣ коридора, гдѣ бѣлѣлась стеклянная лазаретная дверь и гдѣ рядомъ находилась квартира начальницы, появилась высокая, почти исполинская, худая фигура человѣка въ черномъ, подвигающаяся впередъ быстрымъ, почти стремительнымъ шагомъ, прямо навстрѣчу испуганнымъ выпускнымъ...

ГЛАВА II

Человѣкъ въ плащѣ.

ЧЕРНЫЙ Принцъ... Неужели это онъ?..

И мысленно задавъ себѣ этотъ вопросъ, Лида Воронская не ощутила ни малѣйшаго страха. Одно лишь жгучее любопытство цѣпкими клещами затянуло сердце семнадцатилѣтней дѣвушки.

Мимо нея только что съ дикимъ воплемъ пронеслась послѣдняя пара ея одноклассницъ, и на нижней темной площадкѣ теперь оставалась только она, если не считать высокаго человѣка въ черномъ плащѣ, быстро приближавшагося къ ней по коридору.

Высокій человѣкъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ по направленію пріютившейся у подножія лѣстницы дѣвочки и теперь уже былъ на близкомъ разстояніи отъ нея.

Что то ёкнуло въ сердцѣ сѣроглазой Лиды, не то мгновенный испугъ, не то смятеніе. На площадкѣ было темно и пустынно

Швейцаръ Петръ или «кардиналъ», какъ его называли институтки за его пурпуровую ливрею, вышелъ на подъѣздъ подышать первымъ весеннимъ мартовскимъ воздухомъ, и дѣвочка оставалась лицомъ къ лицу съ высокимъ человѣкомъ въ черномъ плащѣ.

— Неужели Черный Принцъ не выдумки и онъ и есть этотъ высокій?.. — вихремъ пронеслось и оборвалось въ мысляхъ Лиды.

Но смятеніе недолго гостило въ ея впечатлительной, нервной, но далеко не трусливой душѣ. Не терпя еще съ дѣтства ничего недоговореннаго, неяснаго, дѣвочка и теперь сгорала отъ желанія выяснить себѣ какъ можно скорѣе появленіе таинственнаго незнакомца въ нижнемъ коридорѣ института.

И прежде чѣмъ высокій человѣкъ успѣлъ самъ приблизиться къ ней, Лида Воронская быстро и легко отдѣлилась отъ колонны и, скользнувъ ему навстрѣчу, крикнула звонко:

— Кто вы такой?.. И зачѣмъ вы пришли сюда?..

— Маленькая русалочка, стыдно забывать старыхъ друзей! — послышался веселый откликъ, и быстрымъ движеніемъ высокій человѣкъ сорвалъ широкополую фетровую шляпу съ головы и темный плащъ, окутывавшій его фигуру.

Передъ Лидой мелькнули богатырскія плечи, длинная шея и крошечная, почти дѣтская по размѣру, голова съ проницательными и острыми глазами, глазами ястреба,

прямымъ носомъ и большимъ, полнымъ, добродушнымъ ртомъ, сверкнувшимъ въ улыбкѣ бѣлыми, какъ кипень, зубами.

— Большой Джонъ!.. Ахъ, это вы, Большой Джонъ!..—радостно вырвалось изъ груди Лиды, и вся охваченная приступомъ необузданнаго дѣтскаго восторга встрѣчи она запрыгала на мѣстѣ и захлопала въ ладоши, какъ самая маленькая дѣвочка.

Молодой человѣкъ съ ясной, ласковой улыбкой посмотрѣлъ на нее и тихо, радостно захохоталъ.

— Большой Джонъ!.. Милый Большой Джонъ!.. Вы мало перемѣнились, милый, хорошій Большой Джонъ, за эти четыре года!.. Представьте себѣ, наши глупыя дѣвочки приняли васъ за Чернаго Принца!.. Да, за Чернаго Принца!—говорила Лида, блестя разгорѣвшимися, счастливыми глазенками.

— Ого! За Чернаго Принца!.. Да это совсѣмъ нѣчто новое и интересное... Вы мнѣ, конечно, потомъ объясните, кто такой Черный Принцъ, маленькая русалочка. А теперь покажитесь-ка, дайте взглянуть на себя,—беря за обѣ руки свою собесѣдницу и крѣпко пожимая ея тонкіе пальчики, говорилъ неожиданный гость.

Съ минуту онъ созерцалъ дѣвочку молча, ласковыми, но острыми глазами, потомъ снова заговорилъ, произнося слова съ чуть замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ:

— О, какъ же мы выросли за эти четыре года!

Совсѣмъ стали взрослою барышнею! А только гдѣ же ваши длинныя косы, маленькая русалочка?.. Да, гдѣ же онѣ?..

— Ихъ срѣзали во время скарлатины, Большой Джонъ. Но не въ этомъ дѣло... Разсказывайте, откуда вы появились сейчасъ,—тѣмъ же радостно приподнятымъ тономъ говорила Лида.

— Позвольте же мнѣ пройти сперва въ пріемную, русалочка... Право, болтать въ пріемной куда удобнѣе, нежели здѣсь, на лѣстницѣ,—засмѣялся Большой Джонъ звучнымъ, какъ у ребенка безпечнымъ, смѣхомъ и тутъ же прибавилъ:

— Я уже побывалъ у вашей баронессы-начальницы, и она разрѣшила мнѣ повидаться полчаса съ вами... разумѣется, послѣ того какъ я сообщилъ ей, что съ вечернимъ экспрессомъ пріѣхалъ изъ Лондона и сегодня же ночью ѣду снова домой, въ Шлиссельбургъ.

— Какъ?.. вы уже ѣдете сегодня, Большой Джонъ?— испуганно проронили розовыя губки Лиды.

— О, нѣтъ! Это была только военная хитрость, маленькая русалочка, невинная ложь вашего большого друга, для того, чтобы повидать васъ сегодня же,—снова весело разсмѣялся молодой человѣкъ.—Вѣдь иначе ваша директрисса не разрѣшила бы мнѣ повидать васъ сегодня... А мнѣ такъ хотѣлось васъ повидать!.. Но я останусь въ Петербургѣ до завтра и завтра еще разъ побываю у васъ...

— Ахъ!—радостно вырвалось изъ груди Лиды, и она крѣпко сжала руку своего собесѣдника.

Болтая и смѣясь, они прошли въ небольшую комнату съ зеленою мебелью по стѣнамъ, съ высокимъ трюмо въ простѣнкѣ между оконъ, съ изображеніями лицъ императорскаго царствующаго дома—огромными портретами во всю вышину стѣнъ.

— Ну, вотъ, садитесь здѣсь и разсказывайте!—командовала Лида, усаживая своего гостя въ удобное мягкое кресло у окна и сама опускаясь на стулъ подлѣ.—Гдѣ вы были, Большой Джонъ?.. Что вы видѣли?.. Какъ путешествовали всѣ эти четыре года?.. Разсказывайте же, разсказывайте скорѣй!

— О, это слишкомъ долго разсказывать, маленькая русалочка, — запротестовалъ ея гость съ добродушной улыбкой.—Когда вы окончите курсъ и пріѣдете весною въ нашъ богоспасаемый городъ Шлюшинъ, какъ его называютъ мои русскіе друзья, я вамъ буду разсказывать такъ много, что у меня онѣмѣетъ языкъ, а у васъ заболятъ уши. А пока теперь, въ эти полчаса, я могу только сообщить вамъ, что, благодаря моимъ ходулямъ-ногамъ и длинной, какъ у жираффа, шеѣ, я за послѣдніе четыре года исходилъ и повидалъ гораздо болѣе всего того, что полагается исходить и видѣть обыкновеннымъ смертнымъ. Я влѣзалъ, русалочка, на самую высь альпійскихъ ледниковъ и низвергался въ тихія долины Тироля. Я носился, какъ рыба-акула, по водамъ океа-

— Богъ въ помощь, сестрички!..—проговорила Воронская...

новъ и сгоралъ отъ зноя въ горячихъ пустыняхъ... Я задиралъ свою маленькую голову такъ, что съ нея слетала шляпа, и глазѣлъ на гигантскія грани Хеопсовой пирамиды и наипочтительнѣйшимъ образомъ раскланивался передъ великими сфинксами пустыни. Не говорю уже о томъ, что я любовался боемъ быковъ въ Мадридѣ, лобзалъ папскую туфлю въ римскомъ Ватиканѣ и объѣдался устрицами въ Остенде. Все это было предобросовѣстно продѣлано мною до тѣхъ поръ, пока не промелькнули четыре года и я не почувствовалъ, что мой кошелекъ такъ же пустъ, какъ желудокъ выздоравливающаго послѣ діэты...

— Ха! ха! ха! ха!—звонко разсмѣялась Лида,—вы тотъ же Джонъ, тотъ же милый Большой Джонъ, какимъ были и до вашего путешествія по всему свѣту!

— Я не вижу причины мѣняться, маленькая русалочка,—произнесъ онъ и придалъ своему лицу комически-унылое выраженіе, которое заставило еще громче расхохотаться окончательно развеселившуюся дѣвочку.

— Ну, а теперь разскажите про себя. Какъ ваши дѣла и дѣлишки? Каковы ваши отношенія къ домашнимъ, къ вашей мачихѣ, братьямъ и малюткѣ-сестрѣ? Вы помните, въ наше послѣднее свиданіе вы такъ нелюбезно отзывались о мачихѣ. Вы не любили тогда вашу вторую маму и даже разсердились, когда я заговорилъ о ней... Впрочемъ, не будемъ пока вспоминать объ этомъ... Скажите лучше, какъ чувствуетъ себя

теперь маленькая русалочка и все ли еще мечтаетъ она о томъ, какъ хорошо было бы сдѣлаться принцессой, какъ мечтала она когда то маленькой дѣвочкой. Помните?

Пронзительные, ястребиные глаза молодого человѣка при послѣднихъ словахъ такъ и засіяли доброю улыбкою и лаской.

Лида вспыхнула до корней волосъ. Потомъ, застѣнчиво посмѣиваясь надъ самой собою, стала быстро разсказывать своему взрослому другу о томъ, что за четыре года, которые они не видѣлись, многое измѣнилось въ ея жизни, что между ней и ея мачихой, которую она раньше ненавидѣла, теперь самыя лучшія отношенія, что она любитъ свою «вторую» маму немногимъ развѣ менѣе «солнышка», то есть отца, котораго она и сейчасъ обожаетъ, какъ прежде, нѣтъ, даже больше прежняго любитъ—сознательнѣе и глубже, что братья ея подросли и стали настоящими маленькими красавчиками, а сестричка Нина—такая душка, такая прелесть, что хочется цѣловать ее безъ конца... Затѣмъ Лида стала разсказывать своему другу объ институтской жизни и сообщила ему, что въ институтѣ все стало по новому съ тѣхъ поръ, какъ онѣ «выпускныя». Имъ теперь дано больше свободы. О, гораздо больше! У нихъ поставлено зеркало въ дортуарѣ и «свои» собственныя свѣчи горятъ до одиннадцати часовъ. Имъ разрѣшено даже читать Толстого и Гончарова. Затѣмъ она подробно разсказала, какъ дѣвочки увлекаются спиритизмомъ, устраиваютъ

сеансы, не всѣ, конечно, а только тѣ, которыя принадлежатъ къ кружку «Таинственной лиги». И особенно онѣ увлекаются Чернымъ Принцемъ, въ котораго она, Лида, конечно, не вѣритъ, но духъ котораго вызываетъ Лотосъ, утверждая, что этотъ Черный Принцъ жилъ когда то въ Индіи, пилъ кровь дѣтей и дѣвушекъ, кушалъ ихъ сердца и... и...

— Прекрасное жаркое, нечего сказать!.. Но какъ вы можете повторять подобныя нелѣпости, милая русалочка?—расхохотался Джонъ и покачалъ своей комически-миніатюрной головою съ низко-остриженной на ней густой и бѣлокурой щетинкой волосъ.—Вѣдь я думаю, что вы, по крайней мѣрѣ, не вѣрите всему этому вздору?

Потомъ его лицо стало разомъ серьезно. Онъ взялъ своей большой рукой маленькую ручку Лиды и заговорилъ тономъ старшаго брата, разговаривающаго съ младшей сестрой:

— Вотъ видите ли, маленькая русалочка, я былъ въ Индіи, въ странѣ таинственнаго, на многое наглядѣлся у индійскихъ факировъ и убѣдился воочію, что по большей части это ловкіе фокусники, дурачащіе легковѣрный народъ. Многіе изъ нихъ въ моемъ присутствіи вызывали духовъ, которые разговаривали загробными голосами, вырывали пламя и огонь изъ земли, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Но оказалось, что это были не колдуны и чародѣи, а просто обманщики. Правда, существуютъ какія то странныя силы въ природѣ, магне-

тизмъ и гипнотизмъ, исходящіе отъ болѣе энергичныхъ людей и дѣйствующіе на болѣе слабыхъ. Но при чемъ же тутъ вызываніе давно умершихъ?.. Не понимаю, какъ можетъ придти покойникамъ блажь покидать свой загробный міръ и прогуливаться по свѣту! Я увѣренъ, что никакого общенія между живыми и мертвыми не существуетъ и никакого духа Чернаго Принца, пожирающаго дѣтей, никто въ мірѣ вызвать не можетъ, потому что его не было, нѣтъ и не будетъ... Въ этомъ я даю вамъ на отсѣченіе мою голову, слишкомъ маленькую голову слишкомъ Большого Джона,—заключилъ онъ со смѣхомъ.

Потомъ, помолчавъ минуту, молодой человѣкъ сталъ собираться уходить.

— А теперь доброй ночи, маленькая русалочка,— говорилъ онъ ласково.—Вы видите, что я люблю васъ, какъ мою маленькую, самую дорогую сестренку, и прежде, нежели попасть въ нашъ маленькій городокъ, гдѣ мы съ вами познакомились, я завернулъ къ бѣдной русалочкѣ-принцессѣ, запертой въ замокъ колдуньи Науки ровно на семь лѣтъ... Завтра приду къ вамъ снова,— закончилъ молодой человѣкъ,—конечно, если пожилыя дамы изъ породы Аргусовъ, оберегающія ваше спокойствіе, не будутъ ничего имѣть противъ... А пока до скораго свиданія, маленькая сестричка-русалочка. Спите хорошенько. Желаю вамъ отъ души увидѣть меня сегодня во снѣ!

— До скораго свиданія, Большой братъ Джонъ,— произнесла Лида.

Оба разомъ поднялись со своихъ мѣстъ и пожали другъ другу руки. Потомъ Большой Джонъ накинулъ на плечи свой неуклюжій плащъ, тотъ самый плащъ, который такъ помогалъ ему защищаться отъ бурь и вѣтровъ на снѣжныхъ альпійскихъ вершинахъ, и, еще разъ кивнувъ и улыбнувшись сѣроглазой дѣвочкѣ, вышелъ изъ пріемной.

ГЛАВА III.

Въ дортуарѣ.—Нѣсколько словъ о недавнемъ прошломъ.

НИКАКОГО Чернаго Принца нѣтъ, не было и не будетъ!.. Если не вѣрите мнѣ, спросите Большого Джона. Онъ объѣздилъ весь міръ и знаетъ все, что происходитъ на свѣтѣ!—прозвучалъ торжественно и громко съ порога спальни голосъ появившейся здѣсь неожиданно Лиды Воронской.

Эта спальня, «дортуаръ» по-институтски, представляла изъ себя длинную, узкую комнату съ иконой въ углу, передъ которой теплилась хрустальная лампада. Въ противоположномъ углу стояло высокое, узкое трюмо. Далѣе была дверь, ведущая въ умывальную. Четыре ряда кроватей съ жесткими матрасами и типичными казенными нанковыми одѣялами были размѣщены такимъ образомъ, что соприкасались изголовьями одна съ другой. Подлѣ каждой постели находился ночной столикъ, раздѣляющій кровати небольшимъ, узкимъ пространствомъ, называемымъ «переулкомъ». Въ ногахъ кроватей стояли

деревянные табуреты, на которыхъ лежало аккуратно сложенное на ночь дневное платье и бѣлье воспитанницъ.

Сами воспитанницы сидѣли, разбившись группами, на постеляхъ и табуретахъ въ «собственныхъ» фланелевыхъ цвѣтныхъ юбочкахъ и «собственныхъ» же байковыхъ платкахъ на плечахъ. На каждомъ ночномъ столикѣ стоялъ хорошенькій, изъ цвѣтного хрусталя, подсвѣчникъ съ заженной свѣчею, и такимъ образомъ комната была ярко иллюминована, какъ церковь. Отблескъ свѣчей игралъ на лицахъ дѣвочекъ, въ глубинѣ ихъ зрачковъ, зелеными и красными огоньками и дѣлалъ невольно видъ казенной, неуютной спальни веселѣе, праздничнѣе и наряднѣе, нежели днемъ.

По оживленнымъ спорамъ дѣвочекъ, по ихъ взволнованному лепету и взбудораженнымъ лицамъ было видно, что недавній переполохъ еще далеко не улегся въ этомъ дѣвичьемъ муравейникѣ, отдѣленномъ толстыми, крѣпкими стѣнами отъ всего прочаго міра.

Когда Лида Воронская, возбужденная и запыхавшаяся, со съѣхавшей на-бокъ пелеринкой, вбѣжала сюда, всѣ разомъ повскакивали со своихъ мѣстъ и окружили тѣснымъ кругомъ подругу.

— Что такое?.. Какъ нѣтъ Чернаго Принца?.. Кто же былъ человѣкъ въ плащѣ?.. И гдѣ ты пропадала все время?..—посыпались на нее дальнѣйшіе вопросы.

Лида едва успѣвала удовлетворить любопытныхъ подругъ.

— Повторяю еще разъ: Чернаго Принца нѣтъ. Все выдумки и чепуха!

— Неправда! Ложь!.. Я видѣла черныя крылья за плечами незнакомца и мрачные глаза, сверкавшіе изъ-подъ капюшона,—визжала Додошка, вся красная отъ волненія.

— Додошка, молчокъ! Ты и у ламповщика Кузьмы тоже видѣла рога на головѣ въ прошлое воскресенье. Удивительная психопатка!..—проговорила голубоглазая Эльская и метнула въ сторону Даурской сердитый взглядъ.

— Эльская, вы не имѣете права браниться!—живо закипѣла Додошка.

— Ты невѣроятно глупа, если думаешь, что это брань,—спокойно возразила Сима.

— Нѣтъ, я знаю, психопатка бранное слово. Есть даже лечебница для психопатокъ, психопатская лечебница,—продолжала горячиться Даурская.

— Дурочка, вовсе не психопатская, а психіатрическая,—пояснила Эльская и простодушно разсмѣялась.

Но не такъ то легко было навести на путь истины кубышку Додо.

— Неправда!.. А если вы, Эльская, браниться будете, я пожалуюсь m-lle Эллисъ, — окончательно разсердилась она.

Сима пожала плечами, махнула рукой и, рѣшивъ, что безполезно «просвѣщать» Даурскую, отошла отъ нея.

— Послушай, Воронская, не разговаривай ты съ ними,—зазвучалъ черезъ минуту горячо и убѣжденно ея звонкій голосъ.—Онѣ невмѣняемы, право, и тебѣ ихъ все равно не переубѣдить. Отнять у нихъ вѣру въ Чернаго Принца и въ прочую чепуху—значитъ отнять радость и смыслъ ихъ сѣрой, будничной жизни Онѣ взвинчиваютъ сами себя, пугаются и трепещутъ, и во всемъ этомъ для нихъ получается какой то смѣшной и нелѣпый интересъ... Если бы ты знала, какъ я хохотала надъ ними, когда онѣ всѣ бѣжали, точно испуганныя овцы, по лѣстницѣ, горланя и пища!.. Это, понимаешь ли, была картина!.. Но гдѣ ты была? Кто это былъ у тебя на пріемѣ?—неожиданно заключила Эльская вопросомъ свою рѣчь.

Лицо Лиды приняло счастливое выраженіе. Глаза сверкнули и скрылись за длинными темными рѣсницами.

— У меня былъ Джонъ... Большой Джонъ, понимаешь? Тотъ самый Джонъ, который изъѣздилъ весь міръ и о которомъ я вамъ всѣмъ разсказывала столько разъ прежде.

— Большой Джонъ Вилькангъ?..—послышались недовѣрчивые голоса.

— Онъ самый!—весело подтвердила Лида.—А завтра онъ придетъ снова и будетъ на пріемѣ. Я познакомлю васъ всѣхъ съ нимъ, и онъ разскажетъ вамъ про Испанію и Алжиръ, про Индію и Египетъ и еще про то, что

Черный Принцъ—гадость и чепуха и что только дѣти способны повѣрить въ это...

— Да, да!.. Только дѣти и глупыя институтки!— насмѣшливо присовокупила Сима.

Кто то дернулъ Лиду за перелину позади нея.

Она живо обернулась. Передъ ней стояла Елецкая, блѣдная, взволнованная, съ прикушенными отъ досады губами.

— Воронская!.. — произнесла она и ея русалочій взглядъ заблестѣлъ недобрыми огоньками,—мы всѣ, члены «Таинственной лиги», торжественно объявляемъ вамъ, что присутствіе ваше на нашихъ ночныхъ сеансахъ не можетъ быть ни въ коемъ случаѣ допустимо.

И сдѣлавъ величественный жестъ рукою, она отошла отъ Лиды съ видомъ разгнѣванной королевы.

— Бѣдненькая Воронская! Горе твое непосильно... Ты изойдешь слезами, бѣдняжка!.. Еще бы!.. Быть изгнанной изъ членовъ «Таинственной лиги!» О... это... это!.. ужасно! Бѣдная! бѣдная!.. Позволь мнѣ, въ виду твоего горя и рыданій, приготовить тебѣ полдюжины платковъ для утиранія слезъ,—и, едва договоривъ эту фразу, шалунья Эльская повалилась съ хохотомъ на постель и оглушительно и отчаянно застучала ногами о желѣзный переплетъ кровати.

— Эльская, я васъ презираю!—тономъ, не допускающимъ возраженій, произнесла разгнѣванная Елецкая, не удостоивъ Вольку ни единымъ взглядомъ.

— Медамочки, разойдитесь!.. Атилла идетъ!..—выкрикнула Рантъ, пулей влетая въ спальню.

Почти одновременно съ нею дверь изъ смежной съ дортуаромъ комнаты пріоткрылась и толстенькая m-lle Эллисъ, неизвѣстно почему прозванная именемъ предводителя гунновъ, вошла въ спальню выпускныхъ.

— Couchez-vous, mesdames! Couchez-vous. Il'est deja onze heures... [1]) Эльская, что у васъ за манера валяться съ ногами на постели!..—недовольнымъ голосомъ роняла она.

— Къ сожалѣнію, я не могу отрѣзать свои ноги и спрятать ихъ въ карманъ,—отвѣтила рѣзко Сима, дѣлая страшную гримасу.

— Не острите! Это не умно! Вы, кажется, никогда не поймете добраго къ вамъ отношенія!—вспыхнула m-lle Эллисъ. — И потомъ я должна вамъ повторить, à vous toutes autres [2]), — обратилась m-lle Эллисъ къ присмирѣвшимъ дѣвочкамъ, — что такой крикъ, такая суматоха недопустимы въ стѣнахъ воспитательнаго заведенія для благородныхъ дѣвицъ. Богъ знаетъ, что сдѣлалось съ вами сегодня, когда вы вышли изъ столовой! Всѣхъ маленькихъ перепугали... Въ другой разъ я буду записывать зачинщицъ... И что васъ могло такъ испугать?.. Je ne comprends pas [3])!

---

[1]) Ложитесь спать! Ложитесь спать! Уже одиннадцать часовъ.
[2]) Всѣмъ остальнымъ.
[3]) Я не понимаю

— Даурская, m-lle, видѣла чорта съ рогами и хвостомъ...—пискнула маленькая Юля Пантарова, прозванная подругами за свой маленькій ростъ «Малявкой».

— Даурской всегда что-нибудь видится неприличное,— произнесла добродушно m-lle Эллисъ и, погрозивъ пальцемъ Додошкѣ, захлопала въ ладоши.

— Развѣ чортъ это что-нибудь неприличное?— наивно спросила Пантарова.

— Въ постели, mesdames, въ постели! Il est temps de dormir [1]),—произнесла въ отвѣтъ классная дама.

Дѣвочки засуетились, спѣшно раздѣваясь и гася свои свѣчи.

Дежурившая въ этотъ день по классу старшая Пантарова, Катя, не уступающая въ шалостяхъ своей младшей сестрѣ, выдвинула табуретъ на середину спальни и, протянувъ руку къ висѣвшему надъ ея головой газовому рожку, прикрутила въ немъ свѣтъ. Мгновенно дортуаръ погрузился въ полумракъ и тишину. Только чуть слышно шуршали въ темнотѣ сбрасываемыя наскоро юбки: дѣвочки поспѣшно укладывались въ ихъ узкія холодныя постели.

Лида Воронская раздѣлась медленно и, зябко кутаясь въ нанковое одѣяло, свернулась калачикомъ на своемъ матрасѣ.

М-lle Эллисъ легкимъ призракомъ скользнула по

---

[1]) Время спать.

притихшему дортуару, громко пожелала спокойнаго сна воспитанницамъ и исчезла за дверью своей комнаты.

Лида Воронская лежала какъ разъ противъ окна, выходившаго на дворъ института. Лучъ мѣсяца и легкій сумракъ весенней ночи, слабо прорѣзываясь сквозь синюю штору, дѣлали таинственными и красивыми эти бѣлыя постели съ притихшими въ нихъ сорока юными воспитанницами. Съ одной стороны Лиды уже умудрилась сладко уснуть Додошка, съ другой—черноокая черкешенка, приподнявшись на локтѣ, мечтательно вглядывалась въ мигающій огонекъ лампады. Въ противоположномъ углу дортуара вполголоса, изступленно, спорили Рантъ и Малявка.

Таинственный свѣтъ «Божьяго огонька» передъ образомъ Спасителя и синяя штора съ проскальзывающимъ сквозь нее сіяніемъ мѣсяца напомнили Лидѣ давно забытую спальню, давно минувшіе годы дѣтства. И легкій сонмъ крылатыхъ грезъ завѣялъ надъ ней.

Она, Лида, маленькая, смѣшная дѣвочка, воображающая себя какой то сказочной принцессой, передъ которой всѣ окружающіе должны были склоняться до земли. Самолюбивая, гордая, любимица отца, баловень четырехъ тетокъ и молоденькой гувернантки, общій кумиръ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, Лида имѣла основаніе считать себя какимъ то божкомъ. У маленькой Воронской не было матери. Послѣдняя умерла при рожденіи дѣвочки. Зато у нея былъ отецъ необычайной

доброты, горячо любившій свою дѣвочку, въ свою очередь боготворившую его. Отца Лиды звали Алексѣемъ Александровичемъ Воронскимъ; въ устахъ же Лиды не находилось другого имени какъ «солнышко» для горячо любимаго папы. Это прозвище дѣвочка придумала еще въ раннемъ дѣтствѣ и съ тѣхъ поръ не называла отца иначе, какъ «солнышко», «папа Алеша» или другими ласковыми именами, на изобрѣтеніе которыхъ была способна экзальтированная и нѣжная душа дѣвочки.

Страннымъ ребенкомъ росла Лида. Она ни въ чемъ, казалось, не знала спокойной золотой середины: то ея игры были мальчишески буйны, ея шалости озабочивали родныхъ, то вдругъ, разомъ налетавшая на нее мечтательность погружала дѣвочку въ какой то новый фантастическій міръ. Она воображала себя сказочной принцессой и жила своими грезами, чуждыми дѣйствительности.

Когда Лида подросла, непредвидѣнный ударъ разразился надъ ея фантастически настроенной головкой: «солнышко» выбралъ себѣ новую подругу жизни—отецъ «принцессы» женился...

Дѣвочка Лида потеряла голову. Маленькая принцесса упала съ неба на землю. Ей дали мачиху! И весь міръ сталъ точно сразу сѣрымъ и безцвѣтнымъ въ глазахъ ребенка, считавшаго что ея «солнышко» долженъ былъ любить ее одну въ цѣломъ свѣтѣ...

Первое горе—первое разочарованіе страшно отразилось на характерѣ Лиды.

Она какъ бы замкнулась, ушла въ себя. Она вообразила себя жертвой мачихи, такой именно мачихи, о которыхъ говорится въ сказкахъ. И она стала сторониться даже своего солнышка-отца за то, что онъ предпочелъ ей чужую «тетю Нелли», свѣтскую барышню, ея мачиху, которая, несмотря на всю ея душевную доброту, не сумѣла сразу понять капризную, своеобразную и извилистую душу маленькой падчерицы. Лида просто возненавидѣла ее.

Когда Лидѣ минуло 11 лѣтъ, она случайно въ домѣ своего отца и мачихи (они жили тогда въ Шлиссельбургѣ) встрѣтила страннаго молодого человѣка, вѣчно радостнаго, вѣчно веселаго, бодраго духомъ, и она полюбила его какъ брата.

Это былъ Джонъ Вилькангъ, сынъ англичанина, владѣльца богатой фабрики подъ Шлиссельбургомъ, только что вернувшійся изъ Англіи, гдѣ онъ блестяще окончилъ Оксфордскій университетъ. Съ перваго же дня знакомства «Большой Джонъ» (какъ онъ самъ себя назвалъ вслѣдствіе необычайно высокаго роста) привязался къ «маленькой русалочкѣ»—такое прозвище было имъ дано Лидѣ—и всячески старался смягчить ея отношеніе къ «новой мамѣ». Это однако плохо удавалось ему: Лида ненавидѣла послѣднюю до тѣхъ поръ, пока сама судьба не дала совершенно новый оборотъ дѣлу.

Это случилось въ то время, когда Лида была воспитанницею одного изъ младшихъ классовъ института. Въ страшную для института зиму двѣ воспитанницы заболѣли тяжелой формой оспы. Лида Воронская была одной изъ этихъ двухъ жертвъ. Дѣвочка, чуть живая отъ приступовъ жара и лихорадки, лежала изолированная въ темной комнатѣ, съ повязкою на глазахъ. За ней ухаживала, съ рѣдкимъ смиреніемъ и терпѣніемъ, какая то женщина, которая называла себя сестрою милосердія Анной. Она, не боясь заразы, позабывъ грозившую ей самой опасность смерти, ни на минуту не отходила отъ постели трудно больной.

Только благодаря уходу сестры Анны Лида была вырвана изъ когтей смерти.

Дни и ночи она просиживала въ совершенно темной комнатѣ у изголовья дѣвочки, покорно выполняя всѣ ея капризы, исполняя всѣ ея желанія.

Лида не могла не привязаться къ этой самоотверженной женщинѣ, не могла не полюбить ее со всѣмъ пыломъ своей экзальтированной души. Привязалась она къ сестрѣ Аннѣ, не видя ее въ лицо, потому что во все время болѣзни глаза Лиды были закрыты.

Постояннымъ желаніемъ выздоравливающей стало увидѣть и какъ можно скорѣе милую сестру. И когда впервые упала съ лица больной пропитанная какимъ то лекарственнымъ снадобьемъ маска, дѣвочка увидѣла ту,

которую страстно ненавидѣла до тѣхъ поръ, и съ того дня она полюбила ее всей душой.

Оказалось, что ея мачиха приняла на себя добровольно роль сестры милосердія, чтобы вырвать свою падчерицу изъ грозныхъ когтей смерти...

Прошло четыре года и корректная, по виду свѣтская, Нелли, которая возбудила сначала такую ненависть необузданной своей падчерицы, стала самой нѣжной, самой ласковой и заботливой матерью юной Лиды Воронской [1]).

---

[1]) Событія, о которыхъ говорится въ этой главѣ, подробно разсказаны въ повѣсти Л. А. Чарской «За что?» Настоящая повѣсть—«Большой Джонъ», являясь самостоятельнымъ произведеніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и продолженіемъ повѣсти «За что?»

ГЛАВА IV.

Союзъ Таинственной лиги.—Гарунъ-аль-Рашидъ.—Загробная поэзія.

ЛИДА спала. Мягкая ласковая мартовская ночь пробивалась сквозь синюю штору. Короткими лучами сіялъ молодой мѣсяцъ, бросая легкій, чуть уловимый свѣтъ на юныя личики молодыхъ дѣвушекъ, сладко спавшихъ въ ихъ жесткихъ постеляхъ.

Но не всѣ дѣвушки спали въ эту ночь. Вотъ приподняла головку съ подушки красавица-черкешенка и, перегнувшись черезъ спящую Лиду, дотянулась рукою до изголовья Додошкиной кровати и стала тормошить спящую дѣвочку за плечо.

— Даурская, вставай!..—звонко зашептала Гордская.

Кубышка Додо отъ неожиданности скатилась съ постели.

Въ это время на противоположномъ концѣ дортуара блѣдная, растрепанная Лотосъ, съ фосфорически горя-

щими въ полутьмѣ глазами, будила Бухарину, Рантъ, вторую Пантарову и Дебицкую.

— Вставайте, медамочки, скорѣе вставайте!..—командовала Лотосъ.—Уже полночь давно и какъ разъ время начинать сеансъ...

Къ одной изъ ближайшихъ къ Воронской постели подбѣжала, чуть слышно шлепая босыми ногами, Макарова, «Макака», маленькая, кукольнаго роста дѣвочка съ хорошенькимъ добродушнымъ личикомъ избалованнаго и капризнаго дитяти.

– Мара, вставай!.. Пора, Хохлушечка! Лотосъ всѣхъ будитъ!—тормошила она въ свою очередь разоспавшуюся сосѣдку, и круглолицая Мара стала усиленно протирать заспанные глаза.

Легкими бѣлыми тѣнями, въ однѣхъ длинныхъ сорочкахъ, холщевыхъ юбкахъ и ночныхъ кофточкахъ, съ распущенными вдоль спины косами, съ надѣтыми на ноги шлепанцами-туфлями, дѣвочки проскользнули въ умывальную одна за другой.

Небольшая комната съ широкимъ мѣднымъ желобомъ и десяткомъ такихъ же кранновъ, полочки для мыла, нѣсколько деревянныхъ табуретовъ и комодъ съ выдвижнымъ ящикомъ, гдѣ, сладко похрапывая, съ широко открытымъ ртомъ, спала сномъ праведницы дортуарная дѣвушка Акуля—вотъ и вся незатѣйливая обстановка той комнаты, гдѣ долженъ былъ произойти спиритическій сеансъ.

Первая вошла въ умывальную Елецкая и тотчасъ же принялась за работу. Она сдернула съ плечъ толстый байковый платокъ-пледъ и разостлала его посреди комнаты, потомъ вынула изъ-за пазухи большой, вчетверо сложенный листъ бумаги и разложила его поверхъ платка. На листѣ огромными буквами, въ видѣ круга, занимавшаго весь листъ, былъ выписанъ алфавитъ русской азбуки.

Затѣмъ изъ кармана холщевой юбки она достала небольшое блюдечко и, опрокинувъ, положила его въ серединѣ азбучнаго круга. На нижней сторонѣ блюдца, у самаго края его, красовалась черненькая небольшая чернильная точка, въ видѣ кляксы.

— Ложитесь всѣ на пледъ,—снова скомандовала Лотосъ, и всѣ дѣвочки, не возражая и не медля ни минуты, улеглись на платкѣ вокругъ листа съ азбукой.

— Ты будешь записывать слова духа, Гордская,— тѣмъ же, не допускающимъ возраженія, голосомъ приказывала Елочка, — я же, какъ медіумъ, Бухарина, Макарова и Дебицкая будемъ держать блюдечко. Рантъ, Хохлушка, Малявка, Додошка, слѣдите за нами, чтобы никто не вздумалъ плутовать.

— Хорошо!—покорнымъ дружнымъ тономъ отозвались спиритки и замерли, лежа на платкѣ животами внизъ.

Стрекоза Рантъ, Креолка Бухарина, Вѣра Дебицкая и сама Лотосъ положили по указательному пальцу на

края блюдечка, находившагося въ центрѣ алфавитнаго круга.

— Всѣ ли готовы?—съ тѣмъ же торжественнымъ видомъ своимъ глуховатымъ голосомъ спросила Елецкая.

Она стала буквально неузнаваема за эти короткія минуты. Щеки—безъ признака крови, русалочьи глаза, расширенные до ужаса, горящіе и жуткіе, волосы—черные, распущенные по плечамъ,—все это дѣлало странную, экзальтированную дѣвочку какимъ то особеннымъ, чуть ли не фантастическимъ существомъ въ глазахъ ея подругъ.

— Начнемъ...—раздался снова глуховатый голосъ Ольги.

— Ахъ, постойте,—прозвенѣлъ тоненькій голосокъ черкешенки,—а какъ же Воронская?.. Вѣдь мы же пригласили ее...

— Черкешенка не можетъ жить безъ своей вороны, — засмѣялась, ехидничая, Малявка. — Да ты не слышала развѣ, что Лотосъ нашла ее недостойной войти въ кружокъ Таинственной лиги, въ нашъ кружокъ?..

— Да, я признала ее недостойной, — отозвалась Лотосъ.

— Въ такомъ случаѣ я ухожу,—произнесла черкешенка, отталкивая отъ себя листъ бумаги и карандашъ, которымъ приготовилась уже записывать рѣчи вызываемаго духа, и живо вскочила на ноги.

— Это невозможно!—съ досадой проговорила Елец-

кая,—безъ твоего присутствія сеансъ немыслимъ. У тебя такіе глаза, душка, что ты сама иногда можешь быть, за моимъ отсутствіемъ, медіумомъ. Нѣтъ, ужъ разъ пошло на это—оставайся. Я готова уступить. Додошка, пойди въ дортуаръ и приведи сюда Воронскую,—неожиданно обратилась она къ Даурской.

— Послушайте, Елецкая, не посылайте меня въ дортуаръ, я боюсь. Тамъ такъ храпятъ, точно передъ смертью, — взмолилась Додошка, умоляюще складывая свои пухлыя ручонки на груди.

Она говорила Лотосу «вы» въ эту минуту, какъ и всѣ прочія спиритки, видѣвшія въ Елецкой во время сеансовъ особое существо, посредницу между ними и загробнымъ міромъ.

— Ты пойдешь, Додошка!.. Слышишь ли, ты пойдешь!.. —уже настойчивѣе произнесла Лотосъ, и глаза дѣвочки блеснули гнѣвомъ.

— Иди, Додикъ, иди, милый!.. Я тебѣ завтра за обѣдомъ за это мою порцію варениковъ съ творогомъ отдамъ...—шепнула Рантъ и незамѣтно перекрестила за спиной Додошку.

Толстенькая дѣвочка при напоминаніи о вареникахъ уже не колебалась ни одной минуты: соблазнъ былъ слишкомъ великъ. Додошка облизнулась, какъ котенокъ, и робкимъ шагомъ направилась въ дортуаръ.

Тамъ было все по старому. Дѣвочки спали. Кто то сладко храпѣлъ съ легкимъ присвистомъ, кто то бре-

дилъ: «Отдай мнѣ мои калоши... Это мой номеръ, а не твой, Карская, глупая, слѣпая... Не видишь развѣ?»

Вздрагивая отъ страха Додошка очутилась у постели Воронской.

— Лидка, проснись!.. Пожалуйста проснись, поскорѣе!.. Вороненокъ... пожалуйста проснись!..—залепетала она, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода и страха.

Долго упрашивать ей, однако, не пришлось. Воронская уже сидѣла на постели, слушала безсвязный лепетъ Додошки и, тихо посмѣиваясь, протирала глаза.

— Ага! Понимаю! Гордская просила за меня... Дурочка! Зачѣмъ? А впрочемъ, отчего же не познакомиться съ Чернымъ Принцемъ и другими мертвыми господами?.. Хорошо, я согласна. Иди и скажи имъ всѣмъ, что сейчасъ одѣнусь и приду.

— Ни за что одна не пойду! — чуть не въ голосъ крикнула Додошка.—Мурка оретъ во снѣ какъ безумная. Не пойду мимо ея постели одна... Я подожду тебя, Лидюша... милая, позволь...

— Вотъ такъ спиритка! Храбрости хоть отбавляй! Ну, хорошо, идемъ вмѣстѣ,—смѣялась Лида, надѣвая юбку.

Когда онѣ появились въ умывальной, дѣвочки лежали попрежнему неподвижныя, какъ муміи, на широкомъ пледѣ посреди комнаты, съ лицами, краснорѣчиво выдающими ихъ душевныя волненія.

— Богъ въ помощь, сестрички!.. — весело проговорила Воронская.

— Тише, тише, молчи, Вороненокъ, ты спугнешь духа, несчастная!.. Блюдечко движется уже, гляди... — зашептали ей на оба уха Малявка и Хохлушка.

Загорѣвшимися отъ любопытства глазами Лида заглянула внизъ черезъ головы подругъ.

Блюдечко, чуть придерживаемое четырьмя указательными пальцами четырехъ дѣвочекъ, дѣйствительно, легонько двигалось по кругу, останавливаясь сдѣланной на немъ черной точкой то на одной буквѣ, то на другой.

Гордская записывала буквы, изъ которыхъ составлялись слова. Такимъ путемъ духъ разговаривалъ со спиритками. Послѣднія затихли и съ блѣдными, взволнованными лицами слѣдили за ходомъ блюдца.

— Ложись, Лида, и не смѣйся, пожалуйста... Ты испортишь намъ этимъ все дѣло, — успѣла шепнуть черкешенка, обращаясь къ Воронской, и красивая, холодная какъ ледъ, рука дѣвочки нервно сжала пальцы подруги.

Лида съ обычною своею насмѣшливой улыбкой легла на указанное мѣсто, рѣшившись позабавиться во что бы то ни стало въ эту ночь.

Блюдечко двигалось все быстрѣе и быстрѣе. Сѣрые, черные и синіе глазки слѣдили за нимъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

Буквы, на которыхъ останавливалась отмѣтинка блюдечка, выливались въ слова, пріобрѣтали смыслъ.

Духъ говорилъ посредствомъ блюдечка со своими почитательницами очевидно самымъ серьезнымъ образомъ.

Лотосъ-Елецкая, теперь блѣдная какъ призракъ, съ застеклѣвшими, точно завороженными глазами, глухимъ, замогильнымъ голосомъ вопрошала невидимое таинственное существо:

— Кто ты, рѣшившій покинуть загробный міръ ради насъ, жалкихъ, ничтожныхъ дѣтей земли?..

И она застыла въ ожиданіи отвѣта.

Блюдечко задвигалось, останавливаясь то здѣсь, то тамъ. Слова выходили.

— «Я тотъ, о которомъ вы слышали всѣ. Я нахожусь теперь въ лучезарномъ саду блаженства и только изрѣдка спускаюсь къ вамъ, бесѣдовать съ тѣми, кто вѣритъ и любитъ меня...»

— Мы любимъ тебя, мы вѣримъ въ тебя, голубчикъ, миленькій!.. — со слезами, скорѣе страха, нежели любви, рявкнула Додошка.

— Молчать!..—грозно прошипѣла Лотосъ, и ея тонкій блѣдный палецъ свободной лѣвой руки закачался передъ самымъ носомъ не въ мѣру расходившейся спиритки.

— Тише, mesdames... Я чувствую... Я знаю, что онъ здѣсь сейчасъ между нами...—добавила она тономъ величайшей таинственности, оглядывая лица подругъ.

Малявка тихо взвизгнула отъ страха и поджала

подъ себя босыя ноги. Маленькая Макарова отскочила отъ листа, какъ отъ горячихъ угольевъ, и взмолилась по направленію Лотоса жалобнымъ голоскомъ:

— Умоляю васъ, Елецкая, отпустите меня! Пусть кто-нибудь другой вертитъ блюдечко, я не могу больше...

— Ты дура, Макака, если говоришь такъ!—и глаза Ольги заметали молніи въ сторону нарушительницы порядка,—сколько разъ говорить вамъ: вертитъ блюдечко «онъ» самъ, невидимый и безтѣлесный, вкладывая въ наши пальцы ту силу и волю, которая исходитъ изъ него самого...

И тотчасъ же, наклоняясь къ самому блюдцу, произнесла голосомъ, полнымъ мольбы и тревоги:

— Заклинаю тебя, о, божественный, открыть намъ твое имя, а также сказать, съ кѣмъ ты желаешь бесѣдовать изъ насъ.

Таинственное блюдечко забѣгало, чуть ли не заплясало, въ центрѣ алфавитнаго круга, останавливаясь то на одной, то на другой буквѣ.

Вышло: — «Я хочу сыпать благоуханіе моихъ рѣчей для возлюбленной дочери моей по духу Ольги Елецкой».

— О, благодарю тебя, духъ! Не имѣю силъ высказать тебѣ мою преданность!—ударяя себя въ грудь свободной лѣвой рукой, воскликнула Ольга. И блѣдныя щеки ея окрасились слабымъ румянцемъ радости.

— Но кто ты, скажи намъ, великій! Имя, имя твое сообщи намъ!.. — совершенно забывшись въ охватив-

шемъ ее экстазѣ, завопила она, колотя свободной рукой въ полъ.

Теперь блюдечко уже не скользило, а металось отъ буквы къ буквѣ изо всей прыти, на какую можетъ быть способно простое, изъ бѣлаго фарфора, блюдечко.

Вотъ оно остановилось на «я», на «г», на «а», на «р», на «у» и такъ далѣе.

Вышла фраза: «Я Гарунъ-аль-Рашидъ, калифъ Багдадскій и поэтъ Гренады».

— Ахъ!—вырвалось изъ груди десятка дѣвочекъ.— Это онъ! Арабскій повелитель и поэтъ!

— Тотъ самый, что ходилъ по улицамъ Гренады и прислушивался къ нуждамъ своего народа, чтобы помогать бѣднякамъ, чтобы заставить судей судить по всей справедливости. Онъ жилъ въ VIII вѣкѣ послѣ Р. Х. и прославленъ въ сказкахъ «Тысячи и одной ночи», — твердо отчеканивая каждое слово изъ урока всеобщей исторіи, шопотомъ пояснила Рантъ изъ того самаго урока, за который она на прошлой недѣлѣ получила пятерку съ минусомъ при двѣнадцатибалльной системѣ, и потому помнила его теперь чуть ли не наизусть.

Воспользовавшись этой суматохой, Воронская заняла мѣсто Макаки, и тонкій палецъ дѣвочки легъ на освободившійся краюшекъ блюдца. Лотосъ неистовствовала. Какъ и подобало вести себя посредницѣ живого съ загробнымъ міромъ, она била себя въ грудь, таращила

и дико поводила глазами и то шептала чуть слышно, то завывала страннымъ голосомъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ обычно нѣжнымъ, нѣсколько глухимъ голоскомъ ея эфирнаго существа.

Дортуарная Акуля начала уже замѣтно безпокоиться въ своей выдвижной постели, сквозь сонъ слыша всѣ эти завыванія и шорохъ бумаги.

Блюдечко между тѣмъ бѣгало какъ живое. Буквы мелькали за буквами. Выходили стихи.

Гарунъ-аль-Рашидъ, очевидно, пожелалъ наградить виршами своихъ благонравныхъ спиритокъ:

«Ночь тиха, ароматомъ Гренадскихъ садовъ

—выводило теперь неистово танцующее по бумагѣ блюдечко—

Насыщенъ бѣломраморный городъ,
Спятъ и Тигръ, и Евфратъ у своихъ береговъ,
Спитъ нужда, спятъ печали и голодъ...
Я Гарунъ-аль-Рашидъ, повелитель людей,
Я насытилъ всѣ нужды народа,
Осушилъ слезы бѣдныхъ голодныхъ дѣтей,
Я имъ создалъ спокойные годы:
Каждый мавръ можетъ кушать чеснокъ съ колбасой
И закусывать ихъ апельсиномъ,
Пастилу Абрикосова, съ чаемъ порой,
Или сушки Филиппова съ тминомъ...»

— Что?!. Что такое?!. Господи, что за чепуха!.. Сушки отъ Филиппова! пастила отъ Абрикосова!..

— При чемъ же тутъ Гренада?!. — послышался сдержанный шопотъ недоумѣвающихъ дѣвочекъ.

— А Тигръ и Евфратъ, развѣ они протекаютъ че-

резъ Гренаду?.. — возмущалась Вѣра Дебицкая, первая ученица.—Это невозможно!..

— Все возможно!.. Все!.. Все!.. Для духа по крайней мѣрѣ, для духа Гаруна-аль-Рашида!..—восторгалась Лотосъ и съ пылающимъ лицомъ снова склонилась къ блюдечку.

— О, великій повелитель Гренады, о, могучій калифъ!—молила она,—ты шутишь съ нами. Шути, великій, если ты не гнѣвенъ. Если же ты гнѣвенъ, то выскажи свое неудовольствіе намъ. Чѣмъ мы прогнѣвили тебя?.. И скажи, могучій, чѣмъ намъ умилостивить тебя.

— «Нужна искупительная жертва и когда она будетъ принесена, вы увидите Чернаго Индійскаго Принца, который явится къ вамъ въ эту же ночь...»—выплясывало блюдечко, и лица юныхъ спиритокъ приняли выраженіе самаго остраго, самаго напряженнаго вниманія.

— О, говори, великій, что намъ сдѣлать, чтобы умилостивить тебя?—снова зашептала въ своемъ экстазѣ Лотосъ.

Но тутъ блюдечко заплясало уже самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Стали выходить невѣроятныя фразы и слова.

Духъ видно забавлялся не въ мѣру.

— «Пусть Додошка откажется завтра отъ своего пеклеванника съ сыромъ за завтракомъ», — назначалъ духъ искупительную жертву, отчего у толстенькой Даур-

ской сдѣлалось сразу драматическое лицо, и она чуть ли не плача прошептала:

— Господи!.. Отчего же это на меня одну напасть такая!..

Но слѣдующая фраза успокоила ее.

— «Пусть мой вѣрный медіумъ вымажетъ себѣ носъ сажей»,—снова, рѣзвясь, приказывалъ духъ.

— «И, наконецъ, пусть дѣвицы Рантъ, Пантарова и Макарова окатятъ другъ друга водой изъ-подъ крана».

О, это было уже слишкомъ!..

— Духъ шутитъ, — съ улыбкой мученицы на тонкихъ губахъ проговорила Лотосъ, — надо дать отдыхъ ему и себѣ... Отдохнемъ, подруги, и запасемся свѣжими силами, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ съ самимъ Чернымъ Принцемъ.

— Какъ вы думаете, Елецкая, не надѣть ли намъ фланелевыя юбки?.. Вѣдь Черный Принцъ мужчина, а мы въ однѣхъ рубашкахъ... — предложила Малявка, вскакивая на ноги и лязгая зубами отъ холода, такъ какъ успѣла достаточно продрогнуть въ холодной умывальной.

— Да, вы надѣнете юбки. А поверхъ нихъ задрапируетесь одѣялами. Такъ будетъ хорошо. Мы погасимъ ночникъ, чтобы Акуля, какъ недостойная, когда явится «онъ», не могла «его» увидѣть... — мечтательно, съ тою же своей блуждающей на тонкихъ губахъ улыбкой, роняла Ольга.

— Елецкая, душка, послушайте, что я васъ спрошу... Надо «ему», т. е. духу, дѣлать реверансъ, какъ учителямъ и инспекторамъ, или кланяться головой, какъ батюшкѣ и архіерею?—дергая Лотоса за рукавъ кофты, приставала Додошка.

— По-моему, надо дѣлать реверансъ, вѣдь инспектору дѣлаемъ, а «онъ» выше, — резонировала Макарова.

— Нѣтъ, Макакенька: духу реверансовъ не дѣлаютъ, — вмѣшалась съ самымъ серьезнымъ лицомъ Воронская и въ уголкахъ ея крупнаго рта зазмѣилась усмѣшка,—надо попросту потереть лбомъ и носомъ объ полъ. Это и будетъ самый лучшій индійскій привѣтъ...

— Воронская, если ты будешь насмѣшничать, мы изгонимъ тебя съ сеанса!—спокойно-ледянымъ голосомъ произнесла Елецкая.—Боже, до чего онѣ всѣ глупы!—въ патетическомъ отчаяніи всплеснула она руками.

— А я все-таки скажу ему, какъ начальницѣ:—Nous avons l'honneur vous saluer! [1])—все еще волновалась, лязгая зубами, Додошка, склонившись къ самому уху своей подруги Стрекозы.

— А онъ тебѣ за непочтеніе носъ откуситъ,—вмѣшалась такимъ же шопотомъ Воронская.—Говорю, надо на полъ ничкомъ и лбомъ о половицы, это самое раціональное у нихъ выраженіе благоговѣнія и восторга.

---

[1]) Имѣемъ честь васъ привѣтствовать.

Додошка захлопала глазами и широко раскрыла ротъ, не зная вѣрить ей или не вѣрить.

Между тѣмъ умывальная опустѣла, но на минуту, не больше. Черезъ минуту въ ней снова появились юныя спиритки въ синихъ, красныхъ и голубыхъ юбочкахъ и въ нанковыхъ одѣялахъ, въ видѣ плащей спускавшихся до пятъ и волочившихся по полу на подобіе шлейфовъ.

Одна Елецкая, какъ медіумъ, въ отличіе отъ подругъ, вмѣсто одѣяла задрапировалась въ простыню, цвѣтъ которой могъ свободно спорить съ ея блѣднымъ, какъ полотно, прозрачнымъ личикомъ.

. . . . . .

Теперь въ умывальной стало темно. Чья то рука проворно погасила ночникъ. Дортуарная Акуля, зарывшись еще глубже въ своемъ ящикѣ-кровати, храпѣла и причмокивала во снѣ. Лучъ мѣсяца игралъ на ея кругломъ лицѣ, на обнаженной рукѣ и на покоившемся на полу бѣломъ листѣ бумаги съ четко вырисованнымъ въ немъ кругомъ алфавита.

Дѣвочки въ своихъ фантастическихъ покрывалахъ изъ одѣялъ стояли группой, прижимаясь другъ къ другу. На ихъ поблѣднѣвшихъ лицахъ ясно сквозило испуганное, трусливое ожиданіе. У Додошки Даурской слышно стучали зубы. Только двое изъ присутствующихъ оставались спокойными въ эту, волновавшую всѣхъ, минуту. Ольга Елецкая лежала распростертая надъ блюдечкомъ,

съ распущенными, какъ у русалки, волосами, съ бѣлой простыней-покрываломъ, пришпиленнымъ къ головѣ. Она положила длинные бѣлые пальцы на край блюдца и съ нетерпѣніемъ ждала того, что скажетъ ей духъ.

Лида Воронская безмятежно сидѣла на краю огромнаго длиннаго желоба умывальника, въ который сбѣгала вода, выпускаемая изъ кранов, и хладнокровно болтала маленькими ножками, обутыми въ красныя туфли. По крупнымъ губамъ Лиды блуждала предательская улыбка задора и недовѣрія.

Между тѣмъ Ольга Елецкая приблизила свои ярко горящіе глаза къ самому блюдечку и произнесла глухо:

— Великій духъ Гарунъ-аль-Рашидъ, когда мы увидимъ Чернаго Принца?.. Соблаговоли отвѣтить намъ, могучій изъ калифовъ Гренады!

Тутъ блюдечко сдѣлало не то скачокъ, не то шарахнулось, какъ живое, и плавно поплыло въ діаметрѣ круга.

— «Сейчасъ!» — произнесло безмолвными буквами алфавита оно.

Всѣ вздрогнули отъ неожиданности. Додошка тихонько трижды перекрестила себѣ грудь подъ одѣяломъ. Малявка безпомощно прошептала, подскочивъ къ Воронской.

— Вороненокъ, душка, я сяду около тебя... Можно?

— Садись, если не боишься со страха въ рѣшительную минуту полетѣть въ желобъ.

Но Пантарова не разслышала насмѣшки и, тяжело посапывая носомъ, уже влѣзала на выбранный ею постъ.

Черкешенка, бѣлая, какъ мраморъ, своими огромными, какъ двѣ алмазныя звѣзды, глазами, точно зачарованная смотрѣла въ лицо Лотоса восторженнымъ взглядомъ.

Послѣдняя, не мѣняя позы, спросила снова:

— Еще молю тебя отвѣтить, повелитель, въ какомъ видѣ мы увидимъ Чернаго Принца въ эту ночь?

И снова блюдечко отвѣчало, танцуя по бумагѣ:

— «Онъ войдетъ послѣ того, какъ полная тишина водворится среди васъ. И ты, дѣвушка въ бѣломъ, возлюбленная посредница наша между двумя мірами, живымъ и мертвымъ, не успѣешь описать трехъ круговъ вокругъ себя рукою. На третьемъ кругѣ послышатся шаги, дверь въ коридоръ откроется, и Черный Принцъ войдетъ къ вамъ въ царской тіарѣ и виссонѣ... Вы услышите шаги его за минуту до появленія Принца...»

— Ай, какъ страшно!..—взвизгнула Малявка и прижалась всѣмъ своимъ миніатюрнымъ тѣльцемъ къ Лидѣ Воронской, чуя въ ней одной найти защиту.

Но никто не обратилъ на нее сейчасъ вниманія. Всѣхъ привлекала къ себѣ въ этотъ мигъ одна Лотосъ. Быстрымъ движеніемъ Елецкая поднялась на ноги и въ одну секунду очутилась на табуретѣ.

— Вы слышали?! Вы слышали?!.—срывался съ ея

губъ торжествующій шопотъ, въ то время какъ зеленые огни въ глазахъ разгорались все ярче и ярче. Черные волосы, пышные и длинные, струились изъ-подъ простыни вдоль стана. Синеватой блѣдностью покрылось и безъ того прозрачно бѣлое лицо.

— Смирно стойте!..—продолжала она чуть внятно,— сейчасъ онъ придетъ... явится сію минуту... Воронская, Пантарова, сюда!.. Не отдаляйтесь же ради Бога! Я сейчасъ начинаю.

Отъ всего страннаго существа дѣвушки вѣяло какой то непонятной, таинственной радостью. Ея огненные глаза точно притягивали къ себѣ взоры. Они гипнотизировали, эти зеленые глаза, и Воронская невольно подчинилась на минуту ихъ странной силѣ.

— Пойдемъ, Малявка,—шепнула она своей сосѣдкѣ и, крѣпко взявъ дрожащую дѣвочку за руку, быстро смѣшалась съ толпой подругъ.

Ольга все еще стояла на табуретѣ, сверкала глазами, ставшими теперь почти безумными въ ихъ непреодолимомъ желаніи увидѣть «Принца», увидѣть какъ можно скорѣе, а ея помертвѣвшія губы шептали одно только слово:

— Явись!.. Явись!.. Явись!.

Потомъ она подняла руку и мѣрнымъ, плавнымъ движеніемъ обвела ею вокругъ себя и столпившихся кругомъ нея подругъ. Обвела разъ, обвела въ другой и въ третій... Потомъ, блуждая по комнатѣ тѣмъ же

безумнымъ взглядомъ, стала прислушиваться, подавшись всѣмъ тѣломъ впередъ и вытянувъ шею.

— Я слышу шаги...—неожиданно произнесъ звенящій голосокъ Рантъ.

— И я тоже...—нѣжно прозвучалъ голосокъ черкешенки.

— Это онъ!..—простонала помертвѣвшая отъ страха Додошка.

Шаги раздавались чуть слышно... Кто то шелъ по коридору, таинственный и незримый, мягко шлепая безшумной обувью, какъ-будто въ туфляхъ.

— Боже!..—не то стонъ, не то вздохъ вырвался изъ чьей то взволнованной груди.

И всѣ замерли на своихъ мѣстахъ. Шаги приближались безшумно, крадущіеся, странные, точно не живые шаги... Вотъ они ближе, еще ближе... Остановились, притаились за дверью.

Сердца у дѣвочекъ бились такъ, что ихъ біеніе, казалось, было слышно.

Лицо Воронской стало бѣлѣе бумаги, но темный взоръ сѣроглазой дѣвочки былъ смѣло устремленъ прямо на дверь.

И вотъ чья то костлявая рука, чьи то длинные худые пальцы схватились за край двери. Дверь безшумно подалась впередъ, и на порогѣ умывальной показался длинный блѣдный призракъ съ закутанной на подобіе турецкой чалмы головою.

— А-а-а-а!!!—завизжала не своимъ голосомъ Малявка и безъ чувствъ грохнулась на полъ.

— Самъ чортъ!..—въ тонъ ей закричала Додошка и, упавъ на колѣни, зарылась лицомъ въ распластанную по полу шаль Елецкой.

— Вонъ!..—глухо и рѣзко выкрикнула Лотосъ, соскакивая съ табурета и впиваясь дрожащими руками въ костлявыя плечи призрака,—убирайся вонъ, безобразный фантомъ!.. Мы вызывали не тебя, а Чернаго Принца... Убирайся вонъ!.. Провались сквозь землю!.. Сгинь!.. Сгинь!.. Сгинь!.. Сгинь!.. — скорѣй шипѣла, нежели говорила она, изо всей силы выталкивая бѣлое привидѣніе за дверь.

Послѣднее попятилось невольно назадъ, отступило, а Ольга снова устремилась къ своему табурету, готовясь вскочить на него, какъ неожиданно бѣлый призракъ затрясъ головою, такъ что чалма соскочила съ его лба и головы, а бѣлая фланелевая шаль съ плечей и груди,— и передъ испуганными, ошалѣвшими отъ неожиданности институтками предстала... фрейлейнъ Фюрстъ, ихъ нѣмецкая классная дама, съ которой вотъ уже три года «старшія» вели непримиримую и жестокую войну.

Въ первую минуту фрейлейнъ Фюрстъ или «шпіонка», какъ ее называли воспитанницы за ея вѣчныя соглядатайства и подсматриванія за ними, не могла произнести ни слова. Только нѣчто, похожее на ужасъ, отразилось въ ея выцвѣтшихъ бѣлесоватыхъ глазкахъ. Потомъ

ужасъ смѣнился гнѣвомъ, всеобъемлющимъ, непримиримымъ. И этотъ гнѣвъ долженъ былъ разразиться, подобно грозѣ, надъ бѣдными головами юныхъ спиритокъ.

Дѣло въ томъ, что «шпіонка» только что вернулась изъ бани, едва успѣла обмотать мокрую голову полотенцемъ, а на костлявыя плечи накинуть ночной пеньюаръ и фланелевую шаль, и, услыша шумъ среди ночи, пошла «дозоромъ» по «старшему» коридору, выискивая неисправности во ввѣренномъ ей районѣ института. И вотъ ея охотничій «нюхъ»—какъ выражались про нее институтки—не обманулъ нѣмку. Ей удалось «накрыть» и поймать съ поличнымъ цѣлую компанію. Да еще какъ накрыть!.. Какъ поймать!.. Со скандаломъ, съ шумомъ, чуть не съ боемъ!.. Ей, почтенной дамѣ, фрейлейнъ Фюрстъ, наговорили дерзостей, ее вытолкали за дверь, ее называли такъ, какъ ни одна благородная дѣвица не смѣетъ позволить себѣ назвать свою классную даму!..

Нѣмка словно зашлась. Ея лицо изъ краснаго стало багровымъ. Ея голова съ мокрыми косицами жидкихъ волосъ ходила какъ маятникъ подъ часами. Но вотъ губы ея вытянулись впередъ, желтые клыки зубовъ высунулись изъ нихъ, и она загремѣла:

— So! so! [1])... Очень хорошо... Завтра же все будетъ извѣстно maman... Всѣ будутъ наказаны... Besonders [2])

---

[1]) Такъ! такъ!
[2]) Особенно.

вы, Елецкая... О... вы мнѣ нагрубили, вы меня чуть не прибили... Вы будете исключены... Или вы, или я!.. Jawohl [1])!.. Намъ вмѣстѣ не бывать подъ этой крышкой...

И костлявый палецъ шпіонки величественнымъ жестомъ указалъ на потолокъ.

Послѣдняя фраза показалась Воронской, несмотря на весь ужасъ положенія, почему то крайне комичной, и дѣвочка чуть слышно фыркнула себѣ подъ носъ.

Мгновенно шпіонка обрушилась на нее.

— Ага, вы еще смѣяться!.. «Шкандалъ» такой, а имъ смѣхъ! Sehr gut! [2]) Всѣмъ пять за поведеніе и всѣхъ выпустятъ безъ аттестата... А теперь маршъ спать! Завтра разберемъ все до нитки!

— Какія тутъ нитки! Пантаровой дурно...—рѣзко, не сдерживая уже себя болѣе, проговорила Воронская, сверкнувъ на ненавистную «шпіонку» зло загорѣвшимися глазами.

— Не грубить! Спать!.. Акуля! Акуля!—неистовствовала послѣдняя.—Просыпайтесь, Акуля, просыпайтесь и несите m-lle Пантарову въ лазаретъ!—затормошила она сладко спавшую въ выдвижномъ ящикѣ комода дѣвушку.

Та, потягиваясь и позѣвывая, сѣла на постели и долго не могла понять, что собственно требовалось отъ нея.

Наконецъ, кое-какъ уразумѣвъ суть дѣла, Акуля,

---

[1]) Да!
[2]) Очень хорошо.

богатырскаго вида дѣвушка, смущенная не менѣе самихъ воспитанницъ присутствіемъ классной дамы и «барышень», одѣлась, подняла съ пола безчувственную Малявку и бережно понесла ее въ лазаретъ на своихъ сильныхъ крестьянскихъ рукахъ.

— Вотъ что вы надѣлали,—злымъ шопотомъ по ея уходѣ зашипѣла фрейлейнъ Фюрстъ,—полюбуйтесь на дѣло рукъ вашихъ!.. Чѣмъ вы здѣсь занимались,—неожиданно напустилась она на дѣвочекъ,—что это за платокъ, что за блюдце и... и, Елецкая, почему вы бросились на меня? Вы будете мнѣ отвѣчать или нѣтъ?..

— Уходите! — вдругъ разразилась истерическимъ крикомъ Елецкая,—вы испугали Чернаго Принца! Онъ изъ-за васъ не пришелъ. Не пришелъ... О-о-о-о! И все изъ-за васъ!—прорыдала она.

— Ага! Грубить! Еще грубить. О... Sehr gut! Sehr gut! Въ лазаретъ! — взвизгнула не своимъ голосомъ «шпіонка».—Вы больной представляетесь, чтобы избѣжать наказанія... Я васъ знаю... Но мы будемъ посмотрѣть еще кто останется, я или вы, вы или я...

— Или мировой судья! — хладнокровно отозвалась Воронская и, подойдя къ Елецкой, чуть слышно шепнула ей:

— Ступай, Ольга... Не драться же съ нею, прости Господи... Ступай въ лазаретъ. А мы завтра всѣ сообща рѣшимъ что дѣлать. Не бойся, не выдадимъ тебя.

— Что вы шепчетесь, сейчасъ говорите мнѣ, Ворон-

ская...—такъ и вскинулась ястребомъ на Лиду фрейлейнъ Фюрстъ.

— Ничего особеннаго, фрейлейнъ. Я только сказала Ольгѣ, что если у нея болитъ животъ, пусть попроситъ капель Боткина у фельдшерицы.

— Ага! Такъ то!.. So!.. Cut!.. Завтра всѣ ваши дерзости будутъ извѣстны maman, всѣ до капли, а теперь... Legen sie sich alle schlafen [1]). А вы, Елецкая, маршъ за мною въ лазаретъ.

И, зловѣще потрясая всѣми своими мокрыми косицами, фрейлейнъ Фюрстъ величественно выплыла изъ умывальной, таща за собою оцѣпенѣвшую и ослабѣвшую Ольгу, разомъ опустившуюся и поблекшую, какъ опускается и блекнетъ послѣ бури завядшій цвѣтокъ.

— Бѣдная Елецкая!.. — проговорила черкешенка, заламывая надъ головой свои тонкія бѣлыя руки.

— Мы ее выгородимъ, не бойся,—произнесъ подлѣ звонкій, увѣренный голосъ, и спокойное, веселое лицо Воронской очутилось передъ лицомъ черкешенки.

— Лида, Вороненокъ, пусти меня лечь съ тобою. Я боюсь, что Черный Принцъ все-таки явится сегодня,—стонала Додошка, уцѣпившись руками за руку Воронской.

— Перестань, трусиха,—разсердилась та,—сколько разъ говорить тебѣ, что никакого принца нѣтъ, не было и не будетъ.

[1]) Ложитесь спать всѣ.

— Какъ нѣтъ? А стихи? А блюдечко? А разговоръ духовъ?—послышались взволнованные голоса.

— Ха, ха, ха!—весело и безпечно расхохоталась Лида,—стихи сочинила я. Развѣ я не имѣю права справедливо считать себя поэтессой класса? Они, къ сожалѣнію, только не совсѣмъ вѣрны географически и технически, ибо Тигръ и Евфратъ никоимъ образомъ не протекаютъ по Гренадѣ и булочной Филиппова тамъ тоже нѣтъ. Ихъ сочинила я, эти стихи, и въ этомъ я готова поручиться своею головою. Надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ долѣ поэтическаго дарованія, сестрички!—веселыми, смѣющимися глазами окинула она толпу подругъ.

— Ну-у-у?—протянули тѣ разочарованными голосами.—Вотъ оно что, а мы думали и правда! Ахъ, какъ это все прозаично и скучно объясняется, и зачѣмъ только ты поступила такъ, Лидка!

— А блюдечко толкала Елецкая, я сама видѣла,—не давая опомниться юнымъ спириткамъ, нанесла имъ новый ударъ разочарованія Воронская.

— Неужели правда? Но какая же лгунья Елецкая послѣ всего этого!—возмутились тѣ.

— Лгунья!.. Обманщица!.. Дрянь Елецкая, какъ долго она водила насъ за носъ!—негодовали возмущенные члены союза «Таинственной лиги».

— Нѣтъ, неправда, я заступлюсь за Ольгу! Она не лгунья и не обманщица! Нѣтъ!—и высокая, плотная Бухарина выступила впередъ.

— Она сама свято вѣрила въ свои сеансы, она была далека отъ обмана,—горячо и страстно говорила Зина.— Она не замѣчала, какъ нервно двигались ея пальцы и незамѣтно толкали блюдце каждый разъ... О, какъ она должна быть несчастна сейчасъ! Бѣдная Лотосъ! Бѣдная Елочка!—и при этой заключительной фразѣ двѣ слезинки выкатились изъ добрыхъ немного выпуклыхъ глазъ «креолки».

— Вы слышали, mesdam'очки, Фюрстша сказала: или я, или она!—послышался снова голосъ черкешенки.

— Успокойся, Гордская, милая. Мы выручимъ ее. Я еще не знаю какъ, но выручимъ непремѣнно. Надо поговорить только съ Большимъ Джономъ, когда онъ придетъ въ пріемъ,—роняла Лида, и ея глаза начали снова загораться привычными имъ огнями.

— Да, да, съ Большимъ Джономъ! Съ Большимъ Джономъ! — подхватили дѣвочки хоромъ,—а теперь спать, mesdames, спать, душки. Утро вечера мудренѣе.

И вся толпа юныхъ спиритокъ неслышно проскользнула въ дортуаръ и, размѣстившись снова по своимъ жесткимъ постелямъ, вскорѣ заснула.

ГЛАВА V.

Новость.—«Первыя» пріуныли.—Додошка хочетъ странствовать.—Еще немножко прошлаго Лиды Воронской.

ВЕСЕЛОЕ мартовское утро такъ и просится въ комнату. Сквозь чисто вымытыя, по весеннему, нарядныя окна класса заглядываетъ ласковое солнце. Лучи его, словно тонкія золотыя иглы, живые и быстрые, играютъ на черныхъ аспидныхъ классныхъ доскахъ, на географическихъ картахъ, на кругломъ и громадномъ, какъ голова великана, глобусѣ «сферѣ», на темной клеенкѣ каѳедры, на длинномъ рядѣ пюпитровъ и на черныхъ, русыхъ, рыженькихъ и бѣлокурыхъ головкахъ сидящихъ въ классѣ дѣвочекъ.

Чиненъ сегодня этотъ классъ, чинны обычно веселыя, болтливыя дѣвочки. Унылы и грустны всегда оживленныя юныя лица. Точно грозовая туча повисла надъ старшимъ, «выпускнымъ» классомъ. Точно буря-непогода разразилась надъ всѣми этими бѣлокурыми, черненькими и русыми головками.

И правда, разыгралась непогода, разразилась буря. Еще утромъ, послѣ молитвы и чая, выпускныхъ водили въ квартиру начальницы.

«Maman»,—высокая, полная, представительная женщина въ синемъ, скрипучаго шелка, платьѣ и ослѣпительно бѣлой наколкѣ на головѣ,—встрѣтила воспитанницъ на порогѣ «зеленой» пріемной. Ея обычно доброе лицо было сурово и гнѣвно. Голубые глаза метали молніи.

— Вы ведете себя непозволительно дурно,—загремѣлъ на всю комнату звучный голосъ начальницы,—вы позволяете себѣ по ночамъ тихонько вставать съ кроватей, выходить въ умывальную и тамъ заниматься тою глупостью, которой занимаются только невѣжественные, легковѣрные люди. Какіе то нелѣпые сеансы, вызовы духовъ, которые никакимъ образомъ не могутъ являться къ людямъ! Возмутительнѣйшее отношеніе къ вашей классной дамѣ, которой вы нагрубили безъ стыда! Кромѣ того одна изъ васъ, Елецкая, позволила себѣ вытолкать всѣми уважаемую вашу воспитательницу изъ умывальной комнаты... Эта Елецкая, по ея же собственному признанію, была вашимъ коноводомъ, вожакомъ въ этой некрасивой, смѣшной и глупой исторіи. Она смущала васъ всякимъ вздоромъ, учила вѣровать въ какую то несуществующую силу и, къ довершенію всего, въ ея ящикѣ нашлись романы о томъ же вымышленномъ мірѣ духовъ, романы, которые были запрещены

мною для чтенія. Все это непозволительно, но непозволительнѣе всего ея поведеніе по отношенію къ вашей наставницѣ, фрейлейнъ Фюрстъ. Оно просто ужасно! Такое поведеніе не можетъ быть терпимо въ стѣнахъ нашего учебнаго заведенія, и Елецкая завтра же покинетъ институтъ. Мы исключаемъ ее. А вы, всѣ прочія, въ вашихъ аттестатахъ получите по сбавленному баллу за поведеніе.

И сказавъ это, maman такъ же величественно удалилась въ свои апартаменты, какъ и появилась въ «зеленой комнатѣ», а уныло понурыя, уничтоженныя такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла дѣвочки побрели въ классъ.

Елецкую жалѣли до слезъ, до боли въ сердцѣ, и не такъ самую Елецкую, какъ ея престарѣлую мать. Бѣдная, пожилая, болѣзненная женщина жила на крохотную пенсію послѣ смерти мужа, умершаго въ маленькомъ чинѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Она души не чаяла въ дочери и ждала съ нетерпѣніемъ выхода своей ненаглядной Олюшки изъ института, чая обрѣсти въ ней друга и помощницу. И вотъ случилось такое несчастіе съ Ольгой: «начальство» института рѣшило исключить ее.

До завтрака въ первомъ классѣ насчитывалось три урока: законъ Божій, педагогика и «пустота». Пустотой назывался тотъ часъ, въ который не являлся учитель, и когда дѣвочекъ отправляли экзерсироваться на

роляхъ въ маленькихъ музыкальныхъ комнаткахъ, прозванныхъ «нумерами» и «селюльками».

Батюшка, отецъ Василій, молодой еще священникъ въ парядной шелковой рясѣ, сразу замѣтилъ гнетущее настроеніе «выпускныхъ». Онъ спросилъ было у дежурной Эльской, что такъ печальны дѣвицы и не произошло ли какого несчастія, на что Сима, бойко тряхнувъ бѣлокурой головкой, отвѣчала своимъ нѣсколько рѣзкимъ для молодой дѣвушки голосомъ:

— Да ничего особеннаго, батюшка. Дѣвицы колдовали нынче ночью. Елецкая духовъ вызывала, чуть въ трубу, какъ вѣдьма, не вылетала, ну, ее и исключаютъ изъ института, а намъ ее жаль.

— Ахъ, дѣвицы, какъ же не стыдно право,—смутился батюшка. — Колдовство это... это богопротивно закону Божію,—произнесъ, качая головой, батюшка и затѣмъ присовокупилъ еще болѣе смущенно:—а вы, дѣвица Эльская, насчетъ трубы... того... не хорошо-съ, барышня... Духовнику такъ не отвѣчаютъ... И смѣяться такимъ образомъ не подобаетъ.

— Ей все смѣшно, батюшка,—негодующе, вскакивая съ мѣста, крикнула Дебицкая,—у насъ Елочку исключаютъ, а она смѣется! Бездушная какая то!

— А по-твоему я плакать надъ вашей порченой Ольгой должна, что-ли? Она васъ всѣхъ подводитъ только, а вы ее еще защищаете! — махая руками и ужасно волнуясь, кричала Сима.

— Эльская... Still!—замѣтила вышивавшая что то по канвѣ у окошка Фюрстъ и погрозила краснорѣчиво костлявымъ своимъ пальцемъ.

— Какой тутъ штиль, когда буря въ воздухѣ!.. — пожала плечами Сима и со всего размаха «плюхнула» на свое мѣсто.

Батюшка долго покачивалъ головою. Потомъ открылъ классный журналъ и вызвалъ одну изъ ученицъ.

Разумѣется урокъ отвѣчали вкось и вкривь. Было не до уроковъ. Елецкая не выходила изъ головы. Кромѣ того, все послѣднее время выпускныя занимались довольно небрежно, къ чему, впрочемъ, преподаватели относились довольно снисходительно, такъ какъ учиться оставалось всего лишь одну недѣлю и съ первыхъ чиселъ апрѣля начиналась серьезная подготовка къ послѣднимъ актовымъ экзаменамъ. Но въ этотъ день, вслѣдствіе ночной исторіи, окончательно взвинтившей непокорные нервы институтокъ, урокъ былъ вовсе не повторенъ и отцу Василію оставалось развѣ только покачивать головою и тихонько, чуть слышно, шептать:

— Не хорошо, дѣвицы, не хорошо! Передъ преосвященнымъ осрамитесь. Да и меня подведете тоже. Не хорошо, барышни, право, не хорошо!

Но «барышни» мало внимали этимъ увѣщеваніямъ своего духовника. Умы были заняты иными мыслями. «Что то Ольга? Что она дѣлаетъ, бѣдняжка, запертая на ключъ въ лазаретной комнатѣ? Каково то ей?» —

думала каждая изъ этихъ впечатлительныхъ, одинаково отзывчивыхъ на все доброе и необдуманное, экзальтированныхъ дѣвочекъ.

И облегченно вздохнули онѣ, когда прозвучалъ звонокъ, возвѣщающій окончаніе урока. Ушелъ, мягко шурша шелковой рясой, батюшка, и жужжа, подобно пчелиному рою, выбѣжали изъ своего класса выпускныя, то и дѣло «окунаясь», то есть присѣдая въ коридорѣ передъ начальствомъ, «чужими» и «собственными» учителями, попадавшимися имъ на пути.

Кое-кто бросился съ хрустальной миніатюрной кружечкой въ «колбасный переулокъ» пить изъ исполинскаго фильтра кипяченую воду.

«Колбасный переулокъ» былъ маленькій коридорчикъ, въ концѣ котораго находился младшій седьмой классъ. За какія достоинства или провинности его прозвали колбаснымъ — этого никто изъ воспитанницъ не могъ объяснить, точно такъ же, какъ не могли объяснить происхожденіе прозвища «чортовой долины» — небольшой площадки на лѣстницѣ между вторымъ и третьимъ этажами, сдѣланной въ видѣ полукруга, въ центрѣ котораго помѣщались огромные стѣнные часы. Площадка же слѣдующаго этажа была церковная паперть, но называлась она «долиной вздоховъ», такъ какъ она раздѣляла старшую дортуарную половину отъ младшей, и здѣсь маленькія институтки, «обожавшія», по неизмѣннымъ стариннымъ традиціямъ,

старшихъ, поджидали, вздыхая, своихъ кумировъ, прогуливавшихся на паперти и по дортуарному коридору.

Но вотъ снова продребезжалъ звонокъ, призывающій въ классъ. Дежурная классная дѣвушка Даша вихремъ пронеслась съ одного конца института на другой, неистово тряся колокольчикъ. Старшія вошли въ классъ, когда тамъ уже сидѣла преподавательница педагогики, m-me Мель, полная сѣдовласая француженка, отлично говорившая по-русски, но тѣмъ не менѣе заставлявшая учить педагогику на своемъ родномъ языкѣ. Задавала она всегда добросовѣстно по нѣсколько страницъ къ уроку и требовала точныхъ, почти дословныхъ, свѣдѣній; поэтому «зубрилки» предпочитали вызубрить педагогику наизусть, а лѣнтяйки почти вовсе и не знакомились съ этимъ предметомъ, тѣмъ болѣе, что изъ «принципа» великодушія m-me Мель никогда не ставила менѣе «семи». Семерка же считалась «балломъ душевнаго спокойствія» и получавшая семерку воспитанница могла свободно переходить изъ класса въ классъ.

Урокъ педагогики m-me Мель начала въ этотъ разъ торжественно.

— Eh bien, mesdames, c'est aujourd'hui que nous avons notre dernière leçon [1]), — съ паѳосомъ возвѣстила она съ каѳедры.—Въ слѣдующій четвергъ васъ распустятъ, — прибавила она на чистѣйшемъ русскомъ діа-

[1]) Вотъ, mesdames, сегодня у насъ послѣдній урокъ.

лектѣ,—et vous allez subir vos examens... Et aujourd'hui nous allons finir notre cours pedagogique [1]). М-lle Даурская, что вы знаете о воспитаніи духа воспріимчивости въ ребенкѣ? Repondez-moi en français [2]), — неожиданно заключила свою коротенькую рѣчь француженка.

Додошка лѣниво и нехотя поднялась съ мѣста и, угрюмо повѣся свой картошкообразный носикъ, пробурчала:

— Я не готовила, m-me Мель, урока на сегодня.

— Mon Dieu! — ужаснулась француженка, — mais c'est ma dernière leçon aujourd'hui! [3]).

— Не готовила его, — печально повторила Додошка.

— Въ такомъ случаѣ разскажите предыдущій.

— Не знаю предыдущаго, — снова буркнула Даурская, склонивъ голову на-бокъ и унылымъ взоромъ обводя классъ.

— Mais enfin repondez-moi quelque chose, ce que vous savez! [4])—уже теряя обычное хладнокровіе, вспыхнувъ, проговорила учительница.

— Ничего не знаю! — самымъ невиннымъ тономъ созналась Додошка. — Ей-Богу, честное слово, не знаю ничего!.. Я педагогику не учу. Мнѣ педагогики не надо.

---

[1]) И вы будете держать экзамены. Сегодня же мы закончимъ нашъ курсъ педагогики.

[2]) Отвѣтьте мнѣ по-французски.

[3]) Ахъ, Боже мой, вѣдь я сказала вамъ, что сегодня мой послѣдній урокъ.

[4]) Такъ отвѣтьте наконецъ что-нибудь, что вы знаете.

Я замужъ не пойду, своихъ дѣтей у меня не будетъ, чужихъ учить тоже не стану... Ясно, какъ шоколадъ... Буду ходить, весь міръ исхожу вдоль и поперекъ, изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню. Въ карманы леденцовъ, пирожковъ наберу, немножко хлѣба, ветчины, и хожу себѣ да похаживаю. Хорошо! Никто не лѣзетъ, не пристаетъ, отдохну, покушаю и опять въ путь. А для этого педагогики не надо. Зачѣмъ мнѣ она?

И, говоря это, Додошка сузила свои и безъ того маленькіе глазки и облизнула губы со своимъ обычнымъ видомъ всѣмъ довольнаго котенка.

— Mais je vous mettrais six pour tout ça! [1])—окончательно вышла изъ себя «педагогичка».

— Поставьте хоть двойку,—все равно, въ послѣднемъ классѣ не оставляютъ. Не полагается. А странствовать мнѣ никто не запретитъ, — съ торжествомъ заявила Додошка и, усѣвшись на мѣсто, вынула изъ кармана леденецъ и принялась его сосать съ самымъ безмятежнымъ видомъ.

Съ m-me Мель положительно дѣлалось дурно. Такая ученица, какъ Даурская, могла съ успѣхомъ подорвать ея преподавательскую дѣятельность въ стѣнахъ института, и она рѣшила во что бы то ни стало просвѣтить Додошку на поприщѣ педагогики, чтобы она не осрамилась въ пухъ и прахъ на экзаменѣ.

[1]) Но я вамъ поставлю шесть за это!

Лида Воронская сидѣла въ крошечной комнаткѣ...

Даурскую поручили Дебицкой, первой ученицѣ, и дѣвочки должны были готовиться къ экзамену педагогики сообща. Такъ рѣшила m-me Мель и успокоилась на этомъ, вызвавъ трехъ, четырехъ воспитанницъ, добросовѣстно отрапортовавшихъ ей наизусть заданныя страницы.

Наконецъ снова раздался столь желанный звукъ колокольчика, и почтенная преподавательница длинной рѣчью закончила свой послѣдній урокъ.

Въ этой рѣчи говорилось и о великомъ значеніи педагогики для каждой женщины, и о великой роли матери и воспитательницы дѣтей. Сравнивъ дѣтей съ тепличными растеніями и цвѣтами, требующими бдительнаго ухода, m-me Мель выразила надежду видѣть своихъ ученицъ на высотѣ призванія ихъ педагогической дѣятельности и, пожелавъ имъ счастливой сдачи экзаменовъ, вышла изъ класса.

Почти слѣдомъ за нею, наскоро похвативъ свои «мюзики», то есть папки съ нотами, выбѣжали изъ класса «музыкантши», спѣшившія въ «селюльки» повторить гаммы и пьесы къ слѣдующему дню.

. . . . . .

Лида Воронская сидѣла въ крошечной комнаткѣ, добрыя двѣ трети которой занималъ небольшой рояль и, перебирая тонкими пальцами клавиши, думала обо всемъ происшедшемъ въ ея классѣ вчера и сегодня. Ей было жаль Елецкую и въ то же время досадно на нее. И,

вспомнивъ объ Елецкой, Лида снова задумалась о той таинственной, сверхъ-естественной силѣ, которой поклонялись ея подруги и въ которую не могла и не хотѣла повѣрить она сама. Впечатлительная, крайне нервная, но трезвая въ своихъ взглядахъ, дѣвочка не любила ничего не договореннаго, неяснаго и требовала объясненія здраваго смысла на каждый свой умственный запросъ. Ей были и сейчасъ смѣшны ихъ классныя «спиритки» въ зеленыхъ камлотовыхъ платьяхъ. Смѣшна и жалка Елецкая въ роли «медіума», смѣшны ея сообщницы, охотно поддающіяся вліянію ихъ экспансивной подруги.

Имъ постоянно «видѣлись» какія то видѣнія, снились странные сны и слышалось нѣчто такое, чего не видѣлось и не слышалось ей, Лидѣ.

«И хоть бы разъ привидѣлось мнѣ что-либо «подобное»! А то никакихъ со мной чудесъ не происходитъ»,—почти сокрушенно подумала дѣвочка и... неожиданно вздрогнула и покраснѣла. Легкое, какъ смутный сонъ, воспоминаніе толкнулось ей въ голову.

Ей вспомнилось, какъ не разъ въ трудныя минуты жизни ей являлся какой то загадочный призракъ сѣрой женщины, предостерегавшей ее отъ необдуманныхъ поступковъ въ дѣтствѣ.

Вспомнила Лида, какъ часто она задавала себѣ вопросъ, кто эта странная «сѣрая женщина», какъ взывала она къ ней въ трудныя минуты жизни, и какъ боялась другой разъ появленія призрака.

Когда, сдружившись со своей мачихой, ставшей ей близкой и дорогой, дѣвочка разсказала ей про эти свои видѣнія, мачиха пояснила Лидѣ, что «сѣрая женщина» есть плодъ ея фантазіи, игра зрѣнія и слуха, и тутъ же попросила падчерицу припомнить, не разсказывалъ ли ей о сѣрой женщинѣ кто-либо когда-нибудь. Дѣвочка тогда же напрягла свою память и вспомнила... Дѣйствительно, ея покойная тетя Юлія, большая мистичка, склонная ко всему таинственному, разговаривала какъ то со своими сестрами, не замѣтивъ присутствія племянницы, тогда еще четырехлѣтней малютки, о разныхъ таинственныхъ явленіяхъ и о сѣрой монахинѣ, неожиданно очутившейся будто бы у колыбели Лиды въ первый же день появленія ея въ міръ. Этотъ разсказъ о таинственномъ сѣромъ призракѣ запалъ въ душу нервной дѣвочки. И теперь, сидя въ маленькой «селюлькѣ» и перебирая клавиши рояля, Лида припоминала эпизоды съ сѣрой женщиной, всѣ до мелочей.

— Ну, разумѣется, все это вздоръ и пустяки. Ничего таинственнаго, страшнаго нѣтъ на свѣтѣ, и жаль бѣдняжку Елецкую, что она такъ поплатилась за свой излишній экстазъ,—бодро и весело вслухъ проговорила сѣроглазая дѣвочка и, взглянувъ на часики, прикрѣпленные небольшимъ никелевымъ бантомъ у нея на груди, подъ пелеринкой, вскочила съ табурета и спѣшно принялась убирать ноты въ «мюзикъ».

— Сейчасъ звонокъ къ завтраку, потомъ пріемъ,

и я увижу Большого Джона. Тра-ля-ля-ля-ля! Тра-ля-ля-ля!—тихонько напѣвая и радуясь, ликовала она. Потомъ захлопнула крышку рояля, захватила «мюзикъ» и, осторожно прошмыгнувъ изъ номера (такъ какъ часъ экзерсировки еще не кончился, а выходить до его окончанія изъ «селюльки» было строго запрещено), открыла дверь въ коридоръ.

Открыла, тихо вскрикнула и подалась невольно назадъ, исполненная непонятнаго волненія и трепета, охватившаго разомъ всю ея душу...

У одной изъ стѣнъ полутемнаго, чуть освѣщеннаго дальнимъ окномъ, находившимся на самомъ концѣ его, коридора стояла высокая женщина въ сѣромъ съ сѣрымъ же капюшономъ, наброшеннымъ на голову и скрывающимъ ея лицо до самыхъ глазъ.

Лида взглянула еще разъ, желая воочію убѣдиться, потомъ еще разъ и еще... Сомнѣнія больше не было: это была «сѣрая женщина»... Эта было «она»..

ГЛАВА VI.

Сѣрая женщина.—Большой Джонъ въ роли проповѣдника.—Бунтъ.

ЭТО была «она»...

Темные проницательные глаза сѣрой женщины смотрѣли прямо въ лицо Лиды. Казалось, неописуемая грусть глядѣла изъ этихъ глазъ. Часть лица, выглядывавшаго изъ-подъ капюшона, была покрыта тою синеватой блѣдностью, которая наблюдается только у мертвецовъ. Въ опущенныхъ рукахъ, безсильно, какъ плети, повисшихъ вдоль тѣла, тоже не было ничего живого. Очевидно это былъ призракъ, страшный и таинственный призракъ. И при видѣ его сердце сѣроглазой дѣвочки дрогнуло и замерло въ груди.

Нѣсколько секундъ Воронская стояла, не шевелясь, на мѣстѣ. Потомъ рѣшительнымъ шагомъ двинулась впередъ, быстро миновала пространство, отдѣляющее ее отъ сѣрой женщины, и почти въ упоръ приблизив-

шись къ ней, молча уставилась на нее широко раскрытыми, вопрошающими глазами.

Сѣрая женщина моментально отдѣлилась отъ стѣны. Отъ этого легкаго, но быстраго движенія соскользнулъ сѣрый капюшонъ съ ея головы и изъ-подъ него показалась небольшая сѣдоватая голова, блѣдное, безъ кровинки, лицо и темные тоскующіе глаза.

— Вѣра Александровна!—прошептала Лида,—ради Бога, простите! Я не узнала васъ.

— Мудрено узнать,—горько проговорила сѣрая женщина,—я нарочно накинула капюшонъ сѣраго ватерпруфа на голову, чтобы никто не видѣлъ моего разстроеннаго, заплаканнаго лица. Я сейчасъ отъ моей Олюшки. Вы знаете, она заперта въ лазаретѣ. Въ наказаніе заперта. Баронесса-начальница мнѣ сейчасъ сказала, что завтра же я должна взять Олюшу домой. Ее не будутъ держать въ институтѣ ни одного дня больше. Ее исключаютъ. О, какое это горе для обѣихъ насъ.

— Завтра!.. Боже мой!..—какъ эхо отозвалась убитымъ голосомъ Воронская.

— За что?.. За что?..—въ тоскѣ ломая руки, прошептала Вѣра Александровна Елецкая, мать Оли, и судорожныя спазмы сдавили ей горло. Потомъ, помолчавъ минуту, она заговорила взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Господи! Какъ жестоко все это!.. Моя Олюшка—

добрае, тихое дитя... Она только увлекается, фантазируетъ не въ мѣру... Въ ущербъ ученію зачитывается всякими романами... Спиритизмомъ занимается... А я и не знала... Моя Олюшка скрывала это отъ меня. А теперь, теперь... гонятъ... Ее, мою роднушу, гонятъ... Воронская, голубчикъ мой, вы не знаете, мы вѣдь бѣдны, мы почти нищія... Олюшкѣ аттестатъ нуженъ, чтобы поступить на мѣсто. Безъ аттестата объ окончаніи курса и думать нельзя на службу идти. А онѣ... онѣ... увольняютъ ее!.. О, Господи, да вѣдь умретъ она съ голоду, моя Олюшка!.. Дѣточка моя, вѣдь не прокормить мнѣ ее на мою пенсію!.. Вѣдь сама впроголодь живу!... Никто не знаетъ, не догадывается... И сама Олюшка тоже. Я скрываю отъ дѣточки моей... Зачѣмъ смущать ее, родную... А тутъ вдругъ, о, Боже!.. Боже!.. За что Ты наказуешь меня?

И всплеснувъ руками, она закрыла ими свое блѣдное, измученное лицо и глухо, неудержимо зарыдала.

Изъ глазъ сѣроглазой дѣвочки брызнули слезы. Но Лида живо справилась съ собою.

— Надо дѣйствовать, надо дѣйствовать!..—застучало невидимыми молоточками ея отзывчивое на чужое горе сердечко.

— «Слезами здѣсь не поможешь,—рѣшила она мысленно.—Бѣдная, несчастная мать Елецкой! Какъ бы ее успокоить сейчасъ? Хотя на время только... А тамъ дѣйствовать энергично, смѣло и во что бы то ни стало

отвести Лотосъ отъ бѣды,—съ мучительнымъ упорствомъ думала дѣвочка.—Ахъ, Ольга, Ольга!.. Сколько горя и муки надѣлала ты, Лотосъ, бѣдненькій таинственный медіумъ несуществующаго Чернаго Принца!..»

И энергично тряхнувъ кудрями, Лида коснулась своей горячей, трепещущей рукой холодныхъ, какъ ледъ, пальцевъ Елецкой.

— Не плачьте... Ради Бога не плачьте... Все кончится прекрасно... Ольга не будетъ исключена... Даю вамъ слово, честное слово Лидіи Воронской...—проговорила она звонкимъ, бодрымъ голосомъ и, прежде чѣмъ Елецкая-мать могла сказать что-либо, она наскоро «окунулась», то есть присѣла передъ ней, и вихремъ понеслась по коридору, широко размахивая папкой «мюзикъ» надъ своей стриженой головой.

. . . . . .

Завтракъ прошелъ уныло и тускло, какъ прошли и всѣ первые уроки этого печальнаго дня. Лида сидѣла какъ на иголкахъ и захлебывающимся шопотомъ разсказывала «своему столу» о только что происшедшей встрѣчѣ съ матерью Елецкой.

Дѣвочки глухо волновались. Разсказъ подѣйствовалъ и едва ли хоть одно сердце не сжалось отъ боли за бѣдную мать, трепещущую за судьбу своей любимицы-дочки.

— О, скорѣй бы позвали на пріемъ! Скорѣе бы пришелъ Большой Джонъ! Онъ придумаетъ что надо дѣлать. Посовѣтуетъ... скажетъ... О, я въ этомъ

увѣрена... Онъ все можетъ передѣлать, поправить, онъ настоящій добрый волшебникъ!—горячо восклицала Лида, ожидавшая съ нетерпѣніемъ окончанія завтрака, къ которому она и не прикоснулась въ этотъ день.

Наконецъ, злополучный завтракъ, грозившій продлиться чуть не цѣлую вѣчность, былъ оконченъ.

Дежурная старшая прочла молитву, выпускныя повторили ее хоровымъ пѣніемъ, «шпіонка» хлопнула въ ладоши, и воспитанницы поднялись изъ столовой въ классъ.

— М-lle Воронская, васъ въ пріемную просятъ. Къ вамъ пришли,—просунувъ вздернутый носикъ въ щелку двери старшаго класса, пискнула дежурная по пріему «шестушка», въ краснорѣчивомъ взглядѣ которой сіяло самое непритворное, восторженное обожаніе по адресу Воронской.

— Это Большой Джонъ!—почти въ голосъ выкрикнула Лида и опрометью, на перегонки съ «шестушкой», бросилась по коридору въ залу.

Здѣсь, посреди комнаты, среди другихъ посѣтителей и посѣтительницъ, высилась высокая фигура съ малюсенькой, на длинной шеѣ и широченныхъ плечахъ, головой.

— Большой Джонъ! Наконецъ то! Какъ я рада, какъ я рада!—искренно вырвалось изъ груди Воронской.

Проницательнымъ взглядомъ Джонъ Вилькангъ взглянулъ на своего юнаго друга.

— Маленькая русалочка, покажите-ка мнѣ ваши

глазки. Ба! Ба! Ба! Да они кажется стали зелеными изъ темно-сѣрыхъ. Это значитъ, что мы плакали сегодня. Неправда ли, маленькая русалочка? Мы плакали? Да? О, я это знаю отлично, потому что я помню, какъ четыре года тому назадъ сѣрые глазки точно такъ же дѣлались зелеными послѣ слезъ...

И Большой Джонъ своими крупными руками завладѣлъ тонкими пальчиками Лиды, стараясь заглянуть дѣвочкѣ прямо въ глаза.

Лидѣ было какъ то стыдно сознаться въ своемъ малодушіи передъ ея взрослымъ другомъ.

«Слезы?.. Фи, слезы!.. Развѣ слезы это ея, Лидинъ, удѣлъ?»

Но у Большого Джона была острая, проницательная душа. Скрыть что-либо отъ Большого Джона было невозможно.

И вотъ, изъ крупнаго, энергично очерченнаго рта сѣроглазой дѣвочки вылился цѣлый потокъ признаній въ нескладныхъ, волнующихся словахъ, изъ которыхъ Большой Джонъ узналъ рядъ самыхъ странныхъ и загадочныхъ событій, случившихся въ этотъ день въ институтѣ.

Прежде всего изъ разсказа Лиды Большой Джонъ узналъ, что вечеромъ, то есть вѣрнѣе ночью, у нихъ, у выпускныхъ, былъ сеансъ. Говорилъ съ ними самъ калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ, повелитель арабовъ... Были стихи... «Его» стихи, духа, т. е. собственно говоря не

духа, а ея, Лидины, стихи, но ихъ наивно приняли за произведеніе духа, хотя въ нихъ фигурировали сушки и колбаса съ чеснокомъ... Но это все не суть важно... А главное, вызывали Чернаго Принца... Черный Принцъ обѣщалъ прійти, но вмѣсто него явилась «шпіонка»... Ее вытолкала Лотосъ или Елочка, дѣвочка съ русалочьими глазами, похожая на индійскій цвѣтокъ... А потомъ... потомъ Елецкую заперли въ лазаретъ, наказали, выключаютъ... У нея мать, она плачетъ, она въ отчаяніи... Если Ольгу выключатъ, имъ нечего будетъ кушать... А выключатъ непремѣнно, потому что шпіонка сказала: «или она, или я»...

И лицо Лиды дрогнуло при этихъ словахъ, глаза зазеленѣли еще больше и сразу наполнились слезами. Она до боли закусила губы, чтобы овладѣть собой.

Большой Джонъ смѣялся. Смѣялось его лицо, его длинная шея, его коротко остриженная подъ гребенку голова. Смѣялись полныя алыя губы и свѣтлые глаза, проницательные, какъ у ястреба, и чистые, какъ у ребенка.

— Колбаса... сушки... шпіонка... Лотосъ... Черный Принцъ и Гарунъ-аль-Рашидъ... Цѣлый феіерверкъ именъ и событій!.. Надо быть очень толковымъ парнемъ, маленькая русалочка, чтобы понять весь этотъ винигретъ,—произнесъ онъ, смягчая насмѣшливость словъ очаровательной, подкупающей улыбкой.

— Но вы все-таки поняли, Большой Джонъ. Вы поняли. Я это вижу!—произнесла съ мольбою дѣвочка,

глядя въ его глаза съ упованіемъ и надеждой.—Вѣдь вы добрый волшебникъ и магъ. Вы должны понять все, все!

— Я добрый волшебникъ!—пробасилъ загробнымъ голосомъ Джонъ и округлилъ до ужаса свои маленькіе глаза, заставивъ расхохотаться свою собесѣдницу веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Да, я добрый волшебникъ, и чую, что отъ меня требуютъ совѣта, какъ избавить отъ бѣды нѣкую легкомысленную дѣвицу, которая...

— Вотъ, вотъ именно это требуется отъ васъ, милый, дорогой Большой Джонъ!—подхватила окончательно развеселившаяся Лида.—И я позову сейчасъ всѣхъ моихъ подругъ, такъ какъ у насъ заведено «правило товарищества», которое нарушить никакъ нельзя, и мы всегда дѣйствуемъ всѣ сообща во всѣхъ важныхъ вопросахъ жизни. Мы совѣтуемся всѣмъ классомъ, и единичныя рѣшенія у насъ строго запрещены... Я сію минуту позову ихъ всѣхъ, Большой Джонъ...

И Лида быстро вскочила со своего мѣста, готовясь бѣжать.

— Но ихъ немного по крайней мѣрѣ, маленькая русалочка?..—съ дѣланнымъ испугомъ, исполненнымъ комизма, спросилъ молодой человѣкъ.

— О, немного, успокойтесь, Большой Джонъ... Всего сорокъ человѣкъ... Развѣ это много?..—наивно спрашивала дѣвочка.

— Но Боже мой! Не будетъ ли это похоже на походъ амазонокъ противъ нѣкоего миѳологическаго чудовища?—и Большой Джонъ сталъ съ тѣмъ же комическимъ испугомъ на лицѣ растерянно оглядываться кругомъ.

— Что вы смотрите, Большой Джонъ?—удивилась Лида.—Что вы смотрите?

— Я опасаюсь, что не хватитъ скамеекъ усадить всѣхъ вашихъ подругъ, маленькая русалочка, только и всего,—отвѣтилъ смѣясь Джонъ.

— О, Большой Джонъ! Что значитъ сорокъ человѣкъ передъ двумястами семьюдесятью пятью воспитанницами, находящимися въ институтѣ!? Но не въ этомъ дѣло, голубчикъ... Онѣ, то есть мои подруги, уже приглашены мною еще вчера и сейчасъ придутъ... Вотъ видите, въ дверь уже выглядываетъ Додошка,—волнуясь и вся горя по своему обыкновенію, суетилась Лида.

— Додошка—это собачка?—поинтересовался Джонъ, услыша странное названіе.

— Да нѣтъ же, нѣтъ!.. Говорятъ вамъ—это институтка!—съ улыбкой исправила невѣжество своего друга Лида и стала подавать усиленные телеграфическіе знаки Додошкѣ, просунувшей какъ разъ въ это время свое пухлое личико въ дверь зала.

Увидя знаки и мимику Воронской, толстенькая Додошка вкатилась въ залъ, «окунулась» передъ Джономъ чуть ли не до пола и тревожно усѣлась подлѣ Лиды на скамейку.

— Рантъ, Живчикъ, Черкешенка, Хохлушка и Малявка идутъ слѣдомъ за мною,—успѣла чуть слышно шепнуть она по адресу подруги.

— И «Малявка» тоже институтка?—снова заинтересовался Большой Джонъ, только что съ комической важностью распаркавшійся передъ Додошкой.

Ему не успѣли отвѣтить, такъ какъ вскорѣ незамѣтно, бочкомъ, протискалась въ залу тоненькая Рантъ. Ея чахоточныя щеки горѣли яркимъ румянцемъ оживленія. Большіе горючіе глаза выражали самое острое любопытство.

Блѣдненькая Рантъ никогда не выѣзжала никуда далѣе Знаменской улицы и Большой Дворянской, гдѣ жили ея родные, и не мудрено, что человѣкъ, видѣвшій своими собственными глазами Хеопсову пирамиду и великаго сфинкса пустыни, казался ей какимъ то титаническимъ, сверхъестественнымъ существомъ. Она пресерьезно поклонилась «въ поясъ» Большому Джону, какъ кланялись только архіерею и институтскому батюшкѣ, не рѣшаясь «окунаться» передъ нимъ какъ передъ «обыкновеннымъ» посѣтителемъ, и благоговѣйно заняла кончикъ указанной ей скамьи.

Послѣ Рантъ появился съ добрый десятокъ выпускныхъ сразу. За ними еще пять... Еще и еще... Даже степенная Бутузина и меланхоличная Старжевская, самыя незапятнанныя «тихони» и «парфетки», т.-е. на институтскомъ жаргонѣ лучшія по поведенію воспи-

танницы, не устояли противъ желанія повидать «восьмое чудо свѣта», какъ онѣ тайкомъ называли между собой Большого Джона.

Не болѣе какъ черезъ десять минутъ весь классъ выпускныхъ очутился въ залѣ и тѣснымъ кольцомъ окружилъ страннаго гостя.

Большого Джона усадили на скамейку, принесли еще скамью и размѣстились на ней зелено-бѣлымъ роемъ. Кое-кто присѣлъ прямо на полъ. Додошка съ Симой Эльской предпочли взгромоздиться на рояль, откуда, однако, онѣ были тотчасъ же низвергнуты подоспѣвшей шпіонкой.

Шпіонка находилась въ ужасной ажитаціи все это время. У нея раскраснѣлись, какъ свекла, ея впалыя щеки и заалѣлъ кончикъ носа, что случалось съ нимъ всегда въ минуты самаго бурнаго волненія.

— Mesdemoiselles!.. Что это такое?.. Съ какой стати вы собрались?.. Зачѣмъ такъ много сразу?.. Воронская, кто къ вамъ пришелъ?.. Отвѣчайте. Werde ich endlich Antwort bekommen? [1])—суетясь и бѣгая вокругъ тѣсно сгруппировавшейся толпы дѣвочекъ, шипѣла она.

Но ея никто не слушалъ и почти не слышалъ. И мысли, и глаза, и уши были напряженно заняты теперь однимъ только Большимъ Джономъ, голова котораго препотѣшно выглядывала изъ-за бѣлой стѣны бѣлыхъ пелеринокъ и зеленыхъ платьевъ, изъ-за русыхъ, чер-

[1]) Получу ли я, наконецъ, отвѣтъ?

ныхъ, рыжихъ и бѣлокурыхъ головокъ, тѣсно сгруппировавшихся вокругъ него.

— Wer ist dieser Herr? Wer ist dieser Herr? Bitte, antworten sie doch! [1])—продолжала отчаянно взывать шпіонка, то туда, то сюда просовывая свою маленькую головку съ выцвѣтшею косицей заложенныхъ «крендельками» на темени бѣлокурыхъ волосъ.

— Ахъ, Ты, Господи Боже мой, фрейлейнъ!—вышла, наконецъ, изъ себя Сима Эльская,—чего вы безпокоитесь, право. Вѣдь это братъ Воронской—миссіонеръ. Онъ только что пріѣхалъ изъ Америки, гдѣ обратилъ въ христіанство цѣлую толпу краснокожихъ дикарей,—съ паѳосомъ заключила шалунья и взглянула на шпіонку побѣдоносно уничтожающимъ взглядомъ.

— О!..—могла только выпустить изъ груди потрясенная неожиданной новостью «Фюрстша» и поспѣшила подѣлиться ею съ другой классной дамой младшаго класса, тоже дежурившей на пріемѣ въ этотъ день.

— Ну, я нашего аргуса сплавила,—торжествуя заявила Сима,—долго не сунетъ къ намъ теперь носа, а вы, monsieur Большой Джонъ, говорите скорѣе, что намъ дѣлать для спасенія этой глупышки Елецкой... Вы все знаете? Лида вамъ все сказала? Какъ же намъ спасти ее?

— Да, да, какъ ее спасти, говорите же, monsieur

[1]) Кто этотъ господинъ, кто этотъ господинъ? Прошу, отвѣтьте же, наконецъ.

Большой Джонъ разсказывалъ различные факты своего путешествія...

Большой Джонъ, говорите скорѣе!—подхватили взволнованные голоса сорока воспитанницъ сразу.

Молодой человѣкъ окинулъ взоромъ всѣ, съ жаднымъ вниманіемъ устремленныя къ нему, лица, всѣ разгорѣвшіеся, еще совсѣмъ дѣтскіе глаза. Тутъ были разные: и синіе, и черные, и сѣрые, и голубые, мечтательные и рѣзвые, веселые и печальные, различныхъ цвѣтовъ и различной формы, но горѣвшіе въ эти минуты однимъ общимъ выраженіемъ затаенной надежды и самаго жгучаго ожиданія.

И Большой Джонъ какъ нельзя лучше понялъ своихъ юныхъ друзей. Обычная шутка застряла у него въ горлѣ, насмѣшливый огонекъ потухъ въ его ястребиныхъ глазахъ. Они, эти глаза, чуть-чуть увлажнились. Сіяя мягкимъ, отечески-ласковымъ взоромъ, Большой Джонъ заговорилъ:

— Дѣло трудное, не скрою, но ничего нѣтъ невозможнаго на свѣтѣ, mesdames, дорогія подруги маленькой русалочки! Вы всѣ, а не одна Елецкая,—такъ кажется я называю ее,—виноваты во всемъ происшедшемъ, а посему не будетъ несправедливо, если вы всѣ раздѣлите съ нею вашу вину, возьмете эту вину на свои плечи, такъ какъ это вашъ общій проступокъ, не правда ли, мои друзья? Вы сами поддерживали нелѣпую фантазію Елецкой, вы сами поджигали ее. Словомъ, виноваты вы всѣ и всѣ вы пойдете къ вашей начальницѣ (не знаю имени и отчества сей почтенной дамы) и ска-

жете ей приблизительно слѣдующее: «Простите Елецкую, не исключайте ее. Мы всѣ виновны, но она одна бѣдняжка пострадала, и чтобы искупить нашу вину, мы охотно принесемъ какія угодно жертвы». А именно, въ виду скораго выпуска и акта, пускай медалистки и другія подлежащія наградамъ воспитанницы откажутся отъ сихъ почетныхъ знаковъ отличія; дѣвицы же, не получающія никакихъ знаковъ отличія, пусть дадутъ слово выдержать всѣ экзамены такъ, какъ будто за это ихъ ожидаютъ награды... Засимъ, такъ какъ почтенная дама въ синемъ платьѣ сказала: «либо она, либо провинившаяся Елецкая выйдутъ изъ института», надо пойти къ почтенной дамѣ въ синемъ платьѣ и испросить, а понадобится, такъ и вымолить у нея прощеніе за все, за все, дать ей слово, смиренное и кроткое слово добродѣтельныхъ дѣвицъ въ томъ, что ни одна изъ васъ не позволитъ быть съ нею впредь рѣзкой и строптивой, а отнынѣ всѣ всячески будутъ стараться быть ласковыми и добрыми къ ней.

— Ласковыми и добрыми къ шпіонкѣ? Ну, ужъ это дудки!—послышался энергичный протестъ Додошки.

Но на нее тотчасъ же зашикали, зашумѣли другія.

— Даурская, пожалуйста, замолчи! Если monsieur Большой Джонъ говоритъ такъ, то значитъ такъ и надо поступить. Другого исхода нѣтъ.

— А ну васъ! Будемъ думать чужими головами, если свои не работаютъ,—засмѣялась Сима Эльская.—

А впрочемъ поклонимся и шпіонкѣ, если этимъ спасемъ Елочку. Я готова на все, за компанію конечно,—безшабашно тряхнувъ головою, засмѣялась она.

Большой Джонъ съ удовольствіемъ оглядѣлъ небольшую энергичную фигурку дѣвочки, ея открытое личико, ясные, смѣлые глаза. Въ ней было что то непосредственное, что то своеобразное, что привлекало къ ней невольно сердца.

Между тѣмъ фраза, брошенная Симой о пріѣздѣ миссіонера изъ дикой Америки, возымѣла самое неожиданное послѣдствіе для институтокъ.

Маленькая «шестушка», проходя мимо, услышала эту фразу. Огромная же толпа, образовавшаяся подлѣ одного изъ посѣтителей пріема, не могла не броситься въ глаза всѣмъ находившимся въ залѣ. Многіе родители и родственники «выпускныхъ» воспитанницъ, пріѣхавшіе въ этотъ день на «пріемъ», тщетно поджидали своихъ дочурокъ, сестеръ, племянницъ и внучекъ, тогда какъ всѣ онѣ сгруппировались вокругъ высокаго молодого человѣка съ крошечной головой на широкихъ плечахъ.

Все это не могло не поднять суматохи въ доселѣ мирныхъ стѣнахъ института.

«Шестушка», услышавшая вѣсть о миссіонерѣ, пулей вылетѣла изъ зала и, влетѣвъ въ свой классъ, вскочила прямо на каѳедру.

— Медамочки, душки!—закричала она благимъ матомъ, точно въ институтѣ начался пожаръ,—къ Ворон-

ской изъ Америки индѣецъ пріѣхалъ! Сидитъ на пріемѣ. Красный, какъ мѣдь, а самъ, медамочки, съ голою грудью и за ухомъ перо, а въ ноздряхъ сережки... Не вѣрите?.. Сама видѣла!

— Варкина, что ты врешь, глупая? Не индѣецъ вовсе, а тотъ, кто креститъ индѣйцевъ, миссіонеръ, священникъ, значитъ, пріѣхалъ, а ты все напутала. Я сама слышала, медамочки, какъ Эльская говорила это «Фюрстшѣ»,—вмѣшалась вторая шестушка, занимая мѣсто на каѳедрѣ, рядомъ съ первой.—У него и хитонъ бѣлый, какъ у католическихъ священниковъ, и крестъ на груди преогромный,—съ жаромъ передавала она.

— Дурочка! Хитонъ у грековъ былъ только, а у священниковъ риза,—поправилъ ее кто то изъ подругъ.

— Mesdames, что у васъ за шумъ сегодня?—просунулось въ классъ нѣсколько головокъ любопытныхъ воспитанницъ пятаго класса.

Имъ наскоро объяснили въ чемъ дѣло, и черезъ нѣсколько минутъ «пятыя» уже мчались въ свой классъ, гдѣ объяснили своимъ, что у Воронской сидитъ архіерей на пріемѣ, только не нашъ, а индѣйскій, и что у него тюрбанъ на головѣ, а вся спина растатуирована красками, и затѣмъ бѣжали во весь духъ въ пріемный залъ разсмотрѣть хорошенько диковиннаго гостя. Туда же устремились и взбудораженныя «шестушки», наскоро сообщивъ другимъ классамъ, что на пріемѣ у Воронской сидитъ самый знаменитый вождь и духовное лицо индѣйцевъ.

Затѣмъ онѣ шумною волною, цѣлымъ классомъ, хлынули въ залъ, чуть не опрокидывая по дорогѣ дежурившихъ у нихъ классныхъ дамъ и пепиньерокъ. За ними побѣжали пятыя, четвертыя, третьи и вторыя. «Седьмушки» тоже было высунули изъ за дверей «колбаснаго переулка» свои любопытныя головки, но ихъ энергичная блюстительница порядка въ синемъ платьѣ подняла голосъ, и пугливое маленькое стадо снова водворилось въ «дѣтскую»,—какъ называли старшія воспитанницы классъ малютокъ.

Между тѣмъ Большой Джонъ, ни мало не подозрѣвая о совершившемся по его милости переполохѣ, покончивъ съ дѣломъ спасенія Елецкой, по просьбѣ своихъ новыхъ сорока друзей, уже разсказывалъ имъ различные факты изъ своего недавняго путешествія по свѣту. Въ пылу разсказа молодой человѣкъ и не замѣчалъ, что число его слушательницъ увеличивалось, росло съ каждой минутой. А волны зелено-бѣлыхъ дѣвочекъ все прибывали и прибывали, пріобщаясь къ окружавшей его толпѣ.

Маленькія карабкались на скамейки и, чтобы лучше видѣть, подсаживали другъ друга, неслышно суетясь вокругъ центра всего—Большого Джона, голова котораго попрежнему вертѣлась надъ всей этой суетливой толпой.

Одна «шестушка», вскарабкавшаяся было на спинку скамьи, чтобы лучше разглядѣть диковиннаго гостя,

оступилась и растянулась на гладкомъ и скользкомъ паркетѣ залы.

— Ахъ, Ты, Господи!.. Да онъ совсѣмъ, совсѣмъ какъ мы, этотъ вождь индѣйскій! Совсѣмъ обыкновенный человѣкъ, только съ маленькою головою! — протянула она разочарованнымъ голосомъ, потирая ушибленную колѣнку.

Шпіонка, а за нею другія дамы, внѣ себя носились по залѣ, хватая за руки младшихъ воспитанницъ и оттирая ихъ къ дверямъ ближайшаго класса и въ то же время шопотомъ приказывая старшимъ разойтись.

— Бунтъ!.. Настоящій бунтъ!.. Я сейчасъ же иду къ баронессѣ... Я предупрежу ее, что весь институтъ взбунтовался!..—визжала шпіонка, летая вокругъ злополучной толпы.

Въ это время неожиданно въ дверяхъ залы показалась фигура старой инспектрисы.

На лицѣ г-жи Ефросьевой былъ написанъ самый краснорѣчивый ужасъ. Она по привычкѣ вертѣла цѣпочку отъ часовъ и выкрикивала тонкимъ голосомъ, дрожа и волнуясь:

— Медамъ, по классамъ! Сію же минуту разойтись!..

И почти одновременно задребезжалъ звонокъ, возвѣщающій конецъ пріема.

Большой Джонъ, прервавшій свое повѣствованіе на самомъ интересномъ мѣстѣ—на борьбѣ нѣкоего испанскаго терреадора съ быкомъ, поспѣшно поднялся съ

своего мѣста. За нимъ повскакали и всѣ его слушательницы.

— О, monsieur Большой Джонъ, вы должны докончить вашъ разсказъ въ другой разъ... Это такъ интересно, такъ интересно!..—зазвенѣли со всѣхъ сторонъ тоненькіе дѣвичьи голоса.

— Вы будете на нашемъ выпускномъ балу, monsieur Джонъ?—вторили имъ другія.

— Monsieur Большой Джонъ, я васъ приглашаю,—выкрикнула Черкешенка, вся заливаясь алымъ румянцемъ,—я васъ приглашаю отъ моего имени на нашъ выпускной балъ.

— И я!..

— И я!..

— И я!..—снова зашумѣли и зазвенѣли голоса институтокъ.

Большому Джону оставалось только кланяться направо и налѣво и благодарить, что онъ и дѣлалъ, медленно направляясь среди окружавшей его толпы къ дверямъ залы.

Толпа институтокъ, заключивъ его въ центръ своего зелено-бѣлаго круга, двигалась шагъ за шагомъ впереди, сбоку и позади него.

Въ дверяхъ залы шпіонкѣ удалось наконецъ изловчиться и схватить за плечо Лиду Воронскую, случайно оттиснутую отъ Большого Джона толпой.

— Если вы не скажете, кто это былъ, я сейчасъ

же отведу васъ къ начальницѣ,—прошипѣла она ей на-ухо, и крѣпкіе пальцы старой дѣвы впились въ худенькое плечо дѣвочки изо всѣхъ силъ.

Лида враждебно, почти съ ненавистью, вскинула на нее глазами и тряхнула плечомъ, но костлявые пальцы точно впились въ ея тѣло и не отпускали. Тогда губы дѣвочки дрогнули, ноздри раздулись. Злые огоньки забѣгали въ ея разомъ потемнѣвшихъ глазахъ.

Она изо всей силы рванула руку, сжимавшую ея плечо, и, подскочивъ чуть ли не къ самому лицу шпіонки, задыхаясь и чуть не плача навзрыдъ, выкрикнула на всю залу:

— Это... это Навуходоносоръ, царь ассирійскій, а вы пожалуйста оставьте меня!..

ГЛАВА VII.

Окончательное рѣшеніе.—На милость власть имущей.—Отмѣненный финалъ.

НѢТЪ, тысячу разъ нѣтъ! Большой Джонъ не правъ! Намъ не слѣдуетъ просить прощенія у шпіонки...

И говоря это, сѣроглазая дѣвочка съ бурной стремительностью влетѣла на каѳедру. Ея обычно блѣдное лицо теперь пылало. Короткіе, стриженные кудри дрожали при каждомъ порывистомъ движеніи головы. Ноздри раздувались. Маленькіе кулаки стучали по доскѣ каѳедры изо всей силы.

— Такъ нельзя!.. Мы не дѣти больше!.. Черезъ два мѣсяца мы выйдемъ на волю... Насъ нельзя третировать, какъ дѣвчонокъ... За Елочку мы пойдемъ просить maman сейчасъ же, сію минуту... А шпіонка пусть уходитъ... Правду ли я говорю, медамочки?.. Правду ли я говорю?..—захлебываясь и задыхаясь, выкрикивала она.

— Правду... Правду... Лида права... Вороненокъ правъ... Молодецъ, Вороненокъ!..—послышались не менѣе взволнованные голоса.

— Нѣтъ, неправду!.. Неправъ вашъ Вороненокъ, совсѣмъ неправъ! — прозвенѣлъ единственный протестующій голосъ, и, наскоро растолкавъ толпившихся вокругъ каѳедры подругъ, Сима Эльская очутилась подлѣ Лиды.

— А вы развѣ забыли, что Фюрстша сказала: или Елецкая, или я?.. Нельзя конечно допускать до выключки Лотоса... Это убьетъ ея мать... А потому у Фюрстши надо попросить прощенія... На этомъ настаиваю и я, и Большой Джонъ, и всѣ, у кого есть совѣсть и честь... Надо урезонить шпіонку, ублажить ее... А то она, на самомъ дѣлѣ, уйдетъ изъ института, потеряетъ свое мѣсто и заработокъ, потеряетъ кусокъ хлѣба,—и все это изъ-за нашей горячности... Такъ нельзя... Такъ нельзя...

— Правда, медамочки... Волька права. Нельзя этого... Шпіонка тоже вѣдь человѣкъ...—произнесла высокая Бухарина, кокетливо поправляя свои негритянскія кудряшки на лбу.

— Правда!—эхомъ отозвалась красавица черкешенка.

— Правда, Сима. Нельзя же гнать шпіонку, какъ бы виновна она ни была,—послышались болѣе смѣлые голоса,—это жестоко, гадко, безсердечно...

Лида окинула толпу негодующими глазами. Съ минуту отъ охватившаго ее волненія она не могла произнести ни слова. Ея худенькія плечики ходили ходуномъ подъ съѣхавшей на сторону пелеринкой. Ея сѣрые глаза разгорѣлись какъ угольки.

— О, глупыя, несмышленныя дѣвчонки!—кричала она, уже обоими кулаками барабаня по каѳедрѣ,—никто же не гонитъ вашу шпіонку. Цѣлуйтесь съ нею. Она можетъ подслушивать и подсматривать за нами, сколько ея душѣ угодно. Но просить у нея прощенія, упрашивать ее остаться у насъ, иными словами, поощрять ея шпіонство, ея безобразное отношеніе къ намъ—слуга покорный... О, нѣтъ, мнѣ ее не жаль нисколько... Такую, какъ она, не жаль—пусть уходитъ... Пусть... Кто же виноватъ, что она такая?..

И большіе глаза Лиды сдѣлались злыми, почти жестокими, отъ разбушевавшагося пламени ненависти въ груди дѣвочки. Съ минуту она молчала, потомъ тряхнула головой и подхватила еще съ большимъ азартомъ:

— Припомните, какъ она подвела бѣдную Козьмину изъ прошлаго выпуска за то, что та назвала ее мокрой курицей... Назвала за глаза, а не въ лицо конечно. Кузю оставили безъ медали. А малютка Ранская изъ-за ея шпіонства была подвергнута строгому наказанію, заболѣла и чуть не умерла два года назадъ... А наша Додошка?.. Не настаивала ли шпіонка на конфе-

ренціи, чтобы ее оставить на второй годъ въ первомъ классѣ—случай небывалый въ стѣнахъ института...

— Настаивала, душки, сама слышала, настаивала...—пробурчала подъ носъ Додошка, успѣвшая набить свой пухлый ротикъ пастилой.

— А теперь эта исторія съ Елецкой... О, она зла, какъ демонъ, эта шпіонка, и только и ищетъ какъ бы причинить и намъ зло... И ее нечего щадить. Нечего щадить, говорю я вамъ,—пылко заключила свою рѣчь Воронская, и такъ же быстро соскочила съ каѳедры, какъ и вбѣжала на нее.

— Нечего щадить! Нечего щадить!—подхватили шумные взволнованные голоса ея подругъ.

— Долой шпіонку! Пусть уходитъ! Намъ не надо ее!—выкрикивали въ толпѣ.

— А я вамъ говорю, что такъ нельзя!... Такъ нельзя!..—вся красная, какъ ракъ, перекрикивала подругъ отчаянно жестикулировавшая Волька.

— Эльская, ты «отступница», если говоришь это... Какъ ты смѣешь идти противъ правила товарищества, противъ класса!—зазвенѣли вокругъ голубоглазой Симы возмущенные голоса.

— И буду!.. И буду!.. Я знаю, что говорю... Я знаю...—неистовствовала Волька,—и за Фюрстшу горой встану... И заступаться за нее буду и... и... и...

— Такъ ужъ попросту начни обожать ее. Съѣшь, во имя своей любви къ ней, кусокъ мѣла, дари ей розы,

пиши на розовыхъ бумажкахъ письма, какъ это дѣлаютъ «седьмушки» и «шестыя», обожающія насъ,—произнесла Дебицкая, вспыхивая отъ негодованія всѣмъ своимъ дѣтски простодушнымъ лицомъ.

— Да!.. Да!.. И обожать буду!.. И мѣлу наѣмся до отвалу, все во имя m-lle Фюрстъ!.. Я, Сима, никого до сихъ поръ не обожавшая, наѣмся въ честь ея мѣлу!— неистово колотя себя въ грудь, вопила Сима.

— Нѣтъ ужъ, Симочка, ты вмѣсто мѣла касторваго масла прими. Куда полезнѣе будетъ,—съехидничала по своему обыкновенію Малявка.

Сима вскинула на нее прищуренными глазами, а потомъ заговорила громко и убѣжденно:

— Какія вы всѣ жалкія! Какія смѣшныя! У васъ все напоказъ—и ненависть, и любовь, и дружба. Все кукольное какое то, нарочное... Ну, къ чему это спасать одну и топить другую?.. А впрочемъ...

Она не докончила, махнула рукой, и ея небольшая фигурка соскочила съ каѳедры.

— Мнѣ васъ не передѣлать...—прозвучалъ гдѣ то въ отдаленіи ея звонкій голосъ.

— Къ maman! къ maman! За Елецкую просить, за Елочку!—пулей влетая въ классъ прокричала блѣдненькая Рантъ.—Maman сейчасъ уѣзжаетъ куда то. Надо торопиться. Карета уже подана. Я видѣла въ окно.

И почти задыхаясь отъ волненія, Рантъ упала на первую попавшуюся скамейку.

— Mesdames, не всѣ, только не всѣ къ начальницѣ, ради Бога, не всѣ! Пусть идутъ однѣ парфетки: Старжевская, Бутузина, Дебицкая, будущія медалистки и Наля Вергъ. Пусть Вергъ рѣчь держитъ. Она говоритъ по-французски какъ богиня. А Бухарина съ ними въ качествѣ ассистентки. У нея видъ какъ у безумной. Олицетвореніе отчаянія. Если maman не проститъ Лотоса, ты, креолочка, на колѣни бухъ и... и... ну, ужъ я не знаю что... Это такъ не дѣлается. Это по вдохновенію... Ну, Господь съ вами!..

И Воронская широкимъ жестомъ занесла высоко руку надъ своей стриженой головой и перекрестила подругъ.

Живчикъ - Дебицкая наскоро поправляла прическу Вергъ. Бухарина высокимъ гребнемъ закалывала свои непокорныя кудри. Минута подходила торжественная. Предстать передъ очи maman растрепанными и кое-какъ не рѣшился бы никто.

— Мы скажемъ вотъ что: maman, возьмите наши медали, награды, мы въ свою очередь всѣ, до послѣдней ученицы включительно, даемъ слово готовиться къ экзаменамъ не покладая рукъ, но простите Елецкую, maman... Виновата не одна она, виноваты мы всѣ, всѣ...—повторяла вслухъ высокая, степенная Старжевская и, сама того не замѣчая, дѣлала передъ воображаемой maman одинъ реверансъ за другимъ.

— Mesdames, если Фюрстъ спроситъ, куда мы—рѣзать ее безъ сожалѣнія!—выкрикнула Дебицкая уже въ две-

ряхъ, и «парламентерши», спѣшно выстроившись въ пары, вышли изъ класса.

Оставшіяся чувствовали себя какъ на иголкахъ. Додошка принялась было сосать карамельку, но обычно любимое лакомство не доставило ей на этотъ разъ никакого удовольствія, и, вынувъ карамельку изо рта, она тщательно завернула ее въ бумажку и спрятала въ карманъ до болѣе благопріятнаго случая.

Красавица черкешенка неслышно подошла къ окну, оперлась на него своими точеными бѣлыми руками и задумалась... О чемъ? Это врядъ ли могъ угадать кто-либо изъ окружающихъ ее дѣвочекъ.

Взволнованная и наэлектризованная всѣмъ происшедшимъ, Воронская, какъ раненая птица, металась изъ одного угла класса къ другому. Ея душа горѣла. Вся порывъ, вся энергія, вся стремленіе, эта нервная, страстная, горячо принимающая къ сердцу каждое малѣйшее происшествіе дѣвочка, переживала все гораздо болѣе бурно и остро, нежели ея сверстницы. Достаточно было произойти какому-либо, не совсѣмъ обычному, случаю, какъ она вся уже горѣла. Неясныя стремленія охватывали душу дѣвочки. Обрывки звуковъ и мыслей роились въ головѣ. Такія минуты Лида Воронская называла «своимъ вдохновеніемъ» и писала стихи порывисто и горячо, такъ же порывисто и горячо, какъ и все дѣлала эта нервная, не въ мѣру впечатлительная дѣвочка.

И сейчасъ, ощутивъ въ себѣ признакъ знакомаго вдохновенія, Лида быстрыми шагами подошла къ классной доскѣ и, схвативъ мѣлокъ, написала своимъ нѣсколько ребяческимъ крупнымъ почеркомъ:

Гордые, смѣлые, въ путь роковой!
Въ путь на защиту той правды святой,
Свѣточъ которой въ насъ жарко горитъ,
Къ благу прекрасному души манитъ!
Гордые, смѣлые, въ путь роковой,
И да поможетъ вамъ ангелъ святой!..

— Ангелъ святой не помогаетъ людямъ, исполненнымъ ненависти и вражды, запомните это хорошенько, Воронская,—послышался за плечами дѣвочки насмѣшливый голосъ.

Лида живо обернулась. Передъ неіі стояла Эльская. Вызывающе вскинувъ на дерзкую свои загорѣвшіеся глаза, Лида хотѣла уже дать Волькѣ надлежащій отпоръ, но послѣдняя предупредила ея желаніе. Что то скорбное промелькнуло въ голубыхъ, обычно веселыхъ глазахъ Симы.

— Воронская,—прозвенѣлъ, ежесекундно надламываясь, ея вибрирующій отъ волненія голосъ.—Богъ свидѣтель, Воронская, что я любила и уважала васъ больше всего міра, а теперь... теперь... узнавъ, что вы хотите топить злосчастную Фюрстъ, нѣтъ, я не могу васъ больше ни уважать, ни любить, Воронская...

. . . . . .

— Урррааа!.. Maman простила Елочку! Простила! Ура! И медали получимъ!.. И взысканій не будетъ!.. Maman—дуся!.. Maman—ангелъ!.. У нея слезы были на глазахъ, когда она сказала: «Вы большія дѣвочки, черезъ два мѣсяца мы разстанемся, и мнѣ грустно, что мои большія дѣвочки ведутъ себя, какъ маленькія дурочки»...

Вѣра Дебицкая выпалила все это разомъ, потомъ остановилась на минуту, чтобы перевести дыханіе, махнувъ Бухариной, чтобы та продолжала начатый разсказъ.

Креолка, вертя своими выпуклыми красивыми черными глазами, подробно «донесла» классу о томъ, какъ «парламентерши» явились къ maman, какъ та сначала встрѣтила ихъ сурово и не хотѣла слушать, а потомъ простила, даже прослезилась и... и... не сказала даже о необходимости просить прощеніе у Фюрстъ. Точно maman забыла объ «ультиматумѣ» шпіонки.

Тутъ Бухарина кончила свою рѣчь, бурно вздохнула и, шумно повалившись на полъ посреди класса, стала отбивать усердно земные поклоны, приговаривая вслухъ:

— Двадцать за Елочку, двадцать за то, что maman не замѣтила лиловой бархатки на шеѣ!.. Господи, благодарю Тебя!..

Какое то бѣснованіе поднялось въ классѣ. Выпускныя цѣловались и обнимались точно въ Свѣтлую Христову заутреню. «Парламентершамъ», такъ успѣшно

выполнившимъ ихъ миссію, устроили настоящую овацію.

Потомъ всѣ какъ то разомъ вспомнили о Воронской.

Она, Воронская, вѣдь героиня дня сегодня. Она познакомила съ Большимъ Джономъ, который далъ такой чудесный совѣтъ. Она говорила съ матерью Елецкой. Ей первой пришла въ голову мысль спасти Елочку.

— Вороненка качать!..

И едва шалунья Пантарова старшая успѣла выкрикнуть эту фразу, какъ десятки рукъ подхватили Лиду, подняли на воздухъ и стали мѣрно раскачивать, припѣвая:

— Слава Воронской, слава!.. Умницѣ-разумницѣ слава!.. Сорви-головѣ отчаянной слава!..

— Was ist denn das? [1]) Что за шумъ?.. Что за крики?.. Нельзя ни на минутуту выйти изъ класса. Вы точно уличные мальчишки кричите всегда...

И фрейлейнъ Фюрстъ, негодующая, взволнованная, съ трясущейся на маковкѣ жиденькой косичкой, заложенной крендельком, предстала передъ своимъ расшумѣвшимся стадомъ.

Сразу все стихло въ классѣ. Казалось, темный призракъ молчанія вошелъ и всталъ на стражѣ у дверей. Но это не было молчаніе смиренія. Гроза собиралась надъ головой несчастной мученицы въ синемъ

[1]) Что это такое?

платьѣ. И вотъ она разразилась, эта гроза. Все произошло такъ, какъ предугадали заранѣе всѣ эти зеленобѣлыя дѣвочки. Все—какъ по нотамъ.

Взволнованная, трепещущая, уже начинавшая «закипать» по своему обыкновенію, Воронская мигомъ очутилась лицомъ къ лицу передъ ненавистной нѣмкой.

— Maman простила Елецкую. Она не будетъ исключена, — прямо, безъ всякихъ обиняковъ, отрѣзала она, погружая свои загорѣвшіеся острымъ взглядомъ глаза въ нѣсколько оторопѣлые глаза классной дамы.

Пролетѣло одно только мгновеніе. Но въ этомъ мгновеніи переживалась глухая драма борьбы. Худенькая, блѣдная, съ горящими жгучей ненавистью глазами дѣвочка и желтая сморщенная старая дѣва, съ отцвѣтшимъ, печальнымъ, нѣсколько растерянным лицомъ, смотрѣли молча, но упорно другъ на друга. Какая то электрическая сила, казалось, руководила ими, сцѣпляя эти два взгляда въ одинъ.

Но вѣроятно жестокость взгляда дѣвочки потрясла взрослую женщину. Она немного вздрогнула, затѣмъ, поднявъ голову и краснѣя багровымъ румянцемъ, проговорила глухимъ голосомъ, зазвенѣвшимъ, какъ порванная струна:

— Я рада за васъ, что maman такъ снисходительна, что простила Елецкую... Но я помню и то, что сказала вчера: или я, или она... Это тяжело для обѣихъ... Но... Я могу только тогда измѣнить свое рѣшеніе, если вы...

да... если вы попросите прощенія у меня за сдѣланную вами вчера дерзость.

И, сказавъ это, фрейлейнъ Фюрстъ обвела глазами толпу своихъ юныхъ оппонентокъ.

Вокругъ нея «мялось» на мѣстѣ, избѣгая ея взгляда, около сорока дѣвочекъ, и ни въ одной парѣ глазъ этихъ сорока бѣдная пожилая дѣвушка не прочла ни сочувствія, ни ласки. Тогда багровый румянецъ смѣнился желтоватой блѣдностью на худомъ, отцвѣтшемъ лицѣ фрейлейнъ.

— Sehr gut! Sehr gut! Undankbare Seelen [1]),—произнесла она и тотчасъ же, какъ бы стряхнувъ съ себя малодушное отчаяніе, овладѣвшее ея душой, произнесла уже твердымъ, непоколебимымъ тономъ:

— Я ухожу изъ института. Я знаю, вы добивались этого. Итакъ, знайте, что я уйду отъ васъ, если вы не попросите у меня прощенія, пока я не просчитаю до двадцати разъ... И если вы не исполните моего желанія, мы разстанемся. Конечно, я могла бы попросить maman дать мнѣ другой классъ, но какой позоръ и для меня, и для васъ разстаться чуть ли не наканунѣ выпуска со своей классной дамой!.. Итакъ, я предпочитаю уйти... Я стала совсѣмъ нездорова. Мнѣ не подъ силу дежурство въ такомъ жестокомъ классѣ... съ такими жестокими воспитанницами... Да!... Но все же отъ васъ

[1]) Очень хорошо! Очень хорошо! Неблагодарныя души!

еще зависитъ измѣнить мое рѣшеніе. Итакъ, я жду. Я буду считать, и если дойду до двадцати и не услышу вашего «простите, фрейлейнъ», я скажу вамъ «прощайте» навсегда...

— Скатертью дорожка!—пискнула Даурская изъ-за своего пюпитра.

— Это свинство, господа, не достойное людей!—звонко выкрикнула Эльская.—Фрейлейнъ Фюрстъ, я прошу у васъ прощенія за всѣхъ этихъ...

Но ей не дали договорить. Высокая, сильная Зобель подошла къ Симѣ и, схвативъ ее за руку, вывела за дверь и заперла эту дверь передъ самымъ носомъ ничего подобнаго не ожидавшей Эльской.

И снова жуткая тишина наступила въ классѣ.

Фрейлейнъ Фюрстъ подняла костлявый палецъ кверху и произнесла:

— Разъ!.. Два...

— Три... Четыре... Пять... Шесть... Семь... Восемь... Девять... Десять...—прозвучало, нѣсколько секундъ спустя, медленно надъ потупленными головами дѣвочекъ.

Звуки рѣзкаго, но замѣтно трясущагося и взволнованнаго голоса Фюрстъ падали какъ удары въ сердце каждой изъ присутствующихъ; вслѣдъ затѣмъ, съ незначительными паузами, голосъ нѣмки становился все тише и тише... Гдѣ то далеко, въ глубинѣ этихъ юныхъ, еще далеко не испорченныхъ, сердецъ тлѣлъ огонекъ сознанія. Онъ точно указывалъ молодымъ душамъ, что

онѣ поступаютъ зло и несправедливо. Но тутъ же настойчивый злой демонъ нашептывалъ другія слова, другія рѣчи:

— «Такъ и надо ей, такъ ей и надо... Она шпіонка, доносчица, фискалка... Она лишаетъ васъ свободы, третируетъ, гонитъ, преслѣдуетъ, мучаетъ, какъ дѣвчонокъ, какъ дѣтей... Вонъ ее... Вонъ!.. Вонъ!.. Вонъ!..»

Въ дальнемъ углу класса, со скрещенными по-наполеоновски руками, стояла стриженая дѣвочка, вперивъ въ Фюрстъ долгій, немигающій взглядъ. Что то сосало душу дѣвочки, что то щипало ее за сердце. Но Лида Воронская казалась спокойной какъ никогда.

— Одиннадцать... Двѣнадцать... Тринадцать... Четырнадцать... Пятнадцать...—глухо и мѣрно отсчитывала шпіонка, и два багровыя пятна на ея желтомъ лицѣ вспыхнули снова.

— Шестнадцать... Семнадцать... Восемнадцать... Девятнадцать...—понеслось уже значительно звучнѣе и громче.

Тутъ фрейлейнъ Фюрстъ сдѣлала паузу и, еще разъ обведя потухающимъ взглядомъ замершихъ на своихъ мѣстахъ, подобно каменнымъ истуканамъ, воспитанницъ, почти въ голосъ выкрикнула:

— Двадцать!..

Свершилось!..

Теперь уже не было возврата назадъ. Головы опустились ниже. Глаза глядѣли въ полъ. Когда головы и глаза

поднялись снова, нѣмки уже не было въ классѣ. Только слышался въ коридорѣ удаляющійся шорохъ ея платья.

Дверь широко распахнулась и Сима-Волька какъ бомба влетѣла въ комнату.

— Позоръ!.. Гадость!.. Свинство!.. И это люди!.. Эт$_0$ будущія женщины!.. Матери семействъ!.. Гуманныя маменьки, добрыя жены!.. Косматыя сердца у васъ, каменныя души!.. О, злыя вы, злыя!.. Человѣка лишили куска хлѣба изъ-за какого то пошлаго принципа... И будь оно проклято, это глупѣйшее правило товарищества, которое, какъ глупыхъ барановъ, заставляетъ дѣйствовать васъ всѣхъ гуртомъ. Ненавижу его и васъ... Ненавижу... Да!.. Да!.. Да!.. Да!.. Ненавижу!..—заключила она почти крикомъ свою негодующую рѣчь. Она захлебывалась и задыхалась. Ея лицо было красно. Она вся дрожала. И вдругъ она ударила себя ладонью по головѣ и задорно подняла голову.

— Если вы такія,—вызывающе крикнула Эльская всему классу,—я хочу быть иной. Я догоню Фюрстъ, я скажу ей, что мнѣ жаль ее... Мнѣ, Волькѣ, разбойнику и «мовешкѣ», которой попадало отъ нея больше всѣхъ въ мірѣ! Я ей скажу: «у нихъ бараньи головы, фрейлейнъ Фюрстъ, онѣ глупы и черствы, какъ прошлогодніе сухари, но мнѣ жаль васъ, потому что онѣ несправедливы, онѣ не имѣли права...»

И прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ удержать ее, Эльская выскочила изъ класса.

— Волька!.. Измѣнница!.. Отступница!.. Не смѣй!..— понеслось за нею вдогонку.

Но она не слышала ничего. Она пронеслась вихремъ по коридору, вбѣжала на лѣстницу, влетѣла по другому коридору на половину верхняго этажа.

Двѣ «седьмушки», попавшія ей навстрѣчу, принявъ ее за сумасшедшую, съ визгомъ отлетѣли отъ нея.

Вотъ и комната фрейлейнъ, «лисья нора», какъ окрестили ее въ насмѣшку институтки. «Шпіонка» тамъ. Она стоитъ посреди своей маленькой, убого обставленной конурки, гдѣ все дышитъ бѣдностью и чистотой, и тихо, жалобно плачетъ. Ея высокая фигура, жиденькая косичка, заложенная на темени кренделькомъ, такъ жалки, такъ убійственно жалки, что сердце Симы дрогнуло отъ боли.

— Фрейлейнъ!.. М-lle!.. Голубушка!.. Ради Христа!.. Не плачьте!.. Плюньте на нихъ!.. Онѣ чудовища мохнатыя... Онѣ... И ей-Богу же свѣтъ не безъ добрыхъ людей и вы найдете лучшее мѣсто!..—пробормотала она, схвативъ руки нѣмки и отчаянно тряся ихъ своими.

Сначала Фюрстъ вздрогнула и отступила въ глубь комнаты, ожидая какой то новой злой выходки или проказы со стороны этой дѣвочки, такъ неожиданно вбѣжавшей къ ней.

Но лицо Эльской дышало такимъ участіемъ, такою добротою, что она сейчасъ же успокоилась, обняла дѣвочку и прижала ее къ груди.

— Спасибо!.. Спасибо!.. Не ожидала отъ васъ... Вы одна любите меня...—прошептала она чуть слышно.

— Нѣтъ, фрейлейнъ, и я не люблю васъ,—нимало не смущаясь, поправила ее Эльская,—и мнѣ не нравилось, что вы слишкомъ подсматривали... то есть, извините ради Бога, слишкомъ третировали насъ, какъ дѣтей... и были черезчуръ рѣзки и жестоки съ нами... А только у меня у самой мамахенъ гувернанткой была, и я знаю, что значитъ уйти съ мѣста и какъ трудно получить другое и... и желаю вамъ всего лучшаго, фрейлейнъ... Простите меня... а то я, ей-Богу, сейчасъ разревусь, какъ теленокъ...

И, рванувшись впередъ, Сима бросилась бѣжать также быстро изъ «лисьей норы» назадъ въ классъ, гдѣ шумѣли тридцать девять разгоряченныхъ дѣвочекъ и гдѣ Лида Воронская выводила четко на классной доскѣ:

Свобода!.. Свобода!.. И нищій, и царь
Стремились къ ней съ давнихъ вѣковъ...
Такъ будетъ вовѣки, такъ было и встарь...

— Рантъ!—крикнула, замирая съ мѣломъ въ рукѣ у доски, Воронская,—дай мнѣ скорѣе риѳму на «вѣковъ».

— «Дураковъ»,—не задумываясь выпалила стрекоза, и юная поэтесса и ея вдохновительница покатились со смѣху.

Выпускныя шумно бѣсновались, ликуя побѣду, ни-

чуть, казалось, не заботясь о томъ, что только что произошло. Шпіонка должна была исчезнуть съ горизонта, и молодыя пылкія головки покамѣстъ не хотѣли думать ни о чемъ другомъ...

ГЛАВА VIII.

Гулливеръ и лилипуты.—Послѣдніе уроки.—«Поправочныя».—Додошка въ своей «сферѣ».

ПРОШЛА недѣля. Весна настойчиво и быстро вступала въ свои права. Таялъ снѣгъ на улицахъ, и скупое петербургское солнце сіяло ярко въ эти лучезарные апрѣльскіе дни. Усердные дворники сгребали деревянными лопатами въ кучи грязный снѣгъ, помогая городу приготовиться къ встрѣчѣ голубоокой гостьи-весны.

Небо было синее, синее, какъ лазоревый лионскій бархатъ нѣжнѣйшихъ тоновъ.

Въ выпускномъ классѣ старшихъ воспитанницъ стояла тоже весна. Какое то приподнято-радостное настроеніе царило здѣсь среди институтокъ. Этому способствовалъ немало рапортъ, поданный недѣлю тому назадъ ненавистной Фюрстшей, которая въ ожиданіи полнаго увольненія взяла отпускъ и переѣхала жить къ сестрѣ.

«Первыя» освободились. Никто не шпіонилъ за ними

больше, никто не подслушивалъ, не подсматривалъ за ними, не бѣгалъ «съ доносами» къ maman. Вмѣсто отсутствовавшей шпіонки дежурила молоденькая, хорошенькая Мѣдникова, классная дама «пятыхъ», недавно только вышедшая изъ пепиньерокъ и державшаяся запросто, по-товарищески съ классомъ выпускныхъ. Съ этой стороны обстояло все хорошо, но... это маленькое «но» отравляло незамѣтно радость «весны» взрослымъ барышнямъ. Въ этомъ «но» сказывалась заговорившая совѣсть. Со шпіонкой поступили нѣсколько круто, и каждая изъ дѣвочекъ не могла не сознаться въ этомъ. Голосъ совѣсти нѣтъ-нѣтъ да и давалъ знать о себѣ. Къ тому же разбойникъ Волька-Сима Эльская послѣ исторіи со шпіонкой объявила классу открытый протестъ. Она демонстративно уходила отъ подругъ, поворачивая имъ спину, когда кто-либо заговаривалъ съ нею, и открыто рѣзала на чистоту:

— Я со злыми психопатками дѣла не имѣю, — и она уходила къ своей «мелюзгѣ».

Эта мелюзга были маленькія «седьмыя», «шестыя» и «пятыя», обожавшія Симу. Часто можно было видѣть въ коридорѣ плотную коренастую фигуру Эльской, окруженную маленькими институтками, льнувшими къ ней, какъ цыплята къ насѣдкѣ. Здѣсь, во время безконечныхъ прогулокъ по коридору и рекреаціонному залу, слышалось поминутно:

— М-Ше дуся... Я васъ обожаю...

— М-lle Симочка, ангелочекъ, придите въ «долину вздоховъ». Я вамъ покажу мою руку: я на ней ваше имя выцарапала булавкой и чернилами замазала по рубцу... Красиво вышло... Честное слово!..

— Ну, и глупо сдѣлала,—рѣзала свою неистовую обожательницу Эльская.

— Что же дѣлать, дуся, я васъ такъ люблю...

— А то дѣлать, что казеннаго имущества не портить... Вѣдь ты казенная, за тебя казна платитъ, — и синіе глазки Симы сверкали въ сторону ея рьяной поклонницы.—Казна. Понимаешь?

— Казна, дуся...—соглашалась чуть слышно та.

— Ну, а если казна, значитъ портить казенное имущество ты не смѣешь. Поняла?.. А если еще и руки себѣ уродовать будешь, я не только въ «долину вздоховъ» не приду, а пожалуюсь на тебя вашей классной дамѣ m-lle Фонъ или прямо кочергѣ... то есть я хотѣла сказать инспектрисѣ,—вспыхнувъ до ушей, поправилась въ своей антипедагогической ошибкѣ Сима.

— Не буду, mademoiselle дуся... Только не сердитесь,— совсѣмъ сконфуженная бормотала малютка и наскоро «прикладывалась» къ своему кумиру, то есть попросту чмокала розовую щеку Эльской и ея плечо.

— Mesdames, смотрите, Гулливеръ со своими лилипутами снова шагаетъ по коридору, — язвила Малявка, всовывая свою лисью головку въ ихъ классъ и указывая на Симу другимъ выпускнымъ.

— И буду шагать, и буду! — приходила сразу въ неистовство Волька, — не съ вами же мнѣ быть послѣ вашей гадости со шпіонкой!.. Мои лиллипуты лучше, чище, добрѣе... Съ ними легче дышится... Съ ними снова чувствуешь себя дѣтски незлобивой и простой. А вы всѣ трусливыя исполнительницы воли вашего командира—Воронской...

И Сима поворачивала назадъ и, окруженная цѣлой толпой своихъ маленькихъ поклонницъ, исчезала съ ними на коридорномъ горизонтѣ.

А время между тѣмъ не шло, а бѣжало все впередъ, все впередъ. Дольше открывались форточки въ классѣ, ярче играли солнечные лучи на треножникахъ съ аспидными досками. Небо синѣло все красивѣе, все томнѣе, и сорокъ юныхъ дѣвушекъ готовились выпорхнуть изъ сѣрыхъ стѣнъ своей крѣпкой тюрьмы...

. . . . . .

Утро. Небо синѣетъ, жгуче-красивое, яркое, веселое, молодое. Пахнетъ весной, ароматной и свѣжей, какъ дыханіе ландыша.

По длиннымъ коридорамъ и классамъ пахнетъ тоже, но не весной, а тѣмъ своеобразнымъ запахомъ жареной корюшки съ картошкой и лукомъ, которую особенно любитъ давать институтскій экономъ на послѣдней недѣлѣ великаго поста.

Послѣдняя недѣля. Послѣдніе уроки. И не уроки даже, а скорѣе «поправочныя» репетиціи слабымъ

ученицамъ, исправленіе дурныхъ отмѣтокъ, полученныхъ въ году. Затѣмъ прощальныя, напутственныя рѣчи учителей и усердная подготовка къ выпускнымъ экзаменамъ и, въ концѣ-концовъ, достиженіе того свѣтлаго, очаровательнаго «финала», о которомъ мечтаетъ чуть ли не съ самаго перваго дня своего поступленія каждая «седьмушка».

Утро. Около большого створчатаго окна перваго класса собралась группа дѣвочекъ.

Тутъ высокая, полная, не по годамъ развитая Бухарина, красавица-черкешенка, зеленоокій Лотосъ-Елецкая, блѣднушка Рантъ съ ея чахоточнымъ румянцемъ и бойкими, шаловливыми, несмотря на недугъ, глазами, живая румяная хохлушка Масальская и Додошка, что то усиленно пережевывающая по своему обыкновенію.

Форточка въ классѣ открыта, но теплынь такая, что ничуть не слышно дыханія воздушной струи. Черкешенкѣ жарко; она сбросила пелеринку. Черныя кудрявыя пряди выбились изъ прически красивой дѣвочки, упали на ея бѣлый лобъ. Въ глазахъ переливается влага. Они, эти глаза, стали такіе прекрасные и большіе, точно обновились съ началомъ весны.

— Медамочки, милыя, — звенитъ нѣжный голосокъ дѣвочки,—вѣдь день то какой сегодня!.. Подумайте, послѣдній день уроковъ! А тамъ зацвѣтутъ липы, запестрѣютъ цвѣты, и мы, какъ сказочныя дѣвы, нарушивъ

злыя чары злой колдуньи, выйдемъ изъ этихъ зачарованныхъ палатъ...

— Ну, пошла, поѣхала!.. И дѣвы, и чары, и палаты!.. Хочешь леденецъ?—великодушно предложила Додошка.

— Какая вы, Даурская, проза. Ничего то, ничего въ васъ нѣтъ возвышеннаго, право,—обидѣлась Гордская на подругу.

— Да полно вамъ спорить, душки. Глядите, солнышко то какъ играетъ! А въ Малороссіи у насъ теперь совсѣмъ теплынь. Не то, что у васъ. У васъ здѣсь гадость въ сравненіи съ родной моей Хохландіей. Люблю ее...

И, вскочивъ на стулъ, хохлушка Масальская, вся алая отъ возбужденія, продекламировала съ паѳосомъ, свойственнымъ ея восторженной натурѣ:

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ зеленыхъ рощахъ тонутъ хутора...

— Зинзеринъ идетъ! — шумно распахивая дверь класса, прокричала Воронская.

— Зинзеринъ! Батюшки! Поправочныхъ спрашивать будетъ и меня, значитъ! Господи помилуй, я Пиѳагоровой теоремы—ни въ зубъ толкнуть, а у меня шестерка... Поправлять меня, какъ Богъ святъ, захочетъ!—чуть не плача, металась, съ понятнымъ терзаніемъ въ душѣ, Додошка.

— Глупенькая, тебѣ же лучше будетъ. Спроситъ, отвѣтишь кое-какъ, семерку получишь, и то хлѣбъ. На экзаменѣ тоже «семь» и въ аттестатѣ «удовлетворительно», — убѣждала степенная Старжевская не на шутку перепуганную Додошку.

— Ахъ, да пойми ты, Стрижъ, не могу я отвѣчать сегодня. Все равно навру. Я ни одной теоремы—ни въ зубъ. А тутъ еще весна катитъ, дворники улицы скребутъ, выпускъ черезъ два мѣсяца... Хоть убейте меня—ничего не отвѣчу... Ясно, какъ шоколадъ.

— Въ такомъ случаѣ бѣги въ лазаретъ. Скажи Мѣдниковой, что желудокъ разстроенъ,—подала совѣтъ Рантъ, и ея шаловливые глазки лукаво заблестѣли и заискрились.

— Ну, ужъ только не туда, а то я какъ то разъ отъ физиканта сбѣжала, а Вѣра Васильевна напоила меня касторовымъ масломъ съ мятой... Слуга покорный!..—запротестовала Додошка.

— Тогда полѣзай въ шкапъ. Мы тебя запремъ, а скажемъ, что ты въ лазаретѣ, — великодушничала на этотъ разъ Малявка.

— Мерси боку! Кушайте сами! Тамъ я вчера, когда платки вынимала, видѣла огромнаго таракана... И душно какъ тамъ, медамочки!.. Нѣтъ, не могу, — отказалась наотрѣзъ Додошка...

— Тогда оставайся на поправочной,—зашумѣли вокругъ нея другія.

— Не могу... Ей-Богу же, не могу, душки,—закрестилась злополучная Додошка, бѣгая растерянными глазами по классу.

Вдругъ взоръ ея прояснѣлъ. Лицо покрылось румянцемъ.

— Спасена!..—звонко выкрикнула она,—наконецъ то придумала... Спасена!.. Помогите мнѣ только влѣзть въ «сферу», медамочки, а тамъ и все дѣло въ шляпѣ,—молящимъ голосомъ обратилась она къ подругамъ.

— Въ «сферу»? Отлично придумано... Додошка просидитъ весь урокъ въ «сферѣ». Ни Зинзерину, ни «синявкѣ» въ голову не придетъ искать ее тамъ...

И дѣвочки, подхвативъ подъ руки злополучную Даурскую, успѣвшую засунуть себѣ въ ротъ мимоходомъ леденецъ, повлекли ее къ огромному астрономическому глобусу, стоявшему посреди класса и называемому всегда «сферою».

Чьи то услужливыя руки отстегнули крючокъ, соединяющій и скрѣпляющій двѣ половинки «сферы» въ одно цѣлое, другія руки помогли Додошкѣ пролѣзть въ образовавшуюся щель. Затѣмъ «сферу» захлопнули снова, закрыли на крючокъ, соединивъ обѣ половины. И съ веселымъ жужжаніемъ дѣвочки бросились садиться на свои мѣста.

Все было сдѣлано какъ разъ во-время, за одну минуту до появленія математика на порогѣ класса.

Когда онъ вошелъ туда, торжественно предшеству-

мый Мѣдниковой, дежурившей въ этотъ день, «первыя» чинно стояли уже вдоль своихъ скамеекъ и степеннымъ реверансомъ привѣтствовали учителя.

Молодой еще, очень бѣлокурый — «непростительно бѣлокурый», какъ о немъ отзывались ученицы,—высокій, поминутно краснѣющій отъ смущенія и потирающій то и дѣло свои бѣлыя влажныя руки, съ немного длиннымъ, но правильнымъ «греческимъ» носомъ и красивой бѣлокурой бородой, математикъ Юлій Юльевичъ Зинзеринъ былъ обожаемъ чуть ли не доброю половиною класса. Его прозвали Аполлономъ Бельведерскимъ, ему посвящали стихи, закладывали въ скучный учебникъ геометріи и начальной алгебры розовыя закладки и засохшіе цвѣты, оставшіеся съ каникулъ, чуть ли не дрались изъ-за чести приготовить ему кусокъ мѣла, обернутый нѣжнѣйшаго цвѣта пропускной бумагой, съ неизбѣжнымъ цвѣтнымъ бантомъ изъ шелковыхъ лентъ.

Monsieur Зинзеринъ отъ природы былъ очень застѣнчивъ; знаки необычайнаго вниманія скорѣе досаждали, нежели радовали его.

И сейчасъ онъ уже сгоралъ отъ смущенія передъ своимъ послѣднимъ урокомъ, на которомъ ему надо было обязательно сказать выпускнымъ на прощаніе какую-нибудь рѣчь. Несчастный мученикъ въ вицмундирѣ уже представлялъ себѣ, какъ сорокъ паръ ярко разгорѣвшихся глазокъ вопьются ему въ глаза, бороду, въ усы и какъ эти неумолимые глазенки будутъ ждать

отъ него пышныхъ фразъ и чувствительныхъ словъ передъ долгой, по всей вѣроятности, вѣчной, разлукой. И заранѣе несчастный ораторъ краснѣлъ какъ піонъ и обливался потомъ при одной мысли о предстоявшемъ ему мученьи.

— Дѣвицы... то есть... да... Я хотѣлъ сказать, дѣвицы...—началъ онъ, путаясь и заикаясь,—познанія многихъ изъ васъ далеко не отвѣчаютъ требованіямъ или... вѣрнѣе... должны быть много... много... лучше, то есть я хотѣлъ сказать, отмѣтки многихъ передъ годовымъ окончательнымъ выводомъ неудовлетворительны, а посему я думаю... то есть я желаю... я смѣю надѣяться, что многія изъ васъ пожелаютъ поправить свой баллъ на лучшій, въ чемъ я охотно готовъ оказать имъ посильное содѣйствіе... И я поэтому позволю себѣ вызвать госпожу Даурскую, Эльскую, Бергъ и Воронскую, какъ самыхъ слабыхъ по моему предмету ученицъ.

— Даурской нѣтъ... Она больна, она въ лазаретѣ...— раздался дружный хоръ изъ тридцати девяти голосовъ, въ то время какъ тридцать девять же паръ глазъ невольно скосились въ сторону огромной «сферы», откуда неслся какой то подозрительный шорохъ и суетня.

— Очень жаль госпожу Даурскую. Ей придется, стало быть, остаться до экзамена при неудовлетворительной отмѣткѣ, — произнесъ математикъ и помѣтилъ противъ фамиліи Додошки въ журнальной клѣточкѣ миніатюрное шесть.

Потомъ онъ повернулъ въ сторону выстроившихся у доски воспитанницъ свою классическую голову съ греческимъ носомъ и красивой бѣлокурой бородой и вѣжливо предложилъ Воронской доказать равенство прямыхъ угловъ.

Вопросъ, предложенный Лидѣ, принадлѣжалъ къ числу простыхъ, пройденныхъ дѣвочками еще въ четвертомъ классѣ, но Лида никакъ не могла найти сегодня сходство между линіей АВС и ЕСВ, потому что солнце сіяло слишкомъ ярко, а небо синѣло уже черезчуръ красиво, и бѣлокурая борода и такіе же волосы Аполлона Бельведерскаго казались вылитыми изъ золота и бронзы въ этотъ свѣтлый, яркій утренній часъ.

Эти золотые волосы овладѣли, казалось, всѣмъ вниманіемъ стриженой дѣвочки, и она въ своей непослушной головкѣ уже подыскивала строфы, посвященныя этимъ бѣлокурымъ волосамъ:

Золотое руно на твоей головѣ,
Въ немъ играютъ златые лучи...

шептали розовыя губки поэтессы, и линіи АВС и ЕСВ уже окончательно переставали существовать для нея, какъ неожиданно позади вызванныхъ воспитанницъ кто то чихнулъ сильно и громко.

Зинзеринъ, Мѣдникова и весь классъ замерли отъ неожиданности. Чихалъ кто то невидимый, находив-

шійся въ сторонѣ и отъ вызванныхъ воспитанницъ, и отъ всего класса.

Словомъ, чихала Додошка въ «сферѣ».

Дѣвочки испуганно переглянулись.

— «Что то будетъ!? Что то будетъ!?»—мысленно пронеслось въ душѣ каждой, и всѣ глаза съ тревожнымъ ожиданіемъ впились въ Аполлона. Но Аполлонъ нимало, казалось, не обратилъ вниманія на это обстоятельство и продолжалъ спрашивать «поправочныхъ», усиленно, по своему обыкновенію, потирая влажныя руки.

Ему кое-какъ посчастливилось стряхнуть разсѣянность Лиды, помочь ей выпутаться съ уравненіемъ угловъ и, способной ко всякой наукѣ, кромѣ математической, дѣвочкѣ удалось довести свою несложную задачу до конца.

Бергъ тоже довольно бойко продѣлала уравненія на доскѣ, а Эльская, при усиленной помощи Зинзерина, рѣшила на другой доскѣ несложную геометрическую задачу.

Отвѣтившихъ отпустили на мѣсто. Волненіе среди «поправочныхъ» кое-какъ улеглось, но зато оно вспыхнуло въ душѣ самого математика.

Минута говорить рѣчь приближалась. А несчастный Аполлонъ Бельведерскій все не могъ приступить къ ея началу. По классу прошелъ легкій гулъ, чуть уловимый, какъ шелестъ утренняго вѣтерка.

Это чуть слышно сморкались и откашливались дѣвочки передъ началомъ столь ожидаемой рѣчи.

И вотъ, краснѣющій и смущенный Зинзеринъ началъ. Онъ схватилъ съ каѳедры лежащую на ней линейку, безжалостно стиснулъ ее обѣими руками и, обливаясь чуть ли не десятымъ потомъ, обвелъ тоскующимъ взглядомъ классъ. Обвелъ и... остановилъ глаза свои на «сферѣ». Внезапная мысль очевидно осѣнила его голову, и въ два шага своихъ длинныхъ, какъ ходули, ногъ онъ очутился у огромнаго глобуса.

— Дѣвицы...—робко прозвучалъ его голосъ.—Вотъ передъ вами изображеніе земного шара, т. е. міра... Вы видите этотъ міръ, этотъ огромный міръ съ его планетами, съ его вселенной... По этому міру разсыпетесь вы... — тутъ онъ поднялъ линейку и слегка ударилъ ею по верхней оболочкѣ «сферы».

— Апчхи!.. — совсѣмъ четко и ясно послышалось изнутри и почти тотчасъ же повторилось еще болѣе явственнымъ, громкимъ звукомъ, еще... еще...

— Апчхи!.. Апчхи!.. Апчхи!..

Классъ не выдержалъ на этотъ разъ и дружно фыркнулъ.

Отчаяннымъ взглядомъ мученика Зинзеринъ метнулъ впередъ, туда, гдѣ, давясь и фыркая, тряслись красныя отъ смѣха дѣвочки, и съ минуту мялся на мѣстѣ, предугадывая какую то злостную шутку съ ихъ стороны.

Но рѣчь надо было кончить во что бы то ни стало,

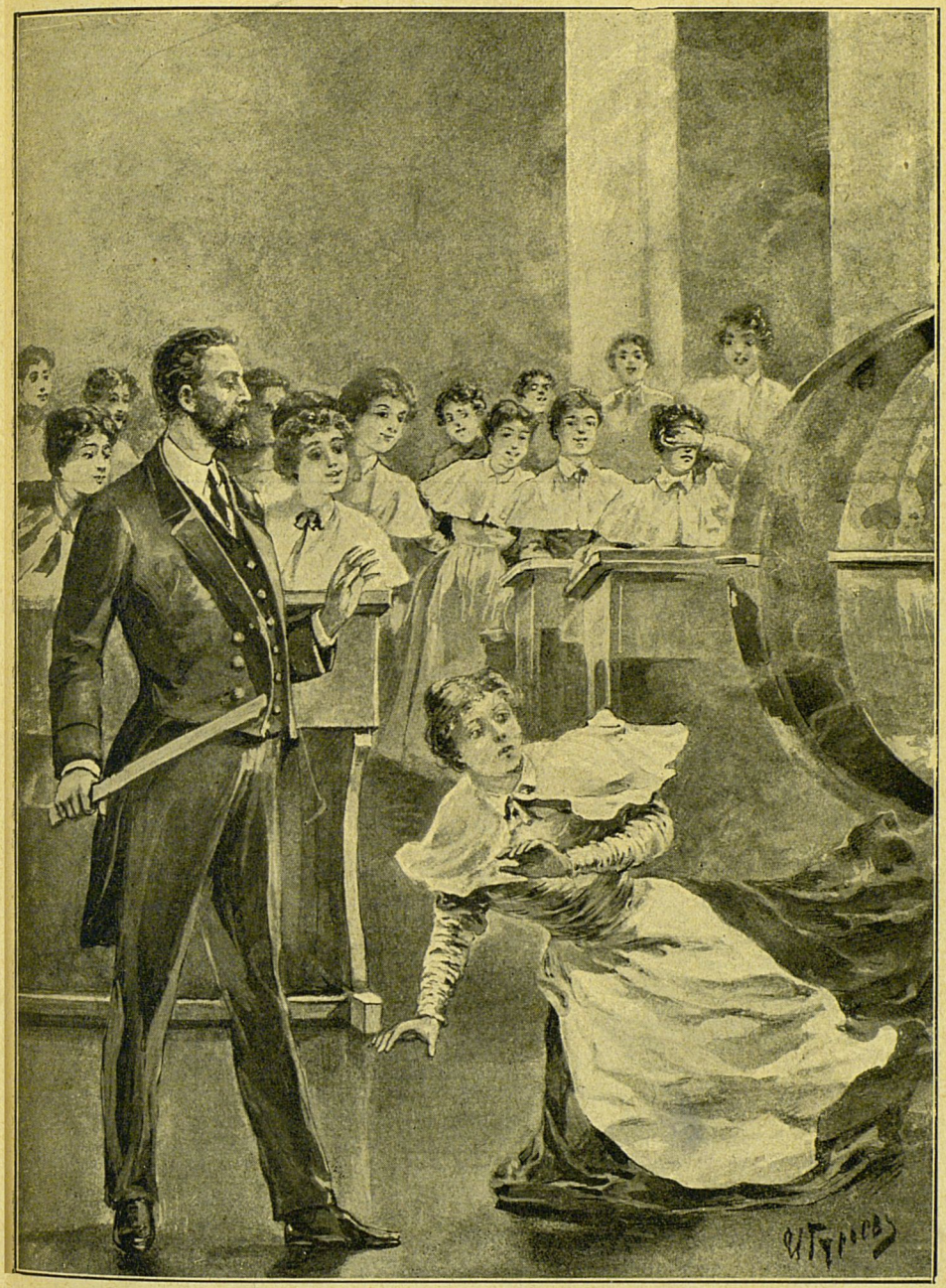
и всѣ стремленія математика сводились теперь къ окончанію этой рѣчи.

— И вы разсѣетесь по свѣту,—съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ подхватилъ онъ,—и понесете всюду съ собою тотъ свѣточъ познанія, который затеплили здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, вашъ умъ, ваши сердца, ваши души... И гдѣ бы вы ни находились,—на сѣверѣ ли, на югѣ или...

Тутъ черная линейка въ рукѣ Аполлона снова энергично ткнулась въ то мѣсто «сферы», гдѣ обозначался сѣверъ. Но при этомъ злополучная палочка наскочила на не менѣе злополучный крючокъ, единственную задвижку «сферы». Крючокъ отскочилъ, «сфера» раскрылась, какъ бы раскололась на двѣ равныя части, и Додошка, какъ ядро изъ пушки, съ шумомъ вылетѣла изъ нея. Вылетѣла и растянулась на полу у самыхъ ногъ поблѣднѣвшаго отъ неожиданности Аполлона.

И, Боже Великій, что это была за Додошка!..

Классная дѣвушка, прислуга, очевидно, давно не вытирала пыль во внутренности «сферы», и эта пыль толстымъ слоемъ облѣпила дѣвочку. Въ первую минуту не было видно ни зеленаго платья Додошки, ни ея черной головки, блестящей какъ вакса, ни ослѣпительно бѣлаго передника и пелерины. Все было сплошь покрыто отвратительнымъ густымъ сѣрымъ налетомъ пыли, облако которой закружилось по всему классу, какъ кружатся въ лѣтній вечеръ надъ болотомъ тучи комаровъ.



Додошка съ шумомъ вылетѣла изъ «сферы»...

— Апчхи!.. Апчхи!.. Апчхи!..—слышалось то здѣсь, то тамъ неумолкаемое чиханіе дѣвочекъ отъ немилосердно залѣзавшей въ ротъ и въ носъ пыли.

— Ха-ха-ха-ха-ха!..—вторилъ ему взрывъ хохота молодыхъ, звучныхъ голосовъ.

Сама Додошка чихала безъ передышки. Чихая поднялась она съ полу, чихая отвѣсила реверансъ оторопѣвшему учителю, который изъ опасенія расчихаться отъ цѣлаго потока пыли, струившагося прямо въ его греческій носъ, усиленно покачивалъ справа налѣво свою классическую голову греческаго бога.

Наконецъ пыль поулеглась немного, кто то догадался закрыть «сферу», и Аполлонъ Бельведерскій обрѣлъ возможность снова говорить.

— Госпожа Даурская, то есть... вотъ именно... не хорошо-съ... Мнѣ сказали, что вы въ лазаретѣ... а вы... то есть, почему же вы это туда-съ?.. Благоволите объясниться... если возможно,—обратился онъ къ злополучной Додошкѣ, краснорѣчивымъ жестомъ указывая на «сферу».

Послѣдняя, красная какъ ракъ, стояла истуканомъ и оторопѣло моргала длинными рѣсницами.

«Благоволить объяснить» было однако необходимо, и она уже открыла ротъ, но, увы!..—могла только промычать нѣчто малопонятное какъ для учителя, такъ и для всего класса, потому что, по обыкновенію, ротъ Додошки былъ занятъ цѣлымъ запасомъ леденцовъ.

— Садитесь, Богъ съ вами, госпожа Даурская...

Надѣюсь, на экзаменѣ вы постараетесь загладить свою вину передо мною,—нашелъ въ себѣ силы улыбнуться учитель.—А теперь, дѣвицы, я хочу вамъ сказать на прощанье, что, разлетѣвшись по всему свѣту, подобно стаѣ вольныхъ пташекъ, вы унесете съ собою тотъ священный огонь познаній, который зажгли въ васъ въ этихъ благотворныхъ стѣнахъ... и... и... апчхи!..—вдругъ неожиданно чихнулъ математикъ и, бросивъ взглядъ отчаянія сначала на злополучную «сферу», потомъ на не менѣе злополучную Додошку, стремительно поклонился, приложилъ къ носу платокъ и быстрѣе молніи исчезъ за порогомъ.

ГЛАВА IX.

Еще прощанье.—Рыжебородый Торъ.—Тайна Моры Масальской.—Подъ покровомъ апрѣльской ночи.—Вѣстникъ горя.

ПРОЗВЕНѢЛЪ звонокъ. Классная дѣвушка съ грохотомъ захлопнула форточку. Почти одновременно съ шумно вбѣжавшею изъ коридора толпою воспитанницъ сюда вошелъ, вѣрнѣе вбѣжалъ, нервной, развинченной походкой, человѣкъ въ вицъ-мундирѣ, съ огненно-рыжей растительностью на головѣ, съ очками на носу,—историкъ Стурло или «Рыжебородый Торъ», по прозвищу неумолимыхъ институтокъ.

Гроза лѣнтяекъ и долбежекъ одновременно, Николай Петровичъ Стурло требовалъ сознательнаго и честнаго отношенія къ своему предмету, который онъ любилъ всей душой.

— Задалбливаніемъ и зубрежкой вы меня не надуете,—говорилъ онъ часто самымъ лучшимъ ученицамъ класса,—вы мнѣ выводы-съ подавайте-съ...

Причину и слѣдствіе того-съ или другого-съ факта... Чтобы я зналъ, что у васъ въ головѣ мозги-съ, а не труха-съ сѣнная...

Онъ былъ нервенъ, золъ, взыскателенъ, но справедливъ, и хотя его боялись, но любили почти всѣ его многочисленныя ученицы.

Сегодня, на послѣднемъ урокѣ Стурло, всѣ сидѣли, какъ на иголкахъ. «Скажетъ или не скажетъ прощальную рѣчь?»—мелькало въ каждой юной головкѣ.

Обожательница Стурло — Малявка — приготовила своему кумиру мѣлокъ въ великолѣпномъ нарядѣ изъ тюлевой бумаги съ ослѣпительно розовымъ бантомъ изъ атласныхъ лентъ. Мѣлокъ въ видѣ кукольной балерины лежалъ на самомъ видномъ мѣстѣ у чернильницы.

Когда Стурло понадобилось написать программу по хронологіи, онъ схватилъ мѣлокъ, подошелъ къ доскѣ и тотчасъ же, брезгливо гримасничая, отшвырнулъ отъ себя нарядную «штучку».

— Чортъ знаетъ, что такое!.. Писать нельзя!.. Дайте мнѣ что-либо попроще, дѣвицы,—морщась бормоталъ онъ, въ то время какъ багровая отъ смущенія Малявка дѣлала надъ собой самыя страшныя усилія, чтобы не расплакаться навзрыдъ отъ обиды.

Но Стурло было не до обиженной дѣвочки. Грубо сорвавъ всякія украшенія съ мѣлка, онъ схватилъ его своими нервными пальцами, облоснилъ немного о край доски и быстро сталъ писать программу

«Не будетъ рѣчи...—разочарованно вздыхали дѣвочки, — рѣчи не будетъ... Вотъ вамъ и историкъ!.. Вотъ вамъ и «Рыжебородый Торъ»!..»

Но на этотъ разъ онѣ ошиблись. За пять минутъ до звонка Стурло дописалъ послѣднюю строчку и, живо обернувшись къ классу, безъ всякой подготовки, ясно и просто началъ свою рѣчь:

— Ну, вотъ и конецъ. Черезъ два мѣсяца вы уйдете отсюда, разлетитесь вправо и влѣво и понесете съ собою тотъ, надо признаться, довольно скудный багажъ познаній, который вамъ удалось «нахватать» здѣсь. Грузъ, какъ вы сами понимаете, не великій, и не знаю, какъ справятся съ нимъ тѣ, которымъ придется учить ребятъ. Въ крайнемъ случаѣ пусть обратятся ко мнѣ. Я укажу источники, которые помогутъ оріентироваться хоть немного будущимъ преподавательницамъ и гувернанкамъ. Ну, чего же вамъ пожелать на прощанье?.. Выходите-ка вы поскорѣе ьсѣ замужъ... Мужу щи сготовить да носки починить—дѣло не мудрое, и справитесь вы съ нимъ отлично. А пока до свиданія. Мое дѣло кончено. На экзаменѣ встрѣтимся и предупреждаю: лютъ буду, коли хронологіи знать не будете... А теперь счастливо вамъ оставаться...

И такъ же стремительно, какъ и появился, Стурло исчезъ изъ класса.

— Грубый матеріалистъ!.. Щи варить! Носки штопать!.. И я его любила!.. Я его лю-би-лааа!.. —рыдала

навзрыдъ на плечѣ сестры Кати Пантаровой разогорченная Малявка.

— Милая... такое разочарованіе!.. Кумиръ, божество, и вдругъ... щи, носки!.. Бррръ!..—и хорошенькая Макарова сочувственно поцѣловала разогорченную дѣвочку.

— Что же, по твоему лучше, чтобы твой мужъ безъ носковъ ходилъ?—послышался насмѣшливый голосокъ Лиды Воронской съ послѣдней парты.

— Воронская, вы проза. Вы сѣрыя будни. Вы «самообыкновеніе»...—забывая свои слезы и горе, вспыхнула Малявка.—Гадость какая—про носки говорить!..

— Неправда, Пантарова... Лида не проза, она—поэтесса... Это вы всѣ изъ зависти напускаетесь на Лиду,—вступилась за свою любимицу обычно кроткая Черкешенка и, заливаясь яркимъ, счастливымъ румянцемъ, съ нервной поспѣшностью провела по волосамъ.

— Чудицкій идетъ!..—послышался вслѣдъ затѣмъ ея сдержанный шопотъ.

— Владиміръ Михайловичъ идетъ...—подтвердила Мѣдникова.

Едва успѣли дѣвочки занять свои мѣста, какъ въ классъ вошелъ «предметъ и пассія» чуть ли не цѣлаго института, учитель русской словесности, Владиміръ Михайловичъ Чудицкій, прекраснѣйшій и гуманнѣйшій изъ людей.

Про Чудицкаго Зина Бухарина—художница, прекрасно рисовавшая,—говорила:

— Одѣть бы его, душки, въ боярскій кафтанъ и соболью шапку, вотъ-то былъ бы красавецъ!..

И дѣйствительно, высокая, статная фигура «словесника», его чисто русское, красивое, дышащее свѣжестью лицо, его волнистые, вьющіеся волосы, его изящная походка и деликатные жесты, наконецъ пріятно вибрирующій голосъ, невольно привлекали къ себѣ. Но не одной внѣшностью и голосомъ царилъ Чудицкій надъ юными сердцами. Онъ сумѣлъ чуткой душой глубокаго психолога и разгадчика дѣтскихъ душъ понять своихъ юныхъ ученицъ. Самъ еще молодой и непосредственный, не успѣвшій въ силу своей молодости познакомиться съ преподавательской чиновной рутиной, онъ относился къ своей аудиторіи нѣсколько иначе, нежели другіе учителя. Съ воспитанницами, съ перваго же года своего поступленія въ четвертый классъ, онъ держался, какъ равный. Онъ видѣлъ въ нихъ взрослыхъ дѣвушекъ, каждую съ ея индивидуальностью, съ ея характерной чертою, и умѣлъ, не затрагивая самолюбія ребенка-дѣвушки, руководить ими. Къ тому же онъ обладалъ рѣдкимъ качествомъ, столь цѣннымъ въ преподавателѣ: онъ умѣлъ читать съ захватывающимъ интересомъ. Его декламація—образная, артистически прекрасная—захватывала юныхъ слушательницъ. И классъ чтенія прозы и стиховъ считался самымъ интереснымъ на сѣромъ фонѣ будничной институтской жизни.

Въ свой послѣдній урокъ Чудицкій обѣщалъ принести Лермонтовскую поэму «Демонъ» и прочесть ее классу.

Немудрено, что его появленіе было встрѣчено съ бурнымъ восторгомъ.

— Въ послѣдній разъ мы видимъ васъ, въ послѣдній разъ!.. Прощайте, Владиміръ Михайловичъ!—произнесла Дебицкая, и каріе, блестящіе глазки дѣвочки сверкнули слезами.

— Еще на экзаменѣ увидимся,—съ ласковой улыбкой поправилъ учитель.

— Ахъ, это не то!—кокетливо поводя глазами, проговорила Бухарина, незамѣтно поправляя локончикъ на своей кудрявой головѣ.

— Да, да! не то, не то!—подхватила Мора Масальская, самая ярая изъ обожательницъ «словесника».

— Прощайте теперь, Владиміръ Михайловичъ, милый Владиміръ Михайловичъ!—неожиданно выкрикнула восторженная хохлушка и тутъ же отъ черезмѣрнаго смущенія юркнула подъ доску своего тируара головой.

Чудицкій сдержанно улыбнулся. Потомъ привсталъ на каѳедрѣ, своими бѣлыми, холеными руками оперся о ея края и началъ:

— Я не хочу вамъ говорить «прощайте», mesdames, я хочу вамъ сказать «до свиданія», ибо, какъ говорится, гора съ горой не сходится, человѣкъ съ человѣкомъ всегда встрѣтиться можетъ. Авось и я, вашъ ворчунъ-

учитель, когда-нибудь съ вами встрѣчусь. Во всякомъ случаѣ, прошу не поминать лихомъ, если кого обидѣлъ ненарокомъ. Это было невольно. И на прощанье смѣю напомнить вамъ: продолжайте развивать свой умъ хорошимъ чтеніемъ, читайте старые хорошіе образцы. Не забывайте Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Толстого, Гончарова, Тургенева. Помните нашихъ несравненныхъ классиковъ, слѣдите за новѣйшими теченіями литературы и поэзіи, анализируйте, проводите параллель съ прежними классическими твореніями, сравнивайте,—это развиваетъ. А теперь, напослѣдокъ, хочу еще разъ прочесть вамъ нашего безсмертнаго любимца съ тѣмъ, чтобы запечатлѣть высокой памятью о геніи Лермонтова нашъ послѣдній урокъ.

Чудицкій кончилъ и раскрылъ изящно переплетенный томикъ Лермонтовскихъ поэмъ. Послышалось сдержанное покашливаніе, сморканіе, чье то чуть слышное всхлипываніе на «Камчаткѣ», то есть на послѣдней скамейкѣ.

И все смолкло, затихло сразу. Точно сказочный весенній сонъ пронесся по классу и заколдовалъ, зачаровалъ сорокъ юныхъ головокъ, легкой дымкой грезы обвѣялъ юныя сердца и рѣялъ голубой крылатой птицей по неуклюжей, казеннаго типа, классной комнатѣ... И рѣялъ, и вѣялъ ароматами кавказскихъ цвѣтущихъ долинъ, и прохладою горныхъ ущелій, и мощью высокихъ великановъ-горъ. Встали мрачныя твердыни гор-

ныхъ великановъ... Повѣялъ дымокъ изъ ущелій... Аулы закипѣли жизнью... Черноокія кавказскія дѣвы шли съ кувшинами за водой къ горнымъ родникамъ...

Когда красиво вибрирующій голосъ чтеца передавалъ эти чудныя лермонтовскія картины, всѣ замирали отъ восторга, и только когда явилась Тамара съ ея очами, ночными безднами, съ черными до пятъ косами, всѣ глаза обратились къ Еленѣ Гордской.

— Совсѣмъ Черкешенка!.. Совсѣмъ она!..—слышался сдержанный шопотъ восторженныхъ голосовъ.

И красавица Черкешенка рдѣла, какъ роза.

Но вотъ полились кипучимъ потокомъ страшныя, какъ смерть, и прекрасныя, какъ юность, клятвы Демона:

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ...
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ...

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Бурный вздохъ вырвался изъ чьей то груди. Всѣ невольно обернулись.

На послѣдней скамейкѣ стояла во весь ростъ блѣденькая Рантъ съ пылающими щеками, со взоромъ мечтательнымъ и счастливымъ, простирая руки впередъ къ окну, куда золотымъ потокомъ врывалось золотое солнце, и говорила въ экстазѣ:

— Да, да, я скоро умру... Но я хочу теперь уме-

реть... Да, да, хочу!.. Сейчасъ, сегодня!... Потому что онѣ всѣ,—она обвела глазами классъ,—и вы, Владиміръ Михайловичъ, и эти божественные стихи, и этотъ «Демонъ», геній Лермонтова, и утро нашей весны, такое свѣтлое и все это не повторится никогда... никогда... никогда...

И нервная дѣвочка истерически разрыдалась навзрыдъ...

. . . . . .

Цѣлый день выпускныя ходили какъ зачарованныя. Не хотѣлось говорить ни о чемъ пустомъ и сѣромъ. Чарующая музыка Лермонтовскаго стиха еще звенѣла въ воздухѣ, какъ незримыя струны Эоловой арфы.

Лида Воронская не отходила отъ доски и изъ-подъ нервныхъ пальцевъ дѣвочки лились цѣлымъ каскадомъ новые стихи, слагались цѣлыя поэмы.

Это острое настроеніе, эти чары молодости, весны и красоты не разсѣялись и тогда, когда маленькій, черноволосый Розенвергъ, преподаватель физики, прозванный почему то «протоплазмой», появился неожиданно на порогѣ класса.

— Рѣчь, господинъ Розенвергъ, рѣчь!—послышались сдержанно обращенные къ физиканту голоса.

— Еще что выдумали!.. Ужъ молчите лучше, а то, какъ Богъ святъ, на «актовомъ» единицъ насѣю, что твоей пшеницы,—разсердился строптивый учитель.—Что я вамъ за ораторъ выискался!.. Небось госпожа Рантъ

причины грозы не знаетъ и элемента Бунзена отъ Грове не отличитъ. Отличная дѣвица! Пожалуйте на поправку. А то въ среднемъ шестерку выведу... Срамъ!.

— Мнѣ Бунзена и Грове отличать не надо, господинъ Розенвергъ. Я умру, да, я умру, я хочу умереть молодою,—мечтательно произнесла Мила Рантъ, еще не успѣвшая остыть отъ своего лирическаго экстаза, навѣяннаго на нее недавнимъ чтеніемъ Лермонтовскихъ стиховъ.

— Да, да, она умретъ молодою,—подхватила со своей скамьи восторженная хохлушка Мара.

— Батюшки!.. Да онѣ спятили напослѣдокъ!..—неожиданнымъ фальцетомъ выкрикнулъ Розенбергъ.— Господи помилуй!.. Да у васъ тутъ-то все въ порядкѣ ли, отличнѣйшія дѣвицы?..

И онъ повертѣлъ указательнымъ пальцемъ вокругъ своего лысаго лба, а черезъ минуту энергично выкрикивалъ, уже стоя у доски и размахивая руками:

— Госпожа Рантъ, не угодно ли разсказать мнѣ происхожденіе кислорода...

Кислородъ послѣ Демона!.. Горящія двумя рѣзкими пятнами румянца щеки Рантъ запылали еще ярче. «О, этотъ кислородъ, противный кислородъ!..»—почти съ ненавистью подумала дѣвочка, призывая всю свою память на помощь...

Кончился угрюмый урокъ не менѣе его угрюмой «протоплазмы». Кончился послѣдній урокъ стараго, ми-

лаго, добраго француза Ратье, котораго дѣвочки боготворили дружно всѣмъ классомъ, что не мѣшало имъ, впрочемъ, прозвать своего любимца «римскимъ папой» за особаго рода головной уборъ, который имѣлъ нѣчто общее съ папской митрой и съ которымъ почтенный французъ не разставался ни зимой, ни лѣтомъ.

Старикъ Ратье сказалъ глубокую прочувствованную рѣчь, въ которой называлъ выпускныхъ своими милыми маленькими дѣвочками. Отъ этой рѣчи повѣяло той, чисто отеческою, теплотой, которую такъ чутко умѣли цѣнить всѣ эти милыя, наивныя и впечатлительныя дѣвочки.

Во время рѣчи плакали навзрыдъ, всхлипывали и сморкались. Платки не исчезали изъ рукъ, вѣки вспухли, предательски краснѣли кончики носовъ.

Экзальтированная Рантъ не утерпѣла, вскочила со скамьи и бросилась пожимать руку тоже, въ свою очередь, прослезившагося старика-учителя.

Хохлушка рыдала навзрыдъ. Черкешенка тоскливо поводила вокругъ своими черными, какъ взглядъ раненой лани, тоскующими глазами.

Лида Воронская кусала губы, а Сима Эльская терла себѣ глаза, увѣряя свою сосѣдку, что ей подъ вѣко попала «чортова соринка».

Звонокъ къ обѣду прервалъ чувствительную минуту прощанія. Старикъ Ратье еще разъ дрожащимъ голосомъ произнесъ негромко:

— A bientot, mes enfants! *)—и стремительно исчезъ за дверью.

Доброму старому французу было дѣйствительно жаль дѣвочекъ, которыхъ онъ принялъ на свое попеченіе чуть ли ни крошечными «седьмушками» и теперь сдавалъ на руки родителей, выпуская въ большой, порой безчувственный, порой жестокій и холодный, міръ.

— Вотъ и послѣдній урокъ!—произнесла Бухарина. — Теперь уже мы на половину свободны. Одной ногой на волѣ.

— Уррра!—крикнула было Додошка и высоко подбросила учебникъ французской литературы надъ головой.

Но никто не подхватилъ этого «ура», никто не поддержалъ дѣвочку. Новое, свѣтлое, немного грустное настроеніе захватило выпускныхъ. Что то ждетъ ихъ впереди? Будетъ ли имъ такъ хорошо и свѣтло на пресловутой волѣ, которая тянется къ нимъ давно желаннымъ, манящимъ призракомъ изъ-за сѣрыхъ, хорошо знакомыхъ институтскихъ стѣнъ?..

Обѣдали подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ печально счастливаго, приподнятаго настроенія. Переживалось чтеніе «Демона», рѣчь француза, послѣднія напутствія учителей. Ѣли мало и неохотно; говорили нехотя, слегка.

Одна Додошка, воспользовавшись моментомъ, проглотила три порціи баранины, заѣла ихъ молочнымъ киселемъ и чувствовала себя прекрасно, спокойно.

*) До скораго свиданія, мои дѣти!

Ждали ночи, когда послѣ вечерняго чая можно было подняться въ дортуаръ, сбросить камлотовые «мундиры», облечься въ собственныя шали и юбки, зажечь собственныя свѣчи въ подсвѣчникахъ и, собравшись въ группы у кого нибудь изъ подругъ, вдоволь намечтаться вслухъ о предстоящемъ, поговорить о прошломъ, недавнемъ прошломъ, уже ушедшемъ и канувшемъ въ Лету забвенія навсегда, навсегда.

И вотъ насталъ желанный часъ, желанное время.

Хорошенькая Мѣдникова, отдежуривъ у старшихъ, отправилась во-свояси укладывать своихъ «пятушекъ», съ которыми справлялась въ ея отсутствіе старшая пепиньерка—«старая дѣва», какъ называли воспитанницъ двухъ старшихъ спеціальныхъ педагогическихъ классовъ ихъ младшія однокашницы.

Выпускныя остались однѣ.

— Mesdam'очки, я васъ приглашаю сегодня къ себѣ въ мою «группу»,—послышался контральтовый голосъ Зины Бухариной, и не прошло и пяти минутъ, какъ группа Зины собралась на ея постели.

Зину Бухарину любили въ классѣ. Эта смуглая, развитая не по лѣтамъ, оригинальнаго типа молодая дѣвушка, несмотря на свою юность (ей было не больше шестнадцати), казалась по жизненному опыту старше подругъ.

Странно сложилась жизнь Зины. Она родилась

въ цвѣтущей Палестинѣ, гдѣ отецъ ея имѣлъ мѣсто консула. Роскошь, богатство, тонкая лесть и баловство окружали чуть ли ни съ колыбели дѣвочку. Двѣнадцати лѣтъ она танцовала на балахъ въ длинномъ платьѣ со шлейфомъ, съ вѣнкомъ на кудрявой, какъ у негра, головкѣ. А когда ей минуло пятнадцать лѣтъ, отецъ ея умеръ скоропостижно, и ей съ матерью пришлось существовать на сравнительно скромную вдовью пенсію. Изъ роскошныхъ консульскихъ палатъ, вліяніемъ капризницы - судьбы, дѣвочку перенесло прямо въ сѣрыя стѣны института. Любовь къ роскоши, къ тонкой лести и къ восхищенію своей красотой остались въ Зинѣ. Она была кокетлива, любила украшать себя ленточками, бантиками, любила мечтать о прошломъ, и будущее казалось ей полнымъ неожиданностей и сказочной красоты. Она прекрасно писала масляными красками, сепіей и пастелью, и карьера художницы издали свѣтила Зинѣ путеводной звѣздой. Хорошенькая «креолка» уже видѣла въ мечтахъ своихъ будущіе лавры, шумный успѣхъ, толпу поклонниковъ и прежнюю, далеко не забытую, роскошь обстановки, которою она пользовалась въ золотые дни дѣтства. Зина своей опытностью дѣйствовала на подругъ. Она изъѣздила полміра, бывала по многимъ «заграницамъ» и умѣла разсказывать обо всемъ видѣнномъ увлекательно и горячо. Къ тому же на нее, какъ и на Лиду Воронскую, возлагались большія надежды. Она, какъ будущая

художница, должна была поддержать честь своего выпуска успѣхомъ ея будущихъ работъ.

Къ этой то Зинѣ Бухариной и собралась сегодня ея «группа».

— Господи! Какъ подумаю, что черезъ два мѣсяца выпускъ, такъ даже въ жаръ бросаетъ!—прозвенѣлъ голосокъ Черкешенки, по привычкѣ то заплетающей, то расплетающей маленькими хрупкими пальчиками концы длинныхъ черныхъ косъ.

— Да... выпускъ... всѣ радостныя, счастливыя, въ бѣлыхъ платьяхъ... въ бѣлыхъ шляпахъ... какъ на праздникъ... А для многихъ и не праздникъ это вовсе, а долгая, мучительная, сѣрая, трудовая лямка,—послышался голосъ Карской, некрасивой дѣвочки въ очкахъ, съ изрытымъ оспою лицомъ и шершавыми руками.

— Ну, пошла, поѣхала наша святоша!—скрививъ въ гримасу свой маленькій ротикъ, сказала Малявка,—то есть удивительно даже, какъ отъ васъ, Карская, панихидой пахнетъ...

— Нѣтъ, панихидой пахнетъ отъ меня,—подхватила Рантъ, и ея шаловливые глазенки засіяли восторгомъ, въ то время, какъ блѣдный ротъ улыбался съ печальной и сладкой грустью,—панихиду по мнѣ служить будутъ... Вѣдь я «обреченная»... У насъ всѣ умерли рано: и мама, и бабушка, и Таля сестра, всѣ отъ чахотки. Не умерли даже, а растаяли точно, какъ

снѣгъ, какъ свѣчи. И я растаю. Увидите, mesdam'очки. Вскроется Нева, зацвѣтутъ липы, ландыши забѣлѣютъ въ лѣсу, соловей защелкаетъ ночью, а я буду сидѣть въ бѣломъ пеньюарѣ на балконѣ и слушать голоса ночи въ послѣдній разъ... въ послѣдній...

— Ночью какіе же голоса бываютъ?—подняла свой недоумѣвающій голосъ Додошка,—ночью только кошки пищатъ и дерутся!

— Нѣтъ, это Богъ знаетъ что такое! Ты нестерпима, Додошка! Тутъ ландыши и соловьи, а она—кошки! Я тебя прогоню изъ «группы», если ты будешь такой дурой,—разсердилась Креолка, сверкнувъ глазами на сконфуженную дѣвочку.

— Додошка, а ты что будешь дѣлать послѣ выпуска?—обратилась Воронская къ толстушкѣ.

— Я, дѣвочки, вы же знаете, ходить буду. Изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню. Ахъ, хорошо!.. Учить ребятъ не надо по крайней мѣрѣ—это разъ. На балы тоже выѣзжать не надо и корсетъ надѣвать—это два; моя тетка-фрейлина навѣрное меня по баламъ таскать пожелаетъ. И ѣсть можна тогда, какъ хочешь, а не въ завтракъ и обѣдъ только—это три... Ясно, какъ шоколадъ. Чудная жизнь!..

— А Вороненокъ съ Креолкой великими людьми станутъ: одна — писательница, поэтесса, другая — художница...Успѣхъ и лавры... Дивно! Хорошо!..—прозвучалъ восторженно голосъ Хохлушки.

— А я,—проговорила Елецкая-Лотосъ,—я, медамочки, совсѣмъ изъ міра уйду...

— Какъ, въ монастырь пострижешься?—произнесъ недоумѣвающій голосъ Малявки.

— О, нѣтъ! Я уйду въ другой міръ, куда есть впускъ только избраннымъ душамъ,—продолжала Елецкая, и русалочьи глаза ея приняли выраженіе таинственности.

— Ты хочешь умереть, какъ Рантъ? Да? Душка... ты обречена смерти?—широко раскрывая черные глаза и замирая отъ предвкушенія чего то необычайнаго, проговорила Черкешенка.

— Нѣтъ, не то... не то...

Ольга порывисто встала. Отъ этого быстраго движенія упали и разсыпались длинныя пряди ея волосъ, слабо закрученныя на затылкѣ. Она сбросила себѣ на грудь ихъ пышныя волны, отчего лицо ея, окруженное, точно рамой, живыми струйками черныхъ кудрей, стало еще значительнѣе и блѣднѣе.

— Я устрою себѣ комнату, большую, безъ оконъ и дверей, темную, темную, какъ ночь... И все завѣшу коврами... восточными...—глухо звучалъ низкій грудной голосъ Ольги,— а посреди поставлю курильницу на треножникѣ, какъ въ храмѣ Діаны на картинѣ, которую я видѣла въ журналѣ «Нива»... И голубоватый дымокъ будетъ куриться на треножникѣ день и ночь, день и ночь... И день и ночь я не буду выходить изъ

моей восточной комнаты... И будутъ тогда слетать ко мнѣ мои сны голубые, духи свѣтлые и могучіе, и Гарунъ-аль-Рашидъ, и Черный Принцъ, и святая Агнія,— всѣ будутъ слэтаться...

— Ха, ха, ха, ха!—прервалъ неожиданно экзальтированную и вдохновенную рѣчь дѣвушки раскатистый веселый смѣхъ Лиды.—Ха, ха, ха, ха!

Лотосъ точно проснулась, грубо разбуженная отъ сна. Съ минуту она смотрѣла на всѣхъ, ничего не понимая, потомъ до боли закусила губы и глухо проговорила:

— Удивительно безтактно! Право же, у тебя нѣтъ ничего святого, Воронская...

— Елочка, прости!.. Милая, прости!..—повалясь ничкомъ и колотя ногами о сосѣднюю постель, сквозь хохотъ говорила Воронская.—Какъ же духи то... духи... черезъ что они пролѣзутъ къ тебѣ?.. Ха, ха, ха, ха!..

— А въ потолкѣ будетъ дырка, ясно, какъ шоколадъ! Неужели же ты этого не понимаешь?—вставила свое слово Додошка.

— Боже, какъ вы глупы!—произнесла, поднимая глаза къ небу, Елецкая.—Но вѣдь духи безтѣлесны, они могутъ пройти даже сквозь иголье ушко... И я не понимаю, чему тутъ смѣяться...—обидчиво заключила она, пожимая плечами.

— Прости, Елочка, но неужели ты еще вѣришь въ Чернаго Принца и прочую чепуху?—произнесла опять Лида.

— Воронская, молчите, а то я не ручаюсь за себя... Я наговорю вамъ дерзостей, Воронская... А между тѣмъ я такъ обязана вамъ...—прошептала Елецкая и закрыла лицо руками.

— «Нѣтъ, она неисправима», пронеслось въ мысляхъ Лиды, и она съ сожалѣніемъ взглянула на подругу.

— Перестаньте спорить, медамочки, — послышался веселый голосъ Хохлушки, — напослѣдокъ мирно жить надо, чтобы въ памяти остались хорошіе дни, хорошія воспоминанія... Вѣдь разлучимся скоро. Однѣ на сѣверъ, другія на югъ, или на западъ, какъ сказалъ Аполлонъ Бельведерскій, разлетимся, точно птицы...

— А ты, Маруся, улетишь въ Хохландію свою?

— Въ Хохландію, дѣвочки! Ахъ, и хорошо тамъ, милыя! Когда бы вы знали только! Солнышко жарко грѣетъ, вишневые садочки наливаются, мазанки бѣлыя, какъ невѣсты, а по вечерамъ на хуторѣ парубки гопакъ пляшутъ. То-то гарно, гарныя мои...

— А что ты тамъ, Маруся, дѣлать будешь?—заинтересовались дѣвочки, и глаза ихъ начинали разгораться понемногу; очевидно дѣвочки уже мысленно видѣли передъ собою пышныя, роскошныя картины дальнаго южнаго юга.

— А никому не скажете, дѣвочки, коли выдамъ вамъ тайну мою?—и глаза некрасивой, но свѣжей, здоровой и ясной, какъ весеннее утро, дѣвушки зажглись огонькомъ счастья.

— Не выдадимъ, Марочка, говори скорѣе,—зазвенѣли молодые звонкіе голоса.

— Я невѣста, дѣвочки... Ужъ давно моего Гриця невѣста... Насъ родители съ дѣтства сговорили... Хутора наши рядомъ, такъ мы ровно братъ съ сестрой, давно другъ друга знаемъ... Обручены ужъ съ годъ... А какъ выйду, такъ сразу послѣ выпуска и свадьба будетъ...

— Выпускъ!.. Свадьба!.. Съ годъ какъ обручены!.. Господи, какъ хорошо!..

— А ты любишь твоего жениха, Маруся? Марочка, милая, любишь?.. Скажи!—допрашивали дѣвочки, съ невольнымъ уваженіемъ поглядывая на свою совсѣмъ взрослую подругу-невѣсту, какой она имъ теперь казалась.

— Ахъ, вы, глупыя дѣвочки,—засмѣялась Мара,—конечно, люблю... Люблю его дорогого, какъ земля солнышко любитъ, какъ цвѣтокъ полевую росу... Портретъ его ношу который годъ на груди... Его нельзя не любить... Онъ честный, свѣтлый, хорошій...

— Покажи портретъ, Мара, покажи!—такъ и всколыхнулись дѣвочки.

Нимало не ломаясь, съ тою же широкой улыбкой, не сходящей все время съ ея румяныхъ губъ, Хохлушка вынула небольшой медальонъ изъ-за пазухи, раскрыла его, и передъ «группой» предстало изображеніе симпатичнаго, бѣлокураго юноши въ бѣлой вышитой рубахѣ, съ открытымъ добродушнымъ лицомъ.

— Это мой Гриць,—не безъ нѣкоторой гордости проговорила Мара, пряча свое сокровище снова на груди.

— Масальская, ты измѣнница! Четыре года подрядъ ты обожала Чудицкаго, а сама невѣстой была какого то Гриця! Очень это непорядочно, Масальская, съ твоей стороны,—шипѣла Малявка, злыми глазами впиваясь въ Мару.

— Не смѣй злиться, Малявка! Не хорошо! На сердитыхъ воду возятъ,—и худенькая рука Воронской легла на плечо маленькой дѣвушки.—Неужели же ты понять не можешь, что все наше обожанье, бѣготня за учителями—все это шутка, бездѣлье, глупость одна... Заперты мы здѣсь въ четырехъ стѣнахъ, ни свѣта Божьяго, ни звука до насъ не доходитъ, ну и понятно, каждый человѣкъ «съ воли» намъ кажется чудомъ совершенства. Чудицкій прекрасный человѣкъ, и я сама его очень уважаю и за чтеніе его, и за его гуманность съ нами, но это не значитъ, что я люблю его... Мара Масальская тоже. Не правда ли, Мара?—и обычно насмѣшливые глаза Лиды остановились съ ласковымъ вопросомъ на румяномъ лицѣ Масальской.

Та, не говоря ни слова, молча обняла ее.

— Воронская такъ говоритъ потому, что у нея тоже есть кто то. Она любитъ тоже,—замѣтила Малявка.

— Ты любишь, Воронская? Любишь?—приставала къ сѣроглазой дѣвочкѣ Рантъ.

— Люблю,—серьезно и кратко произнесла Лида, и улыбка освѣтила ея блѣдное лицо.

— Ага! вотъ видишь!.. Видишь!.. Я говорила!.. И какая скрытница!.. Какая «молчанка»!.. Отъ кого таится?! Отъ подругъ, отъ всей «группы»!—хорохорились дѣвочки.

Малявка суетилась и негодовала больше всѣхъ остальныхъ.

— Кого же ты любишь, Вороненокъ? Выкладывай по-товарищески! — снисходительно улыбнулась Креолка.

— Люблю,—проговорила дѣвочка, и насмѣшливый огонекъ ея глазъ ушелъ, скрылся куда то глубоко, глубоко,—люблю моего папу-солнышко, люблю маму Нелли, люблю сестру Нинушу, братьевъ, и... и... Симу Эльскую, хоть она и сердится на меня. А больше всѣхъ люблю мое солнышко, моего папу. Его люблю больше жизни, больше міра, больше всего!—заключила она пылко и прижала свои худенькія руки къ груди. Потомъ хрустнула длинными ломкими пальцами и вдругъ разсмѣялась счастливымъ, радостнымъ и задорнымъ смѣхомъ, а затѣмъ быстро-быстро заговорила:

— Господи!.. Какъ хорошо!.. Какъ хорошо жить!.. Любить, быть молодыми, смѣлыми, полными жизни!.. Такъ и хочется прыгать, кричать, вопить на весь міръ: скоро выпускъ! выпускъ! свобода!.. Плясать хочется, радоваться! Впереди вся жизнь, цѣлая жизнь! И сколько хорошаго можно сдѣлать за всю жизнь, сколько пользы

Лида носилась какъ вихрь въ бурной пляскѣ...

принести окружающимъ, друзья мои! Впередъ же, впередъ, туда, навстрѣчу пользѣ, радости, жизни!..

И, не будучи въ силахъ удержать кипучій потокъ восторга, Лида сорвалась съ постели Креолки, рванулась впередъ и, широко взмахнувъ неуклюжими рукавами своей ночной кофты, изъ-подъ которыхъ какъ то безпомощно высовывались тонкія, какъ палочки, руки, пошла кругомъ, быстро и мелко семеня ногами, передергивая тоненькими плечиками, играя потемнѣвшими, разгорѣвшимися глазами и напѣвая всѣмъ хорошо знакомый мотивъ популярной русской пѣсни.

Экстазъ Лиды передался другимъ. Звучное контральто Креолки, тоненькое, надломленное сопрано Рантъ и фальшивый, но неимовѣрно громкій басъ Додошки,— все это подхватило припѣвъ, и громкая пѣсня полетѣла подъ сводами высокой спальни, разростаясь и звеня надъ ней.

Лида теперь уже не приплясывала, а носилась какъ вихрь въ бурной пляскѣ. Ея стриженыя кудри бились о плечи, бились о разгорѣвшіяся щечки дѣвочки, объ ея высокій, покрытый колечками русыхъ завитковъ, лобъ. Она вся походила теперь на какого то веселаго, бойкаго плясуна-мальчишку, живая, быстрая и горячая, какъ огонь.

— Браво, Вороненокъ! Молодецъ! Душка! — слышались ободряющіе голоса ея подругъ, и эти возгласы, полные восторга и сочувствія, бурно отзывались на мо-

лодой плясуньѣ. Ей хотѣлось сдѣлать что то необычайное, изъ ряда вонъ выходящее, задорное, смѣлое, молодое.

Разгорѣвшимися глазами она обвела знакомыя, выбѣленныя известью, дортуарныя стѣны, возбужденныя лица своихъ юныхъ подругъ и, быстро вскочивъ на ближайшій ночной столикъ, завертѣлась на немъ волчкомъ въ новой бѣснующейся, огневой пляскѣ, неистово выбивая дробь высокими каблучками своихъ алыхъ, шитыхъ золотомъ, туфель.

— Будемъ смѣлы, какъ орлы, будемъ, какъ рыцари, честны!..—выкрикнула она звонко и, взмахнувъ, точно крыльями, полотенцемъ, которое она накинула на шею, со смѣхомъ ринулась внизъ, на чью то ближайшую постель. Потомъ вновь быстро вскочила на полъ и бросилась стрѣлой впередъ, вся охваченная тѣмъ же молодымъ, мальчишескимъ задоромъ. Бросилась и... разомъ замерла, остановилась на мѣстѣ съ широко раскрытыми глазами. Предчувствіе чего то жуткаго, какъ камень тяжелаго и неминуемаго, толкнулось ей въ грудь.

Передъ ней, какъ изъ подъ земли, выросла небольшая фигурка Симы Эльской.

Шалунья Волька была теперь взволнована, какъ никогда. Голубые глаза ея сверкали гнѣвомъ. Обычно розовыя щеки были бѣлы, какъ мѣлъ.

Что то словно толкнуло, словно ударило въ самое сердце Лиду. Ей показалось, что сейчасъ, сію минуту

должно случиться нѣчто ужасное, грозное, неумолимое, какъ судьба роковая, тѣмъ болѣе, что глаза Эльской смотрѣли на нее страннымъ, упорнымъ выраженіемъ нѣмого укора.

— Ну... ну...—поднявъ руки и словно защищаясь отъ незримаго удара, предназначеннаго для нея судьбой, прошептала Лида.

Волька тряхнула головой, потомъ сжала крѣпкіе маленькіе кулаки и, тряся ими передъ своимъ лицомъ и грудью, срывающимся, взволнованнымъ голосомъ крикнула на всю спальню:

— Вы тамъ, какъ васъ, одержимыя и обреченныя! Тише! Не бѣснуйтесь! Слушайте, что я скажу: фрейлейнъ Фюрстъ опасно больна... Серьезно... Своимъ подлымъ поступкомъ вы уморили ее...

И, махнувъ рукой, Сима бросилась на свою постель ничкомъ, головой въ подушку и заскрипѣла зубами.

ГЛАВА X.

Драма начинается.—Ея «женихъ».—Маленькій херувимъ и нечистая совѣсть.

«ФРЕЙЛЕЙНЪ Фюрстъ больна. Своимъ подлымъ поступкомъ вы ее уморили»...

Эта фраза раскаленнымъ гвоздемъ впилась въ мозгъ стриженой дѣвочки съ не въ мѣру вспыльчивымъ сердцемъ и открытой благородной душой.

«Фрейлейнъ Фюрстъ больна—вы ее уморили»...—кровавыми буквами стояло передъ глазами, неумолкаемымъ звономъ звенѣло въ ушахъ. И куда бы ни пошла Лида, всюду сопутствовала ей эта мучительная, грозная, какъ призракъ, фраза.

«Вы ее уморили»... «И она умретъ» досказывало пылкое и необузданное воображеніе дѣвочки.

Уроки кончились, къ экзаменаціоннымъ занятіямъ, въ виду предстоящаго говѣнія и праздника Пасхи, еще не приступали. А для праздной, освобожденной отъ обычной лихорадки школьной дѣятельности, дѣвочки эта вѣчная

мысль о больной, гдѣ то, невѣдомо гдѣ, борющейся съ упорнымъ недугомъ, «шпіонкѣ» была невыносима.

«Хоть бы домой на три дня съѣздить и то хлѣбъ», тоскливо слоняясь по опустѣвшимъ коридорамъ (весь институтъ почти разъѣхался на пасхальныя вакаціи, за исключеніемъ старшихъ, которыхъ не отпускали) и съ замираніемъ сердца прислушиваясь къ голосу совѣсти, мечтала Лида.

Но—увы!—это было немыслимо. Шлиссельбургъ, гдѣ служилъ инженеромъ Алексѣй Александровичъ Воронскій, въ дни весенней распутицы былъ отрѣзанъ отъ всего міра. Нева едва вскрылась, и куски льда плыли по ея поверхности со стремительной быстротою. Объ открытіи навигаціи нечего было и думать, а санный или колесный путь былъ уже окончательно невозможенъ, когда отъ тающаго снѣга образовалась на аршинъ жидкая и липкая, какъ мѣсиво, грязь.

Изъ дома прислали пасхальную посылку Лидѣ, поздравленіе съ предстоящимъ праздникомъ и обѣщаніе пріѣхать къ дѣвочкѣ, какъ только установится рѣка. А пока... Это «пока» терзало и томило Лиду, считавшую себя виновницей несчастья, происшедшаго съ Фюрстъ.

Впрочемъ, не одна Воронская томилась отъ голоса совѣсти, заговаривавшаго въ ней. Весь выпускной классъ чувствовалъ себя не легче Лиды.

— Надо было не допускать этого... Надо было не до-

пускать,—звучало унылымъ откликомъ въ душѣ каждой изъ выпускныхъ.

Одна только Сима-Волька ходила съ гордо поднятой головой, со взоромъ смѣлымъ и яснымъ, и ея молчаливое торжество еще болѣе угнетало дѣвочекъ.

— Медамочки, что за живодерки наши выпускныя, —говорили «вторыя», издавна ведущія съ выпускными войну «Гвельфовъ и Гибелиновъ» за первенствующее мѣсто.—Одну «синявку»—Генъ въ чахотку вогнали, до санаторіи довели, теперь Фюрстшу взяли изморомъ. И все изъ-за Воронской! Каждое слово ея—законъ. Воронская у нихъ «командиръ» какой то!—и «вторыя» ехидно улыбались, встрѣчая «первыхъ» и освѣдомляясь съ утонченной язвительностью о здоровьѣ уважаемой фрейлейнъ Фюрстъ.

«Первыя» нервничали отъ этого еще больше, и тоскливая дума угрюмой тучей повисла надъ классомъ выпускныхъ.

Къ исповѣди, назначенной въ страстную пятницу, по обыкновенію готовились вяло, въ церкви стояли разсѣянно, пѣли на клиросѣ плохо, о выпускѣ говорили меньше. Словомъ, всѣхъ угнетала тоска.

Впрочемъ, Додошку она не угнетала. Додошка, въ силу ли непосредственности своей натуры, въ силу ли молодости (ей едва минуло шестнадцать лѣтъ), не задумывалась подолгу на гнетущихъ, печальныхъ вопросахъ. Въ ея душѣ было, по выраженію Воронской, все гладко, какъ стекло.

Додошка любила вкусно покушать, любила дѣткія книжки съ хорошимъ концомъ, гдѣ никто не умираетъ, любила романы, гдѣ фигурировала свадьба, а еще лучше—двѣ сразу или три. Спиритизмомъ и сеансами Додошка увлекалась потому, что это было модно. А Додошка любила дѣлать то, что дѣлали другія, — иными словами, на языкѣ институтокъ, «съобезьянничать съ другихъ».

Теперь новая забота, новая мысль забрела въ голову Додошки. Дѣвочка слышала признаніе хохлушки о томъ, что у нея есть женихъ, и маленькая «обезьянка» захотѣла удивить классъ точно такъ же, какъ и Мара. Чѣмъ она—Додошка хуже Мары и почему у нея не можетъ быть тоже жениха?

Женихъ! Это такъ хорошо звучитъ, такъ гордо, такъ вѣско! У малышей-дѣвчонокъ не можетъ быть женіховъ. Они только у взрослыхъ барышень. А быть какъ можно скорѣе взрослой барышней—о!—это была тайная и завѣтная мечта Додошки.

— «И вотъ удивятся то наши, если имъ сказать, что я тоже, какъ и Мара, выхожу замужъ, что я невѣста,—философствовала Додошка — чудо какъ хорошо... Но только у меня то ужъ женихъ не будетъ точно простой мужикъ въ бѣлой вышитой рубашкѣ. Нѣтъ! На немъ непремѣнно долженъ быть блестящій мундиръ лучшаго гвардейскаго полка, и усы, и шпоры; непремѣнно усы. Безусый женихъ—мальчикъ и ничего не стоитъ... Нѣтъ, непремѣнно надо шпоры и усы»...

И Додошка такъ увлеклась этой идеей, что уже видѣла себѣ невѣстой въ бѣломъ платьѣ съ тюлевымъ вуалемъ и вѣткой флеръ-д'оранжа въ волосахъ, а рядомъ—статнаго высокаго красавца съ усами à la Тарасъ Бульба, въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ.

Вечеромъ, послѣ того, какъ дежурившая m-lle Оттель, пожелавъ дѣвочкамъ спокойной ночи, «закатилась», въ свою комнату, исполнивъ трудовую задачу дня, Додошка дернула за одѣяло свою сосѣдку Воронскую и безъ всякихъ прелюдій объявила во весь голосъ:

— А у меня тоже есть женихъ. И я тоже выхожу замужъ...

— Отстань, Додошка!.. Я хочу спать... И что ты врешь!.. Какой у тебя женихъ!.. Можетъ быть, пряничный гусаръ изъ фруктовой лавки? — насмѣшливо отозвалась Лида, которую прервала ея неугомонная сосѣдка на печальныхъ, докучныхъ мысляхъ о больной Фюрстъ.

— У Додошки женихъ! Недурно!—разсмѣялась на своей постели Малявка,—смотри, не съѣшь его, Додикъ, не проглоти, какъ ты глотаешь леденцы.

— Не остроумно, совсѣмъ даже плоско,—разозлилась Даурская и уже хнычащимъ голосомъ добавила:

— Ей-Богу, честное слово, у меня есть женихъ... Ей-Богу, честное слово!.. Красивый, въ мундирѣ, со шпорами, усы въ струнку... Ей Богу... Честное слово!..

— Даурская, не пріемли имени Господа Бога твоего

всуе. Во время говѣнія грѣшно божиться и врать,— отозвалась Карская со своей кровати.

— Ну, ужъ ты молчи, священникъ въ юбкѣ,—чуть не плача отъ злости, огрызнулась Додошка. И тотчасъ же подхватила, снова волнуясь и горячась:

— И свинство, собственно говоря, это: разъ у Мары есть женихъ и у меня тоже быть можетъ. И я могу замужъ выйти... Ясно, какъ шоколадъ...

— Даурская, молчи!.. Ты врешь, и это тоже, какъ шоколадъ, ясно... А впрочемъ, завтра ты покажешь намъ карточку твоего жениха, а теперь дай спать... Не до болтовни сегодня...—и смуглая креолка положила руку подъ кудрявую голову, всѣми силами пытаясь заснуть.

Вскорѣ желанный сонъ обвѣялъ спальню.

Заснула тревожнымъ сномъ и Лида Воронская. Заснула и Додошка съ новой мыслью, какъ и откуда достать портретъ воображаемаго жениха.

. . . . . .

Было раннее утро. Солнце врывалось въ окна. Институтки, администрація, прислуга крѣпко спали каждый на своихъ мѣстахъ. Только въ полутемномъ нижнемъ коридорѣ, гдѣ помѣщалась квартира начальницы, селюли, перевязочная и лазаретъ, высокій, атлетическаго сложенія ламповщикъ Кузьма, или Густавъ Ваза, по прозвищу институтокъ, заправлялъ лампы. Съ грязной тряпкой въ рукахъ, въ грязномъ передникѣ, съ всклокоченною со сна шевелюрой, онъ имѣлъ видъ не то

морского пирата, не то бандита, не то просто-напросто грязнаго кухоннаго мужика.

Гоставъ Ваза усиленно теръ лампы суконкой и мурлыкалъ что то себѣ подъ носъ. Онъ былъ такъ увлеченъ своей работой, что не замѣтилъ, какъ толстенькая фигурка въ зеленомъ, кое-какъ застегнутомъ платьѣ, съ теплымъ платкомъ, укрывавшимъ ее съ головой, осторожно приблизилась къ нему и встала подлѣ.

Кузьма очнулся только тогда, когда полная дѣвочка тронула его за плечо и безсвязно проговорила:

— Густавъ Ваза, то-есть Кузьма... я хотѣла сказать, не пугайтесь, пожалуйста, я—Додошка... то-есть Даурская... вы меня знаете, Кузьма... Я—выпускная...

— Какъ же, какъ же, барышня, мы всѣхъ выпускныхъ лично знаемъ,—любезно осклабилъ свои желтые зубы Кузьма, которому изрядно перепадало на чай отъ старшихъ воспитанницъ, посылавшихъ его въ лавочку за мятными лепешками, леденцами и чайной колбасой.

— Ну, вотъ, видите...—снова смущенно залепетала Додошка, — ну, вотъ видите... Я рада, что вы знаете меня, Густавъ Ваза, Кузьма, то-есть... У меня къ вамъ просьба, Кузьма. Видите ли, я выхожу замужъ, то-есть, нѣтъ... не выхожу, а какъ будто выхожу... Это я подругамъ такъ говорю только, подшучиваю надъ ними... И, чтобы онѣ повѣрили моимъ словамъ, надо имъ показать портретъ моего жениха, то-есть не жениха, а какъ будто жениха, непремѣнно. И надо такой портретъ купить

въ фотографіи за пять копѣекъ. Больше у меня нѣтъ денегъ, — увы!.. — только гривенникъ остался. Вчера я цѣлый рубль проѣла. Пять себѣ, Кузьма, за услуги возьмите, а за пять портретъ купите... Ну же, хорошо?.. Кажется, ясно, какъ шоколадъ... Поняли меня?

И Додошка отъ сильнаго нетерпѣнія уже замѣтно начала горячиться.

— Только вы мнѣ офицера купите и непремѣнно въ шпорахъ и усахъ и въ военномъ мундирѣ,—волнуясь заключила она.

— Офицеровъ карточки за пятачокъ не продаются, мамзель Даурская,—уныло произнесъ Кузьма, покачавъ своей кудлатой головою.

— Неужели!? Вотъ жалость то! — чуть не плача всплеснула руками Додошка.—Какъ же быть то теперь, Кузьма?

— Да ужъ и не знаю, право,—снова тряхнулъ кудлатой головой ламповщикъ и, вдругъ, лукаво усмѣхнувшись, проговорилъ таинственно:

— Карточку то я вамъ обязательно представлю, мамзель Даурская, въ этомъ не сумлѣвайтесь... Я вамъ свою принесу...

— Какъ свою?—воскликнула, отскакивая, Додошка.

— Да вы и не узнаете, мамзель, и никто не узнаетъ, —успокоилъ ее Кузьма.—Я на карточкѣ молодой. Унтеромъ на ней какъ разъ снимался, въ новомъ съ иголочки мундирѣ, совсѣмъ во всемъ аккуратѣ. Шикъ что

ни на есть. Настоящій женихъ. Увидите сами, барышня, хоть сейчасъ подъ вѣнецъ...

— А что это унтеръ, Кузьма?—заинтересовалась Додошка.

— Это, мамзель Даурская, только вотъ-вотъ что не офицеръ, почти что прапорщикъ, либо фельдфебель... И почетъ ему отъ солдатъ, какъ старшему, значитъ. Почти что офицеръ, стало быть... И красавецъ я былъ тогда какой!.. Увидите, барышня, что моя карточка чудно за жениха сойдетъ... Никто не догадается. Подумаютъ всѣ, что и всамдѣлишный женихъ. Ей-Богу-съ!..

— Ахъ, какъ хорошо! Голубчикъ Кузьма, спасибо,— вся встрепенулась Додошка.—Давайте же вашу карточку... Поскорѣе давайте сюда!

— Не извольте сумлѣваться, барышня. Ея со мною нѣтъ-съ, а вы себѣ спокойно почивать до звонка ложитесь, а я пока портретъ то почищу; онъ мухами малость засиженъ; я вамъ его въ ящичекъ пюпитра класснаго и положу,—торопливо высказалъ Кузьма свою блестящую мысль.

— Ахъ, отлично!—восторгалась Додошка,—вы, Густавъ Ваза, то-есть Кузьма, дивный человѣкъ. И вотъ вамъ десять копѣекъ на чай, а это вашимъ дѣтямъ,— и, живо запустивъ руку въ карманъ, Додошка извлекла оттуда цѣлую кучку леденцовъ и высыпала ихъ въ черную, шершавую руку ламповщика.

— Ухъ! Гора съ плечъ!—облегченно вздохнула

Додошка и, тотчасъ же встрепенувшись, опасливо замѣтила шопотомъ:

— А вы, Кузьма, тамъ, на портретѣ то въ мундирѣ и съ усами? Навѣрное?

— Ужъ не извольте безпокоиться, барышня, въ самомъ что ни на есть аккуратѣ, а за угощеніе и милость вашу благодаримъ покорно,—успокоилъ ее ламповщикъ.

— Такъ въ ящикъ положите, Кузьма, куда леденцы кладете, на то же мѣсто... Вся надежда на васъ и на карточку съ мундиромъ,—снова оживленно проговорила Додошка и, шурша тяжелымъ камлотомъ платья, опрометью помчалась по лѣстницѣ въ верхній этажъ.

Здѣсь, не раздѣваясь, она бухнула на постель и до самаго звонка проспала сладко и крѣпко.

Наступившій день принесъ съ собой новый ворохъ впечатлѣній, будничныхъ и сѣрыхъ, острыхъ и глубокихъ, отражающихся какъ въ зеркалѣ на юныхъ лицахъ выпускныхъ.

Но всѣхъ значительнѣе, всѣхъ необыденнѣе было лицо Додошки. Торжествующее выраженіе не покидало ее.

— Боже! какъ ты глупо выглядишь сегодня!—не утерпѣла уязвить свою однокашницу Малявка, когда онѣ обѣ, послѣ утренней молитвы въ столовой, поднялись въ классъ.

— Пантарова, вы оскорбляете меня и за это должны передъ исповѣдью попросить прощенія,—невозмутимымъ

тономъ проговорила Додошка и затѣмъ, торжествующими глазами обведя весь классъ, положила руку на крышку своего тируара и произнесла съ тѣмъ же взоромъ тріумфаторши, сіяющимъ и счастливымъ:

— Сейчасъ я покажу вамъ моего жениха...

— Mesdames, идите смотрѣть Додошкинаго жениха!— зазвенѣлъ голосокъ Рантъ, и дѣвочки кинулись со всѣхъ ногъ къ пюпитру Даурской.

Послѣдняя, ради торжественности момента, выдержала подобающую моменту паузу и, зажмурившись предварительно на минуту, широкимъ жестомъ откинула крышку тируара.

— Ай!—пронзительно въ тотъ же мигъ взвизгнула Малявка и невольно попятилась назадъ.

— Вотъ такъ страшилище! Боже, откуда ты выкопала такого?—исполненными ужаснаго недоумѣнія звуками вырвалось изъ груди креолки.

— Да вѣдь это солдатъ! Ей-Богу, простой солдатъ!— заливалась смѣхомъ маленькая Макарова.

Додошку даже въ потъ бросило отъ этого смѣха. Она открыла глаза, взглянула и сама отскочила отъ портрета, обѣими руками отмахиваясь отъ него.

На грязной, выцвѣтшей отъ времени фотографіи стоялъ фертомъ, одной рукой подпершись, неуклюжій солдатъ въ уланскомъ мундирѣ съ широко и глупо вытаращенными глазами, съ огромными усищами, придававшими ему свирѣпый и идіотскій видъ. Къ довер-

шенію всего по всему лицу доблестнаго унтера шли черныя крапинки, происхожденіе которыхъ раньше всѣхъ поняла Додошка: ламповщикъ Кузьма не солгалъ— его изображеніе было изрядно засижено мухами.

— Стойте, mesdames!.. Онъ мнѣ напоминаетъ кого то...—и Валя Вергъ, схвативъ злополучную карточку брезгливо двумя пальчиками, старалась припомнить, гдѣ она видѣла это побѣдоносное лицо.

Зина Бухарина заглянула черезъ плечо Вали и такъ и прыснула со смѣху:

— Да вѣдь это ламповщикъ Кузьма!.. Его усы, его волосы... Только въ мундирѣ солдата... Неужели, Додошка, ты выходишь за ламповщика Кузьму?

— Ни за кого я не выхожу!.. Убирайтесь!.. А Кузьма дрянной обманщикъ... Обѣщалъ интересную карточку офицерскую, онъ... онъ... негодяй!.. А я... то... я то... ему и леденцовъ, и гривенникъ!.. Гадость, мерзость такъ обманывать людей!.. И отстаньте вы всѣ отъ меня, пожалуйста!.. Не понимаете развѣ, что мнѣ надъ вами подшутить хотѣлось... и... и...—тутъ Додошка, охваченная порывомъ злости, вырвала изъ рукъ Вали злосчастный портретъ и съ остервенѣніемъ разорвала его на мелкіе кусочки.

Ее оставили въ покоѣ, снизойдя къ ея угнетенному состоянію, но все же вплоть до самаго выпуска кличка «ламповщицы» такъ и осталась за ней.

. . . . . .

Уныло, по «постному» звучалъ колокольчикъ, призывающій въ церковь.

— «Первыя», исповѣдываться! Батюшка ждетъ!—заглянувъ въ классъ выпускныхъ, просюсюкала старая, кривая на одинъ бокъ, всѣмъ и всѣми всегда недовольная инспектриса.

— М-lle Ефросьева, простите насъ,—послышался голосъ изъ толпы дѣвочекъ и тотчасъ же зазвенѣли вслѣдъ за нимъ хоромъ другіе голоса:

— Да! Да! Простите насъ! Мы всѣ виноваты передъ вами!

— Ахъ, ты, Господи! Я то ее иначе какъ кочергой никогда и не называла...—шепнула старшая изъ сестричекъ Пантаровыхъ своей сосѣдкѣ Дебицкой.

— Господь Отецъ нашъ Небесный и я прощаемъ васъ, и впредь старайтесь быть благонравны,—просюсюкала снова, размягченная общимъ смиреніемъ, инспектриса.

Спѣшно выстроившись въ пары, дѣвочки стали подниматься по «церковной» (она же и парадная) лѣстницѣ въ третій этажъ.

Двери небольшого институтскаго храма были раскрыты настежъ. Суровыя лица святыхъ угодниковъ глядѣли съ иконостаса прямо навстрѣчу чинно входившимъ въ церковь исповѣдницамъ. Милостиво и кротко сіяли глаза Божіей Матери среди полутьмы, царившей въ храмѣ. А на правомъ клиросѣ стояли темныя ширмы,

и кто то невидимый, великій, милостивый и страшный, въ одно и то же время, присутствовалъ тамъ.

Лида Воронская прошла къ своему обычному мѣсту на лѣвомъ клиросѣ, въ свой «уголокъ», гдѣ находилась сѣверная дверь алтаря съ изображеніемъ на ней святителя Николая. Лида открыла молитвенникъ и опустилась на колѣни, въ ожиданіи своей очереди идти на исповѣдь. Но молиться она не могла. Не было въ душѣ дѣвочки того обычнаго спокойствія и мира, который посѣщалъ ее въ подобныя свѣтлыя и торжественныя минуты въ прошлые года.

Совѣсть, этотъ неумолимый ночной сторожъ съ его доскою, бросающій прямо въ сердце удары своего молотка, не отступалъ отъ нея ни на минуту.

«Какъ можешь ты предстать предъ Іисусомъ Невидимымъ, когда нѣтъ прощенія и мира въ душѣ твоей?»—выстукивали эти невидимые молотки въ сердцѣ Лиды.

— Нѣтъ прощенія и мира...—какъ эхо повторяла испуганно и горько душа Воронской,—нѣтъ мира, потому что я не испросила прощенія, не примирилась съ тою, которой причинила самое крупное зло... Да, да, не примирилась съ Фюрстъ, и нѣтъ поэтому покоя и радости въ душѣ моей... Но какъ же сдѣлать это? Теперь, когда обиженная нѣмка находится внѣ института, какъ сдѣлать это?..—тоскуя и волнуясь, пытливо спрашивала свое внутреннее «я» бѣдная дѣвочка.

Съ бьющимся сердцемъ, со смятенной душой Лида подняла глаза на образъ угодника Божія, умоляя объ отвѣтѣ на свой мучительный и скорбный вопросъ. Строгія очи Чудотворца, казалось, глядѣли ей прямо въ душу. Суровыя губы точно были сжаты съ укоромъ. Весь ликъ святителя словно предостерегалъ отъ грѣха.

Лида впивалась въ этотъ ликъ взглядомъ и твердила страстно и напряженно:

— Господи, помоги!.. Отче Никола, помоги!.. Испроси мнѣ прощеніе у Бога! Я грѣшница великая!.. Прости!.. Прости!.. Прости меня!..—и она замерла на минуту въ экстазѣ горячей вѣры.

Вдругъ алая краска разлилась по ея лицу.

— Знаю, что дѣлать, знаю... Надо сознать свою низость, свою вину... Надо раскаяться просто и чистосердечно...—неожиданно заговорила скорбная душа дѣвочки.—И я раскаюсь... Я сознаюсь... я... Надо пойти только туда, гдѣ она жила, мучилась и страдала... Надо пойти въ ея комнату, встать на колѣни и съ земнымъ поклономъ сказать въ этой пустой комнатѣ: «Фрейлейнъ Фюрстъ, голубушка, родная, мы виноваты... я виновата больше всѣхъ... Я злая, ничтожная, гадкая, но простите меня, ради Бога, простите меня, я каюсь, я сожалѣю, я такъ страдаю».

Мысль въ головѣ Лиды мчалась, быстрая, горячая, какъ огонь, и не менѣе ея быстрая и горячая, какъ огонь, дѣвочка уже готовилась выполнить эту мысль.

Неслышно поднялась съ колѣнъ Лида, оглянулась затуманенными глазами вокругъ.

Славу Богу! Еще есть время. За ширмочки исповѣдальни только что прошла Арбузина, вторая по алфавиту. До «В»—до нея, Воронской, еще далеко. «Успѣю!..—мысленно говорила себѣ взволнованная дѣвочка.—«Лишь бы только комната, «ея» комната, была открыта, только бы открыта была!.. Если открыта комната фрейлейнъ Фюрстъ, значитъ—мой поступокъ угоденъ Богу, если комната на ключѣ, то... то...»

И, съ пылающимъ лицомъ и холодными, какъ ледъ, руками, она выскользнула изъ церкви, промелькнула быстрой тѣнью въ коридоръ, а черезъ двѣ минуты уже стояла у порога комнаты фрейлейнъ Фюрстъ.

Робкая, дрожащая, худенькая рука Лиды коснулась дверной ручки. Сердце замерло на мигъ въ груди. Липкій потъ проступилъ на высокомъ лбу дѣвочки подъ густыми русыми кудрями. И почти тотчасъ же тихій ликующій возгласъ сорвался съ трепещущихъ губъ:

— Слава Богу!

Дверь оказалась открытой.

Съ тѣмъ же трепетаніемъ души и сердца дѣвочка вошла въ комнату, маленькую, чистенькую, съ убогой ситцевой мебелью и дешевенькой драпировкой, отдѣляющей одну половину крошечнаго помѣщенія отъ другой.

Смутное чувство стыда обожгло душу Лиды. Блѣдныя щеки дѣвочки залило румянцемъ.

— Бѣдная она, жалкая... И комнатка бѣдная, жалкая, и шпіонка, то-есть Фюрстъ, такая же... А мы то... а я то!.. Господи! Господи! Прости мнѣ!—невольно вслухъ прошептали ея губы, а смятенные взоры оглянули еще разъ убогую обстановку «лисьей норы».

Внезапно глаза дѣвочки остановились на кругломъ портретѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ и изображавшемъ молодую дѣвушку, некрасивую, худенькую, съ гладко зачесанными, «зализанными», по общепринятому у институтокъ выраженію, волосами, въ скромномъ черномъ платьицѣ и ослѣпительно бѣломъ воротничкѣ.

— Это она... фрейлейнъ Фюрстъ въ молодости...— мелькнуло въ головѣ Лиды, и съ усиленно забившимся сердцемъ она неожиданно для самой себя опустилась на колѣни передъ портретомъ, отвѣсила ему земной поклонъ и съ рыданіемъ въ голосѣ шепнула:

— Фрейлейнъ, милая, дорогая, простите меня!..

Тутъ натянутые нервы не выдержали, слезы брызнули изъ глазъ Воронской и глухое судорожное рыданіе огласило маленькую комнатку.

Лида повалилась головой на полъ. Слезы текли ручьями по ея раскраснѣвшемуся лицу. Судороги сжимали горло. Грудь, казалось, разрывалась отъ мучительной непосильной тоски.

Вдругъ легкое, какъ сонъ, прикосновеніе къ стриже-

ной головкѣ вернуло дѣвочку къ дѣйствительности. Она сдѣлала невѣроятное усиліе надъ собою, удержала рвавшіяся изъ груди ея слезы и, оторвавъ пылающее лицо отъ пола, подняла голову.

Легкій крикъ недоумѣнія сорвался съ губъ Лиды. Передъ ней стоялъ прелестный бѣлокурый мальчикъ лѣтъ восьми, съ лицомъ маленькаго херувима, съ длинными локонами, вьющимися по плечамъ. Голубые, чистые, но серьезные, пытливые, какъ у взрослаго, глазки, ангельское личико, худенькое и блѣдное до прозрачности, болѣе чѣмъ скромный, бѣдный, но чистенькій и тщательно заплатанный костюмчикъ, ветхіе, порыжѣвшіе отъ времени сапожки—все это бросалось невольно въ глаза и располагало въ пользу мальчика.

Появленіе этого маленькаго бѣлокураго херувимчика было столь непонятно и неожиданно для Лиды, что въ первую минуту она не могла произнести отъ изумленія ни слова.

А мальчикъ стоялъ передъ ней, спокойный и серьезный, какъ настоящій маленькій философъ. Видя, что большая дѣвочка смотритъ на него какъ на чудо, удивленно моргая своими покраснѣвшими отъ слезъ вѣками, мальчикъ придвинулся къ ней поближе и смѣло взглянулъ на неожиданную гостью.

— Я Карлуша,—проговорилъ онъ тономъ взрослаго, и огромные пытливые глаза его, сіявшіе двумя голубыми звѣздочками на не дѣтски серьезномъ лицѣ,

впились въ самые зрачки Лиды. — Я маленькій Карлуша,—проговорилъ онъ еще разъ,—и пришелъ вмѣстѣ съ мамой за вещами тети Минхенъ. Мама пошла къ чужой тетѣ, которую называютъ госпожей начальницей, а меня проводили сюда... Мама что то долго разговариваетъ съ чужой тетей... Я усталъ ее ждать и прилегъ на кровать тети Минхенъ... и заснулъ, а ты пришла, стала плакать и разбудила меня. Зачѣмъ ты плачешь, такая большая дѣвочка? Не хорошо плакать. Слезами вѣдь все равно горю не поможешь... Развѣ кто-нибудь обидѣлъ тебя?.. Но если и обидѣлъ, то все равно плакать не стоитъ...

— А ты никогда не плачешь, Карлуша?—едва придя въ себя отъ изумленія, утеревъ наскоро слезы и положивъ руку на головку маленькаго философа съ голубыми глазами, спросила Лида.

— О, нѣтъ! И я плачу, но только очень рѣдко. Вотъ когда тетя Минхенъ пришла къ намъ и заболѣла, тогда я горько плакалъ. Теперь ей лучше, тетѣ Минхенъ... А было очень плохо. Ее обидѣли, тетю Минхенъ, обидѣли злыя, нехорошія дѣвочки. Тетю Минхенъ обидѣли, золотую мою тетечку, добренькую мою... Тетя Мина всю жизнь на насъ работаетъ, на маму и на Каролиночку, на Фрица больного, на Марихенъ и на меня. Мама вѣдь все больна и служить не можетъ... А мой папа давно умеръ. Мы очень бѣдные... И живемъ только на тетечкины деньги. Что тетя Минхенъ зара-

ботаетъ, то намъ и отдаетъ. А теперь она мѣста лишилась изъ-за злыхъ, нехорошихъ дѣвочекъ... И заболѣла опасно... Бѣдная тетя Минхенъ, милая!.. Мама говоритъ, что теперь она поправится, можетъ быть, скоро... А было плохо. Каролиночка даже ночью за докторомъ бѣгала... И все изъ-за злыхъ дѣвочекъ. Онѣ выгнали тетечку. И она ушла, и заболѣла, и работать не можетъ... Мамочка тоже больная, и Фрицъ, и всѣ мы теперь голодные сидимъ. Уже двѣ недѣли не варили обѣда, только кофе да хлѣбъ... Но это все ничего... А вотъ что тетѣ Минхенъ было плохо—это хуже всего... Ужъ скорѣе бы поправилась она... Какъ ты думаешь, большая дѣвочка, скоро поправится тетя Минхенъ?

Голубые глаза мальчика еще настойчивѣе обратились къ глазамъ Лиды. На прелестномъ, но серьезномъ личикѣ болѣзненно отпечатлѣлся мучительный вопросъ.

Что то, какъ тисками, сжало сердце Лиды. Грудь разрывалась отъ бушевавшей въ ней бури тоски. Глухая, тяжелая драма нищеты и отчаянія, причиной которой была она, сѣроглазая, стриженая Лида, ворвалась въ ея душу, запылала въ ней стихійнымъ пламенемъ, опаливъ все ея внутреннее существо. Лида разомъ поняла все. Этотъ худенькій до прозрачности ребенокъ, этотъ явный, краснорѣчивый продуктъ нищеты явился къ ней олицетвореннымъ укоромъ совѣсти, ея совѣсти въ эти жуткія до боли минуты. Вотъ оно искупленіе за тотъ грѣхъ, страшный, непоправимый... Сердце Лиды

билось такъ, точно выскакивало изъ груди. Щеки, изъ красныхъ, стали бѣлыми, какъ мраморъ, ноги подкашивались, руки дрожали.

Она схватила за плечи мальчика, придвинула его къ себѣ и почти съ мольбой прошептала, не помня себя, трепеща всѣмъ тѣломъ:

— Она... фрейлейнъ Фюрстъ... выздоравливаетъ?.. Ей лучше теперь?..

— Лучше...—отвѣчалъ своимъ старчески серьезнымъ голоскомъ худенькій мальчикъ,—теперь ей стало лучше... Ахъ, только бы она поправилась!.. Она такъ добра, тетя Минхенъ, къ намъ... Мы ее такъ любимъ... И всѣ ее любятъ—и квартирная хозяйка, и сосѣди... А злыя дѣвочки не любили ее... Онѣ мучили ее... онѣ изводили... а та... самая злая изъ нихъ... хуже всѣхъ... О ней тетя все упоминала въ бреду... Все просила злую дѣвочку уйти отъ нея, не мучить...

— Уйти, не мучить!..—какъ эхо повторила Лида и тутъ же, съ печальной улыбкой и упавшимъ сердцемъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ прошептала: — А какъ ее звали, ту... самую злую? Не помнишь ли, милый?

Бѣлокурый хорошенькій мальчикъ потеръ свой красивый лобикъ, потомъ взглянулъ въ уголъ безцѣльнымъ, напряженнымъ взглядомъ, силясь припомнить, и вдругъ вскрикнулъ:

— Вспомнилъ... Вспомнилъ... Самую злую изъ дѣ-

вочекъ, про которую бредила въ безпамятствѣ тетя, звали Воронская...

Съ тихимъ, чуть слышнымъ стономъ, съ сердцемъ, полнымъ отчаянія, Лида отпрянула отъ удивленнаго маленькаго мальчика, который смотрѣлъ на нее, широко раскрывъ глаза.

Отпрянула, шарахнулась въ сторону и, бросившись изъ комнаты, помчалась назадъ, съ трудомъ удерживая рыданіе, рвавшееся изъ ея груди.

Попрежнему двери институтскаго храма были раскрыты настежь. Попрежнему сурово глядѣли съ золоченаго иконостаса лики святыхъ, и чинно съ молитвенниками въ рукахъ ждали юныя исповѣдницы своей очереди.

Быстрымъ взоромъ отыскавъ Симу Эльскую среди нихъ, Лида бросилась къ ней, схватила ея руки и, сжавъ ихъ съ судорожной силой, проговорила отрывисто и глухо:

— Ты была права, одна ты, въ исторіи съ Фюрстъ!.. Ты одна!.. О Господи, какъ я несчастна!

И рыдая упала кудрявой головой на плечо подруги.

ГЛАВА XI.

Новое рѣшеніе.—Первый экзаменъ.—Новость Аполлона Бельведерскаго.—Додошка осрамилась.

ПРОШЛА тихо, торжественно исповѣдь. Прошелъ, вѣя чѣмъ то свѣтлымъ и радостнымъ, день причастія. Выносили плащаницу. Пѣли «разбойника» посреди церкви. Прошла Свѣтлая Христова заутреня съ ея колокольнымъ звономъ, съ ликующими голосами клирошанокъ-выпускныхъ, выводившими «Христосъ Воскресе». Прошло розговѣнье и однообразная, какъ одинъ день, пасхальная недѣля. Прошли короткія, какъ сны, праздничныя каникулы и снова слетѣлись младшія со всѣхъ концовъ Россіи и столицы. Наступало тревожное время. Инспекторъ классовъ то и дѣло заходилъ къ старшимъ, наскоро записывалъ на доскѣ расписаніе экзаменовъ, наскоро составлялъ программы и подавалъ несложные совѣты, какъ вести себя въ актовомъ залѣ, какъ «отвѣчать билеты», и уходилъ, под-

бадривая выпускныхъ, пріунывшихъ отъ предстоявшихъ имъ «ужасовъ».

А весна между тѣмъ дѣлалась все ласковѣе, все нѣжнѣе. Стаялъ послѣдній ледъ на Невѣ, зацвѣли въ большомъ институтскомъ саду черемуха и сирень, застрекотали кузнечики въ саду, зачиликали отъѣвшіеся послѣ зимней голодовки воробьи, слетѣлись зяблики и трясогузки. Ожилъ старый садъ, зазеленѣла, запестрѣла, заликовала въ немъ жизнь. Зашелестѣли тополя и березы серебристымъ шелестомъ. Шаловливая фея весна-чаровница запряталась въ самую чащу кустовъ, залегла въ зеленую мураву, запрыгала по высокимъ верхушкамъ исполиновъ-деревъ.

Пришла весна—наступили экзамены.

Началась усиленная зубрежка. Зубрили усердно, много, неистово. Зубрили въ классѣ, въ залѣ, въ дортуарѣ, въ коридорѣ, на коридорномъ окнѣ, единственномъ въ своемъ родѣ окнѣ, съ широчайшимъ выступомъ подоконника. Зубрили на лѣстницахъ, въ свободныхъ селюлькахъ, въ «долинѣ вздоховъ», въ «чортовой долинѣ» и въ саду.

Особенно зубрили въ саду. Пользуясь солнечной погодой и апрѣльской теплотою, дѣвочки не выходили изъ сада. Онѣ «разбивали шатры» подъ тѣнью развѣсистыхъ дубовъ и березъ, то-есть попросту растягивали зеленый казенный платокъ между вѣтвями двухъ стоящихъ одно противъ другого деревьевъ; два другіе

платка спускали въ видѣ пологовъ и, набившись въ этотъ полутемный самодѣльный шатеръ цѣлой толпою, усердно слушали то, что разсказывала «учительница», то-есть болѣе знающая, болѣе сильная по предмету изученія воспитанница, набравшая себѣ цѣлую группу ученицъ.

Такіе «шатры» разбивались не только въ саду, но и въ классѣ, при помощи аспидныхъ досокъ, географическихъ картъ и прочаго инвентаря институтской обстановки.

Зубрили съ утра до завтрака, съ завтрака до обѣда, съ обѣда до поздней ночи. Съ разсвѣтомъ засыпали, чтобы подняться съ первыми лучами солнца. Дѣвочки ходили блѣдныя, съ усталыми лицами, съ синевой подъ вѣками, но съ бодрыми глазами, съ веселымъ взоромъ, улыбающіяся, спокойныя. Рѣшили свято исполнить данное слово начальницѣ — «отличиться на славу» и сдать экзамены на «ура».

. . . . . .

Утро, весеннее, душистое. Въ классѣ суета, шелестъ переворачиваемыхъ страницъ. Усиленное жужжаніе, буркотня и внезапно звонкій вопросъ, сдѣланный дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Первый экзаменъ—Законъ Божій. Экзаменъ и страшный, и не страшный въ одно и то же время. Батюшка, отецъ Василій, добръ, какъ ангелъ, и потому не страшно. Но пріѣдетъ архіерей, въ черной рясѣ и бѣлоснѣж-

номъ клобукѣ, будетъ спрашивать переводъ славянскаго текста тропаря, кондаки—и это уже страшно. Дѣвочки дрожатъ заранѣе. Додошка вытащила изъ своего тируара кусочекъ артуса, завернутый въ шелковый лоскутокъ, молитву изъ Арзамасской обители, образокъ съ Валаама, маленькій кипарисовый крестикъ, тоже привезенный изъ какого то монастыря, и, разложивъ на пюпитрѣ всѣ свои сокровища, шепчетъ дѣловито, наморщивъ брови:

— Валаамъ—за одну щеку, кипарисовое Распятіе—за другую, а подъ языкъ—святой артусъ... Непремѣнно артусъ подъ языкъ... Тогда все до капельки разскажу по билету безъ запинки... «Они» помогутъ...

— Mesdames, Аполлонъ Бельведерскій «катитъ» по коридору. Что за притча?—послышался звонкій голосокъ вбѣжавшей въ классъ Милы Рантъ.

— Да онъ ошибся, душки. Вообразилъ, что его экзаменъ,—предположила Пантарова первая, одна изъ обожательницъ Зинзерина.

— Ахъ, нѣтъ, просто его ассистентомъ на «Законъ» назначили,—сдѣлала новое предположеніе ея сестра Малявка.

— Пантарова 2-я, не будь, душка, дурой: Аполлонъ Бельведерскій—язычникъ, а гдѣ это видано, чтобы язычниковъ на христіанскій Законъ Божій пускали!—пискнула Додошка.

Малявка хотѣла было «срѣзать» свою давнишнюю

противницу, но не успѣла. На порогѣ уже стоялъ математикъ и, неистово краснѣя по своему обыкновенію, собирался что то изречь.

— Что вы, Николай Васильевичъ? Сегодня не вашъ экзаменъ, Николай Васильевичъ. Вы вѣрно смѣшали,— посыпалось на смущеннаго Аполлона со всѣхъ сторонъ.

— О, нѣтъ, mesdames, я... я помню... я очень хорошо помню, что у васъ сегодня Законъ Божій, но... но...—началъ неувѣренно учитель, потирая въ смущеніи руки,—но такъ какъ слѣдующій экзаменъ мой, то я и пришелъ попросить васъ, дѣвицы, начать готовиться къ нему завтра же и поусерднѣе, такъ какъ на этотъ экзаменъ, съ разрѣшенія начальства, приглашенъ мною, въ качествѣ ассистента, мой другъ, одинъ молодой ученый математикъ, блестяще окончившій въ заграничномъ университетѣ математическій факультетъ. Я пришелъ попросить васъ, дѣвицы, какъ можно внимательнѣе отнестись къ подготовкѣ по ариѳметикѣ, геометріи и начальной алгебрѣ... Покажемъ ассистенту, что и русскія дѣвицы...

— Карета архіерея на дворъ въѣзжаетъ! Внизъ, внизъ, mesdam'очки, скорѣе!—послышался взволнованный голосъ дежурившей въ этотъ день m-lle Эллисъ.

Дѣвочки, уже не слушая Зинзерина, гурьбой, толкая другъ друга и злосчастнаго Аполлона Бельведерскаго, некстати начавшаго свою рѣчь, выбѣжали изъ класса. Стремительно слетѣвъ съ лѣстницы, рванувъ тяжелую дверь швейцарской, онѣ впопыхахъ влетѣли въ вести-

бюль, какъ разъ въ ту минуту, когда противоположныя входныя двери распахнулись настежь и стройная, высокая фигура архіерея въ бѣломъ клобукѣ появилась на порогѣ.

— Душки, какой красавецъ! — захлебываясь отъ восторга прошептала Рантъ.

— Мила, какъ тебѣ не стыдно! Здѣсь благоговѣть надо, а ты—«красавецъ»! На томъ свѣтѣ взыщется!—и некрасивая Карская благоговѣйно поникла головой.

— «Исполати деспота»...—дружнымъ хоромъ запѣли выпускныя, окружая преосвященнаго, и, не смолкая ни на минуту, стали подниматься по лѣстницѣ, у перилъ которой выстроились шпалерами младшіе классы.

Архіерей подвигался медленно, ежеминутно осѣняя широкимъ крестомъ склонившіяся передъ нимъ, какъ чашечки живыхъ цвѣтовъ, дѣтскія головки.

Сіяющія, взволнованныя, одѣтыя въ это утро попраздничному въ тонкіе батистовые передники и пелеринки, «первыя» почувствовали себя героинями дня.

На нихъ смотрѣлъ весь институтъ, имъ завидовали, за нихъ боялись.

У самыхъ дверей залы выстроились маленькія «седьмушки». Обожательницы Симы Эльской съ нескрываемымъ восторгомъ смотрѣли на свою «дусю», выводившую своимъ звучнымъ контральто «Исполати деспота» въ общемъ хорѣ.

— Сахарова, который я получу билетъ?—на ходу

бросила Эльская своей самой ревностной поклонницѣ, Сонѣ Сахаровой, очаровательной девятилѣтней дѣвчуркѣ съ двумя васильками вмѣсто глазъ.

— Тотъ, который лучше всего знаете, m-lle дуся... Ангелъ... Архангелъ...—залепетала, не сводя влюбленнаго взгляда со своего кумира, дѣвочка.

— А мнѣ который, Сахарокъ?—съ улыбкой освѣдомилась Воронская, проходя въ слѣдующей парѣ.

— Первый, дуся, вамъ первый,—также восторженно откликнулись «васильки».

Вошли въ залъ. Широкимъ крестомъ осѣнилъ пресвященный зеленый экзаменаціонный столъ и стулья, выстроенные полукругомъ посреди огромной, двусвѣтной комнаты.

Высокая, блѣдная отъ волненія, Старжевская выступила впередъ и прочла дрожащимъ голосомъ «Преблагій Господи».

Послѣ молитвы архіерей опустился въ нарочно приготовленное для него кресло въ центрѣ стола. Вокругъ него размѣстилось начальство, «свой» священникъ, дьяконъ и «чужіе» экзаменаторы изъ духовенства. Инспекторъ классовъ, Тимаевъ, взялъ со стола толстую пачку билетовъ и сталъ, какъ карты, тасовать ее. Потомъ раскинулъ ихъ вѣеромъ по зеленому сукну и, взявъ карандашъ въ руки, наклонился надъ экзаменаціоннымъ листомъ, исписаннымъ фамиліями воспитанницъ.

— Господь съ тобою!—услышала она ласковый голосъ у своего уха...

— Вотъ оно, начинается!—промелькнуло въ этотъ мигъ въ каждой взволнованной головкѣ. И легкій трепетъ пробѣжалъ въ душѣ каждой дѣвочки.

Вызывали по порядку. По три воспитанницы выходили сразу, подходили къ «роковому столу», отвѣшивали по поясному поклону преосвященному и брали билетъ.

Сначала отвѣчали робко, несмѣло, боясь поднять взглядъ на того, кто сидѣлъ въ центрѣ и, внимательно глядя умными, красивыми, какъ бархатъ, мягкими глазами, слушалъ взволнованные, робкіе дѣтскіе отвѣты.

— Наталія и Марія Вергъ, Лидія Воронская...—послышался громкій голосъ Тимаева.

Лида поднялась со своего мѣста. Человѣкъ въ бѣломъ клобукѣ и монашеской рясѣ не казался ей страшнымъ. Напротивъ, нѣчто непонятное влекло ее къ нему. Отечески ласковые глаза, грустные, грустные, лицо аскета, прекрасное неземнымъ величіемъ и смиреніемъ, вдохновенныя губы,—все притягивало къ нему впечатлительную дѣтскую душу.

«Вотъ если повѣдать ему сейчасъ о томъ, что я сдѣлала со шпіонкой,—вихремъ пронеслось въ мысляхъ Лиды,—простилъ бы онъ развѣ меня?»

Эта мысль жгла и томила дѣвочку, не давая ей сосредоточиться на ея билетѣ. А билетъ показался знакомымъ, изъ исторіи церкви: о взглядѣ Петра I на

преобразованіе русской церкви, ея реформы, Степанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ,—однимъ словомъ совсѣмъ легкій, «хорошій билетъ».

Маруся Вергъ давно кончила отвѣчать, чинно поклонилась архіерею и, подойдя къ нему, осѣнившему широкимъ крестомъ ея склоненную головку. поцѣловала, по обычаю, бѣлую руку преосвященнаго.

Теперь очередь отвѣчать была за Лидой.

Она выступила впередъ, обдернула пелеринку, открыла ротъ и... замялась. Слова положительно не шли ей на языкъ. Мысли путались. Лицо стало бѣлымъ какъ бумага. Вся кровь отхлынула отъ него къ сердцу. И это сердце усиленно выстукивало сейчасъ:

«Ты грѣшница... Великая грѣшница... и ты не смѣешь взглянуть въ лицо этому человѣку, огромнаго подвига человѣку, далекому грѣшныхъ помысловъ, которые жили и живутъ въ тебѣ...»

«Да, да,—мысленно согласилась Лида,—надо «искупиться», надо очиститься, надо громко признаться во всемъ: такъ и такъ, я сдѣлала дурное дѣло, изъ-за меня человѣкъ терпитъ нужду и горе... я... я... Да, да, я сдѣлаю это... Подниму голову, взгляну на «него», и если глаза его будутъ ласковы, такъ же отечески добро посмотрятъ на меня, какъ на Налю, на Марусю Бутузину и прочихъ,—я прощена... Я...»

— Что же, начинайте отвѣчать, Воронская!—прервалъ внезапно мысли Лиды голосъ инспектора.

— Сейчасъ...—помимо ея воли вырвалось у Лиды, и она подняла взоръ на преосвященнаго.

Прекрасное, доброе, доброе лицо подъ бѣлымъ клобукомъ, глаза грустные, грустные до безконечности, улыбающіяся съ отеческой лаской губы,—вотъ что увидѣла Лида.

— Прощена!..—вихремъ пронеслось въ мозгу дѣвочки, и она по привычкѣ тряхнула стриженой головой.

— Воронская, не будьте мальчишкой,—чуть слышно прошипѣла Ефросьева, скромно пріютившаяся на концѣ стола.

Но Лида уже не слышала ничего и никого. Быстро, взволнованно, почти безъ запинки, она точно выбрасывала изъ себя года, событія и факты, легко и свободно, сверкая сѣрыми глазами, пылая всѣмъ своимъ обычно блѣднымъ, худенькимъ лицомъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, синодъ, проповѣди и совѣты новаго помощника Великаго Преобразователя, новый церковный регламентъ,—все это сыпалось безъ передышки изъ устъ разомъ воспрянувшей духомъ дѣвочки.

Лида говорила, а прекрасные, отечески добрые подъ бѣлымъ клобукомъ глаза архіерея съ ласковымъ вниманіемъ смотрѣли на нее.

Наконецъ она закончила свою рѣчь.

— Похвально, дѣточка, очень похвально!—произнесли уста преосвященнаго.

Не слыша отъ радости ногъ подъ собою, Воронская очутилась передъ нимъ со склоненной головой. Нѣжные, тонкіе, какъ у женщины, пальцы коснулись ея кудрявой головки. Губы Лиды, трепещущія, дрожащія, приникли къ блѣдной сухой рукѣ съ какимъ то радостнымъ благоговѣніемъ.

— Господь съ тобою, дитя!..—услышала она ласковый грудной голосъ у своего уха, и сердце ея мигомъ наполнилось огромнымъ чувствомъ мира и всеобъемлющей, огромной, нечеловѣческой любви ко всѣмъ.

Ликующая, радостная вернулась она на мѣсто.

— Какъ ты думаешь, Воронская, страшно у зеленаго стола умереть?—вытаращивъ округлившіеся отъ ужаса глаза, прошептала Додошка и, прикрывъ одной рукою ротъ, что то сунула туда незамѣтно.

— Вѣра Дебицкая, Евдокія Даурская, Евгенія Дулина... — послышался новый выкликъ инспектора.

Теперь первая и послѣдняя ученицы очутились рядомъ. Вѣра Дебицкая, не спѣша, плавно, съ какимъ то особымъ, гладкимъ, ей одной присущимъ, мастерствомъ выводила, да, именно выводила свои отвѣты. Додошка стояла тутъ же, малиновая, какъ вишня, и усиленно пережевывала что то во рту.

— Додо, брось ты свои леденцы хоть въ такую минуту,—шепнула ей Женя Дулина, маленькое, невзрачное семнадцатилѣтнее созданіе.

Но Додошка только молча повела на нее тѣми же выпученными глазами.

— Ваша очередь, дѣвица Даурская,—послышался голосъ «своего» батюшки, о. Василія.

Онъ былъ сегодня въ темносиней шелковой рясѣ, нарочно сшитой къ актовому экзамену, и особенно торжественно выглядѣлъ въ ней.

Додошка неопредѣленно крякнула, точно лягушка, потомъ незамѣтно перекрестилась подъ краешкомъ пелеринки и какимъ то страннымъ носовымъ голосомъ, глухо и чуть внятно стала читать крещенскій канонъ.

— Ничего не понимаю... Что, сія дѣвица всегда такъ говоритъ невнятно?—обратился «чужой» священникъ-ассистентъ къ о. Василію, на что институтскій батюшка только недоумѣвающе заморгалъ глазами.

— Дѣвица Даурская, что съ вами?—почти съ отчаяніемъ въ голосѣ спросилъ онъ.

Но Додошка еще гуще покраснѣла и, вмѣсто отвѣта, продолжала попрежнему, не разжимая рта, едва выговаривать какія то непонятныя слова, похожія на рѣчь чревовѣщателя.

Преосвященный смотрѣлъ во всѣ глаза на красную какъ ракъ, смѣшную дѣвочку и казался чрезвычайно удивленнымъ.

— Не больна ли?—освѣдомился онъ съ заботой въ голосѣ.

— Не больна ли ты?—повторила, глядя въ глаза Додошкѣ, и начальница.

— Ммммм...—неопредѣленно промычала та.

— О, я знаю что это...—неожиданно послышался по адресу maman свистящій шопотъ Ефросьевой,—эта Даурская ужасная сластена, лакомка, и во рту у нея навѣрное леденцы.

— Леденцы!—почти въ ужасѣ отозвалась maman эхомъ и, сдѣлавъ грозное лицо въ сторону провинившейся дѣвочки, проговорила строго:

— Сейчасъ же выкинь изо рта все, что тамъ есть!..

Додошка точно обезумѣла. Изъ красной стала блѣдной, какъ платокъ, губы дрогнули и слезы двумя фонтанами брызнули изъ глазъ.

— Этого нельзя!.. Это святотатство!.. Во рту святое, божественное!.. — чуть внятно, все-таки не разжимая рта, пробурчала она.

— Что ты говоришь? Какой вздоръ!..—строго произнесла начальница,—изволь сейчасъ же...

— Но! ей-Богу, честное слово!..—начала было Додошка, но тутъ же поперхнулась и отчаянно закашлялась. Полныя губки дѣвочки раскрылись и изъ ея рта вылетѣлъ образокъ съ Валаама, миніатюрный кипарисовый крестикъ и крошечный кусочекъ священнаго артуса.

— Ну вотъ!.. Теперь и нѣтъ ничего!..—прошептала

съ отчаяніемъ въ голосѣ Додошка и стремительно бросилась поднимать свои сокровища.

Инцидентъ вышелъ вполнѣ неожиданный и курьезный настолько, что даже аскетическое лицо преосвященнаго дрогнуло отъ улыбки.

О. Василій, едва ли не болѣе смущенный, нежели сама Додошка, сталъ наскоро пояснять дѣвочкѣ ея заблужденіе.

— Священные предметы существуютъ не для того, чтобы примѣнять ихъ столь несвоевременно и такимъ несоотвѣтствующимъ образомъ,—говорилъ батюшка,—а чтобы съ полнымъ благоговѣніемъ относиться къ нимъ.

Додошка слушала, хлопала глазами и, казалось, не понимала ничего.

Ее стали спрашивать по билету. Противъ чаянія Даурская отвѣчала очень сносно.

Ласковымъ движеніемъ головы преосвященный отпустилъ ее на мѣсто, предварительно благословивъ дѣвочку.

Экзаменъ продолжался до двухъ часовъ. Потомъ прочли баллы, пропѣли снова «Исполати деспота» и проводили преосвященнаго на подъѣздъ до самой кареты.

— Первый экзаменъ смахнули! Ура! — крикнула своимъ веселымъ голосомъ Сима.—Однимъ пальцемъ мы уже на волѣ...

— Не смѣйте кричать, какъ уличный мальчишка!—

точно изъ-подъ земли вырастая, зашипѣла на нее инспектриса.

— Не буду, m-lle,—преувеличенно покорнымъ голосомъ проговорила Эльская, «окунаясь» передъ Ефросьевой, и, едва давъ ей отойти, прибавила звонкимъ фальцетомъ, какимъ выкрикиваютъ бабы, продавая швабры по дворамъ и улицамъ:

— Кочерги хорошія!.. Кому надо кочергу, покупайте, голубчики, возьму недорого!.. Покупайте, кому нужно!.. Кочерги, кочерги!..

Ефросьева, отлично знавшая свое прозвище—«кочерга», данное ей институтками, закипѣла отъ гнѣва и уже повернула назадъ, чтобы сорвать злость новой придиркой, но какъ разъ въ эту минуту въ классѣ выпускныхъ появился о. Василій и радостнымъ голосомъ обратился къ дѣвочкамъ:

— Спасибо, дѣвицы! Отличились передъ преосвященнымъ... Покорно благодарю... Вотъ Даурская только насчетъ образковъ и артуса... Священные предметы въ ротъ, дѣвицы, брать не полагается... А то все хорошо... Все хорошо... И даже отлично...

И сіяющими глазами о. Василій обвелъ толпившихся вокругъ него своихъ духовныхъ дочерей.

ГЛАВА XII.

Плита св. Агніи.—Сюрпризъ.—Математика.—Неожиданное объясненіе.

Едва сошелъ экзаменъ Закона Божія, какъ приступили къ усердной подготовкѣ къ экзамену математики. Шатровъ не раскидывали. Группы учащихся сосредоточивались около досокъ, на которыхъ писались теоремы, рисовались геометрическія фигуры, рѣшались задачи. Досокъ всего счетомъ было четыре, группъ же, готовившихся къ экзамену математики, пять. Пятой группѣ, гдѣ «учительницей» была Вѣра Дебицкая, а ученицами—Креолка, Сима Эльская, Додошка, Хохлушка, Елецкая, Малявка, Лида Воронская и Черкешенка, пришлось оставаться безъ доски.

Но группа Дебицкой не унывала; вмѣсто классной доски ей послужила плита святой Агніи.

Это была совсѣмъ особенная плита, Богъ вѣсть откуда попавшая на послѣднюю аллею институтскаго сада и имѣвшая самое романическое, легендарное происхожде-

ніе. Легенда о плитѣ святой Агніи передавалась изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе и неустанно жила старымъ, незабвеннымъ сказаніемъ въ стѣнахъ института.

Это было, какъ увѣряли воспитанницы, давно, очень давно, когда не было еще и самаго института, а на занимаемомъ имъ мѣстѣ стоялъ дѣвичій монастырь. Среди монахинь жила красавица Агнія. Она была такъ хороша собой, что всѣ на нее глядѣли, какъ на что то особенное, неземное. Душа же Агніи была тиха и смиренна, и общій восторгъ и удивленіе передъ ея красотой смущали ее, доставляли ей невыразимое горе. Ей было непріятно, что всѣ любуются ея прекраснымъ лицомъ. Ей захотѣлось уйти отъ людей и принять великій подвигъ. И вотъ, красавица-монахиня велѣла выкопать глубокую темную могилу въ огромномъ монастырскомъ саду, спустилась въ нее и приказала накрыть себя каменной плитою. Такимъ образомъ стала она жить въ своемъ страшномъ склепѣ, въ вѣчной тьмѣ, раза три въ недѣлю получая хлѣбъ и воду, которую спускали къ ней на веревкѣ черезъ сосѣднее отверстіе, прорытое въ землѣ... Прошли вѣка, монастырь разрушился, кости монахини-подвижницы истлѣли въ землѣ, но ея плита, плита святой Агніи, оставалась попрежнему лежать тяжелой каменной глыбой въ дальнемъ углу послѣдней аллеи институтскаго сада...

На самомъ дѣлѣ, ни дѣвичьяго монастыря, ни мо-

нахини Агніи, ни могилы-склепа здѣсь никогда и не существовало, но обожавшимъ все необычайное, таинственное и легендарное, восторженнымъ дѣвочкамъ преданіе о плитѣ святой Агніи приходилось весьма по вкусу и онѣ всячески поддерживали его.

Эта плита, собственно говоря, самый обыкновенный кусокъ плоскаго камня, имѣла для институтокъ огромное значеніе. Во всѣ трудныя минуты жизни,—обижалъ ли кто дѣвочку, случалось ли съ нею какое-нибудь горе или просто хотѣлось ей просить чего-либо у судьбы,—воспитанница считала своимъ долгомъ идти помолиться Богу у плиты святой Агніи, при чемъ это паломничество совершалось или рано утромъ, или поздно вечеромъ и непремѣнно весною, лѣтомъ или осенью (зимой и самая плита, и послѣдняя аллея засыпались снѣгомъ и туда никто кромѣ кошекъ не проникалъ). Готовясь къ экзамену математики, единственному «чертежному» экзамену, то-есть къ такому, на которомъ работали на доскахъ, дѣвочки позволяли себѣ нѣкоторую вольность по отношенію къ таинственной плитѣ. Онѣ приносили кусочки мѣла изъ класса и писали на плитѣ задачи и теоремы. Считалось особенно счастливымъ признакомъ заполучить къ экзамену математики какой-нибудь группѣ таинственную плиту, такъ какъ готовившіяся на ней дѣвочки были увѣрены въ поддержкѣ и покровительствѣ таинственной монахини. Вотъ почему, лишь только окончился экзаменъ «Закона», Вѣра Дебицкая—«учи-

тельница» своей группы — торжественно объявила классу:

— Медамочки, я занимаю «плиту»...

Пояснять какую плиту не было надобности, всѣ уже знали, въ чемъ дѣло, и со слѣдующаго же утра «дебички» отправились готовиться въ садъ.

День только что началъ клониться къ сумеркамъ. Поздній вечеръ закурился надъ весенней природой. Жара спала. Легкой истомой повѣяло въ воздухѣ. Стрекотъ кузнечиковъ сталъ тише и рельефнѣе. Въ голубовато-сизой дымкѣ подплывалъ чарующій свѣтлый вечеръ красавца-апрѣля.

Бѣлыя липы, какъ бѣлыя сказочныя дѣвы, насыщаютъ пахучимъ, сладкимъ, немного пьянымъ запахомъ садъ.

Группа дѣвочекъ, такихъ же нѣжныхъ и цвѣтущихъ какъ цвѣтущія липы, мелькаетъ на фонѣ свѣжей зеленой листвы.

— Линія АВ равняется линіи CD... Додошка, не смотри по сторонамъ... Найди мнѣ гипотенузу въ этой фигурѣ...—раздражительно и звонко говоритъ Дебицкая и колотитъ мѣлкомъ о плиту.

Додошка съ грѣхомъ пополамъ отыскиваетъ гипотенузу.

— Покажи катетъ...—нимало не умилостивившись, приказываетъ Вѣра.

Но Додошка ищетъ катетъ на небѣ. Ея голова закинута кверху, ея глаза блаженно сіяютъ.

— Mesdames, правда, сегодняшнія облака похожи на битыя сливки?—сладко причмокивая, лепечетъ она.

— Даурская, ты глупая обжора и невѣжда. Ты осрамишь меня, твою учительницу, передъ заграничнымъ ассистентомъ!—выкрикиваетъ Вѣра и хватается за голову.

— Гм... Гм... Новый ассистентъ!.. Воображаю, что онъ подумаетъ о насъ, услыша наши отвѣты!..—искренно смѣется Воронская.

— Плакать надо, а не смѣяться. Вѣдь вы всѣ такъ плохи, что изъ рукъ вонъ,—негодуетъ Вѣра.

Блѣдная Елецкая почти ничкомъ лежитъ на травѣ у края плиты и, приложивъ ухо къ углу могилы святой Агніи, замираетъ. Вся она слухъ, вся олицетвореніе самаго напряженнаго вниманія.

— Ольга, что ты?—спрашиваетъ ее Креолка.

— Тс... Тс...—срывается съ блѣдныхъ губъ Лотоса,—я слышу, mesdames, я слышу... Святая Агнія предсказываетъ мнѣ билетъ...

— Ахъ, не дури, Елка... Среди бѣлаго дня начинаешь галлюцинировать!..—недоумѣвающе хлопая голубыми глазами, произнесла Сима.

Но Елецкая даже вниманія не обратила на ея слова. Глаза дѣвочки блуждали попрежнему, а лицо стало странно и неподвижно.

Она все также лежала въ прежней позѣ, почти касаясь ухомъ плиты. И вдругъ поднялась порывисто,

сразу. Поднялась, вскочила на ноги и сказала, торжествующими глазами обводя лица подругъ:

— Одиннадцатый билетъ!.. Святая Агнія предсказала мнѣ одиннадцатый!..

— Одержимая! Ну, не одержимая ли это, спрашиваю я васъ?—рѣзко расхохоталась Сима.—Богъ ее знаетъ, въ какую чепуху вѣритъ!

Но дѣвочки, казалось, не раздѣляли мнѣніе шалуньи Эльской. Предсказаніе нумеровъ билетовъ пришлось имъ по вкусу.

Теперь мѣсто Лотоса заняла Черкешенка и, съ вытянувшимся лицомъ и поблѣднѣвшими щеками, приложила ухо къ плитѣ.

Остальныя замерли въ ожиданіи.

Но Черкешенкѣ не посчастливилось, какъ Ольгѣ. Святая Агнія никоимъ образомъ не пожелала удовлетворить ея желаніе.

— Додошка, ложись ты,—посовѣтовала Лида Воронская.

— Ясно, какъ шоколадъ, лягу...—буркнула Додошка и растянулась на травѣ.

Сначала ея лицо выражало одно только нетерпѣливое ожиданіе и напряженіе. Но прошла минута, другая, третья, и сонныя черты лица Даурской приняли ихъ обычное апатичное выраженіе.

— Слушай, Вороненокъ, схвати ее за ногу,—шепнула Эльская на ухо Воронской,—а то она такъ до ночи

проваляется и мы не успѣемъ выучить ни одного билета.

Лида тихо фыркнула, осторожно придвинулась къ лежащей у плиты Додошкѣ и, незамѣтно протянувъ руку, схватила ее за ступню.

— А-а-а-а!!!—неистово взвизгнула Даурская и мгновенно очутилась на ногахъ.

— Святая Агнія меня хватаетъ!.. Помогите!.. Караулъ!..—и она опрометью, съ быстротой стрѣлы, кинулась по аллеѣ. За ней, не говоря ни слова, взбудораженной, испуганной стаей бросились бѣжать остальныя.

— Ой!.. Ой!.. Ой!.. Монахиня бѣжитъ за нами!.. За ногу хватаетъ!.. Помогите!.. Помогите!—неслись вмѣстѣ съ дѣвочками ихъ отчаянные крики на весь садъ.

Лида и Эльская остались вдвоемъ у роковой плиты-могилы. Дѣвочки долго смотрѣли вслѣдъ несущимся подругамъ, потомъ взглянули другъ на друга и звонко, весело разсмѣялись.

. . . . . .

На слѣдующее утро былъ назначенъ экзаменъ математики.

Ровно въ 10 часовъ раскрыли настежь коридорныя двери, и, пріодѣтыя въ чистые передники, пелеринки и «манжи», выпускныя чинно, по парамъ, вошли въ актовую залу.

Тотъ же зеленый столъ, тѣ же разставленные полукругомъ стулья, тѣ же кресла, предназначенныя для

экзаменаторовъ, какъ и на экзаменѣ Закона Божьяго. Ничего новаго, если не считать съ полдюжины черныхъ аспидныхъ досокъ, размѣщенныхъ по обѣ стороны экзаменаторскаго стола.

Страшныя доски...

При взглядѣ на черныя доски сжималось не одно юное сердечко. О, эти черныя доски! Черезъ полчаса онѣ покроются цифрами, задачами, линіями, теоремами, а подлѣ нихъ дрожащія, волнующіяся дѣвочки, нервно постукивая мѣлками, трепещущимъ голосомъ будутъ выкладывать о равенствѣ линій и угловъ.

— Интересно знать, молодъ или старъ этотъ заграничный ученый, ассистентъ Аполлона Бельведерскаго,— послышался голосъ Креолки, и, ей одной свойственнымъ жестомъ кокетливой граціи, она «на всякій случай» поправила кудерьки на лбу.

— Пожалуйста, не старайся,—поймавъ ея движеніе, засмѣялась Сима,—онъ, этотъ неизвѣстный, старъ, какъ вѣчность, и безобразенъ, какъ Квазимодо, а золъ онъ, должно быть, медамочки, какъ сорокъ тысячъ братьевъ злы быть не могутъ,—потрясая руками, громовымъ голосомъ прокричала шалунья.

— Silence, Elsky!... *)

И m-lle Эллисъ, толстенькая, кругленькая, запыхавшаяся, съ малиновыми отъ волненія щеками, метнулась къ Симѣ.

*) — Молчать, Эльская!

Въ отдаленномъ углу залы блѣдная Лотосъ, сверкая глазами, вдохновеннымъ голосомъ повѣряла собравшейся вокругъ нея группѣ:

— Я слышала одиннадцать подземныхъ ударовъ... Одиннадцать, одинъ за другимъ. Это значитъ, что святая Агнія предсказала мнѣ одиннадцатый билетъ... И его я знаю отлично...

— Смотри, не ошибись, Елочка, какъ бы не случилось иначе!—послышался веселый голосъ Воронской, незамѣтно присоединившейся къ группѣ.—Можетъ быть, это означало...

— Экзаменаторы идутъ. И «маманя» на горизонтѣ!—крикнула Малявка, дежурившая у входной двери въ залъ.

Шумнымъ роемъ вспорхнули дѣвочки и, толкая другъ друга, устремились къ своимъ мѣстамъ, спѣшно поправляя на-ходу волосы, завернувшіеся передники и сползшія на-бокъ пелеринки.

— Экзаменаторы идутъ!

Крылатая фраза облетѣла залъ въ одну секунду. Въ слѣдующую же—экзаменующіяся уже чинно стояли у своихъ мѣстъ.

У крайняго къ столу стула стояла Воронская. Обычно веселая, не унывающая въ самыя трудныя минуты жизни, дѣвочка теперь была серьезна. Ея маленькое сердчишко било тревогу. Сквозь обычную матовую блѣдность лица проступали багровыя пятна волненія.

Въ сѣрыхъ глазахъ сквозила тревога. Дѣло въ томъ, что Лида, способная, воспріимчивая къ ученью, одаренная богатой памятью, была окончательно бездарна по отношенію воспріятія одной науки. Эта наука была математика. Съ математикой молоденькая Воронская съ самаго начала ученія вела безконечную и непримиримую вражду. Математика не взлюбила Лиду, Лида ненавидѣла математику. Развитая, толковая во всемъ остальномъ дѣвочка рѣшительно путалась и терялась въ рѣшеніи задачъ, при доказательствѣ теоремъ и алгебраическихъ уравненій. И одна изъ лучшихъ ученицъ по классу, Лида по математикѣ считалась едва ли не послѣдней. Вѣра Дебицкая, зная это, великодушно приняла Лиду въ число своихъ ученицъ, занимаясь съ нею особо отъ «группы». Но, несмотря на эти, такъ сказать, противныя занятія, несмотря на всѣ старанія Вѣры, злополучная математика все-таки не давалась Лидѣ. Цифры, буквы, линіи, окружности, все это мѣшалось какимъ то хаосомъ въ головѣ Воронской. Въ мозгу получалась каша. Съ трудомъ втиснувъ въ него десять первоначальныхъ билетовъ, Лида успокоилась немного въ послѣдній день подготовки.

— Куда ни шло... вывезетъ кривая...

И до самаго утра экзамена она чувствовала себя сносно.

«Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ. Вытащу изъ первыхъ билетовъ, и дѣло въ шляпѣ»,—безшабашно

думала до рѣшительнаго дня Лида, но теперь смутный страхъ заползалъ въ душу.

— А что, если вытащу билетъ послѣ десятаго?— вихремъ проносилось въ мозгу Лиды,—вѣдь всѣхъ билетовъ сорокъ, и весьма можетъ статься, что мнѣ достанется одинъ изъ послѣдующихъ...

И она вздрагивала всѣмъ тѣломъ, чувствуя непріятный нервный ознобъ.

— Знать только десять билетовъ, когда всѣхъ сорокъ! Только четвертую часть! Развѣ это не рискъ?— продолжала терзаться дѣвочка,—и еще этотъ незнакомый экзаменаторъ, ассистентъ изъ-за границы, какъ на зло, явится сюда... Будь онъ «душка» или «чучело»— результатъ одинъ: скандалъ провала на выпускномъ экзаменѣ... И къ чему только Аполлонъ тащитъ его сюда?.. Еще ученый, говоритъ! Заграничный ученый! Воображаю этого душку... Носъ до завтрашняго утра, тройныя очки и голый, какъ тыква, черепъ... А чтобъ тебя!..—и, окончательно раздражившись и на математику, и на Аполлона-Зинзерина, въ качествѣ ея представителя, и на незнакомаго ученаго, Лида съ силой ударила по учебнику первоначальной алгебры.

— Воронская, чего ты бѣсишься?!.. Maman на порогѣ...

И Рантъ изо всей силы дернула Лиду за передникъ.

Та точно спросонья широко раскрыла свои, и безъ того огромные, глаза.

Дѣйствительно, на порогѣ залы показалась началь-

ница. За ней инспектриса, инспекторъ, Зинзеринъ, какой то сѣдой маленькій старичекъ и...

— Большой Джонъ!—громко, почти въ голосъ, крикнула Лида и рванулась впередъ.

— Большой Джонъ!—эхомъ откликнулись остальныя дѣвочки, и на лицахъ всѣхъ выразилось самое краснорѣчивое изумленіе.

Да, это былъ онъ. На порогѣ актоваго зала стоялъ Большой Джонъ съ его крошкой-головою на широкихъ плечахъ, съ его низко остриженной бѣлокурой щетинкой, съ его ястребиными глазами и большимъ добродушнымъ ртомъ. Но ястребиные глаза глядѣли сегодня строго, почти сурово, а добродушный ротъ былъ плотно сомкнутъ, далекій улыбки, и тонкія брови хмурились строго. Всѣ движенія Большого Джона казались полными достоинства и величія, какъ у лютеранскаго пастора-проповѣдника.

Въ первую минуту его появленія, столь неожиданнаго и страннаго, дѣвочки опѣшили до того, что позабыли даже поклониться вошедшимъ экзаменаторамъ и начальству. Рты всѣхъ широко раскрылись, глаза выпучились и впились въ появившуюся столь знакомую всѣмъ высокую фигуру.

— Рантъ, Рантъ, голубушка, ущипни меня покрѣпче, а то мнѣ кажется, что я сплю и вижу Большого Джона во снѣ,—прошептала чуть слышно Лида по адресу своей сосѣдки.

Рантъ такъ добросовѣстно исполнила эту просьбу, что Воронская чуть не вскрикнула отъ боли на весь залъ.

M-lle Эллисъ заметалась, какъ курица передъ грозой, среди ввѣренныхъ ея попеченію дѣвочекъ.

— Mais êtes-vous folles, mesdames! Mais saluez donc maman! *)—шептала она, вращая глазами вправо и влѣво и тормоша за руку то одну, то другую воспитанницу.

И только тогда разсѣялся столбнякъ, овладѣвшій всѣми этими застигнутыми врасплохъ юными существами.

Вопросъ выяснился самъ по себѣ сразу.

Большой Джонъ былъ вмѣстѣ съ Зинзеринымъ на математическомъ факультетѣ Оксфордскаго университета и былъ приглашенъ въ качествѣ ассистента на экзаменъ своего коллеги. «Ясно, какъ шоколадъ»,—сказала бы Додошка, но, пока каждая изъ дѣвочекъ успѣла сообразить это, прошло немало времени.

— Mais saluez donc maman!—выходила изъ себя m-lle Эллисъ, продолжая метаться между остолбенѣвшими рядами воспитанницъ.

Тутъ только дѣвочки пришли въ себя, очнулись и, глубоко «окунаясь» передъ начальницей, произнесли довольно нестройнымъ на этотъ разъ хоромъ:

— Nous avons l'honneur de vous saluer! **)

И какъ бы по вдохновенію, не сговариваясь, не условливаясь другъ съ другомъ, тѣмъ же хоромъ, но

*) Что это вы ошалѣли, mesdames! Привѣтствуйте maman!

**) Имѣемъ честь васъ привѣтствовать!

уже болѣе стройнымъ и дружнымъ, прибавили тутъ же къ полному удивленію начальства:

— Здравствуйте, monsieur Большой Джонъ!..

«Начальство» заняло за зеленымъ столомъ приготовленныя мѣста. Большой Джонъ опустился на стулъ, стоявшій подлѣ Зинзерина. Онъ казался страшно суровымъ и недоступнымъ въ своемъ, наглухо застегнутомъ, черномъ сюртукѣ, съ плотно сомкнутыми губами и строгимъ взглядомъ. Какъ мало походилъ онъ сегодня на того милаго, веселаго насмѣшника Большого Джона, который проповѣдывалъ смиреніе и кротость сорока большимъ дѣвочкамъ въ этой самой залѣ въ одинъ изъ «пріемныхъ» четвероговъ!

— «Большой Джонъ играетъ роль строгаго экзаменатора, и это очень забавно и смѣшно»,—мысленно говорила себѣ Лида, хотя ничего ни забавнаго, ни смѣшного не находила въ эти минуты взволнованная до послѣдняго предѣла душа дѣвочки.

«Если вытащу какой-нибудь билетъ послѣ десятаго, осрамлюсь на вѣки вѣковъ»,—проносилась въ ея мозгу непріятная мысль.

Какъ сквозь сонъ слышала она вызовы инспектора, вопросы экзаменаторовъ, дорогой, знакомый и, въ то же время, странно чужой, офиціальный голосъ молодого экзаменатора, Большого Джона, а мысль, кружась и вертясь съ поразительною быстротою, перескакивала съ предмета на предметъ въ головѣ Лиды.

Смутно припомнились дѣвочкѣ разсказы Большого Джона о его пребываніи въ Англіи, разсказы, слышанные еще въ дѣтствѣ, о его особенной склонности къ математическимъ наукамъ и о томъ, какъ писалъ онъ диссертацію на первую степень ученаго математика, чуть ли не 22 лѣтъ.

— Счастливецъ! Счастливецъ!—шептала съ завистью сѣроглазая дѣвочка,—счастливецъ Большой Джонъ! Онъ математикъ... А я... я... Что я буду дѣлать, если вытащу незнакомый билетъ?.. Что онъ подумаетъ о своей сестренкѣ, о своей маленькой русалочкѣ?.. Да, что подумаетъ онъ?..

Какъ бы въ отвѣтъ на мучительный вопросъ, Лида услышала голосъ инспектора, произнесшій два слова, погребальнымъ звономъ отозвавшіяся въ ея душѣ:

— Госпожа Воронская...

Госпожа Воронская! Одно только маленькое коротенькое обращеніе, а между тѣмъ какая драма скрывается въ немъ!

Блѣднѣя и краснѣя, стриженая дѣвочка вышла на середину залы и, забывъ «окунуться» по традиціонному институтскому этикету, безпомощно обратила на лицо Джона свой испуганный взоръ.

— «Вы видите,—казалось, говорилъ этотъ взоръ,—вы видите, я въ отчаяніи... Ободрите же меня, Большой Джонъ... Ободрите»...—безъ словъ говорили ярко разгорѣвшіеся сѣрые глаза.

— Какое мнѣ дѣло до вашего отчаянія! Надо было хорошо готовиться, хорошо учиться,—отвѣчалъ «ястребиный» взоръ, исполненный холода и безстрастія, и обычно добродушное, снисходительное лицо Большого Джона стало какимъ то деревяннымъ и чужимъ, какимъ еще никогда не видѣла его Лида.

Сердечко Воронской дрогнуло, сжалось и забило тревогу. Вся холодѣя отъ утроившагося волненія, Лида протянула къ зеленому столу трепещущую руку.

Ея дрожащіе пальцы, такіе худенькіе и слабые на взглядъ, коснулись разбросанныхъ вѣерообразно на зеленомъ сукнѣ билетовъ. Сердце замерло совсѣмъ, какъ бы перестало биться въ груди.

— Господи, рублевую свѣчу Владычицѣ и по сорока поклоновъ каждый вечеръ!..—мысленно произнесла дѣвочка и, не помня себя, порывисто взяла верхній билетикъ.

Голова закружилась, красные круги заходили передъ глазами. Ничего не видя, она перевернула лицевой стороной роковую бумажку и едва удержалась отъ торжествующаго крика, готоваго вырваться изъ груди.

— Десятый билетъ! Десятый!—особеннымъ, ликующимъ голосомъ соскользнуло съ губъ Лиды.

— Пожалуйте къ доскѣ,—какъ сквозь радужный сонъ услышала она голосъ Зинзерина, и этотъ голосъ показался ей теперь такимъ милымъ, чуднымъ, значительнымъ.

— Большой Джонъ остановитесь!..

— Десятый билетъ!.. Спасена!.. Спасена!.. Десятый!..—пѣло на тысячу голосовъ въ душѣ Лиды, и твердыми, увѣренными взмахами мѣлка она быстро набросала значущуюся на билетѣ задачу-теорему. Она стояла теперь торжествующая, радостно взволнованная.

Рядомъ, кусая до крови губы, Додошка врала что то на своей доскѣ, стирала и опять врала, готовая разревѣться отъ досады.

Не долго думая, Лида пришла ей на помощь. Билетъ Додошки былъ легкій, изъ перваго десятка, и Воронская знала его.

— У тебя ошибка,—шепнула она, не разжимая рта, въ сторону подруги,—линія DC не можетъ быть дѣлима на EG... Понимаешь?.. Вотъ что надо дѣлать...—и мелкими, чуть замѣтными цифрами Лида показала Додошкѣ на своей доскѣ что надо было дѣлать.

Та разглядѣла своими близорукими глазами и исправила ошибку.

— Госпожа Воронская,—почти тотчасъ же вслѣдъ за этимъ прозвучалъ голосъ ничего не замѣтившаго Зинзерина,—извольте отвѣчать.

Громкимъ, четкимъ голосомъ Лида подробно и толково объяснила рѣшенную ею на доскѣ геометрическую задачу. Съ тѣмъ же ликующимъ видомъ и съ пылающими щеками она блестяще отвѣчала на всѣ, относившіеся къ задачѣ, вопросы Зинзерина.

— Прекрасно! Прекрасно, госпожа Воронская!—одоб-

рительно закивала, смущенно улыбаясь, классическая голова Аполлона Бельведерскаго,—такая, можно сказать, была слабая ученица въ году по математикѣ и такой блестящій отвѣтъ на экзаменѣ! Очень хорошо-съ!

— Прекрасный отвѣтъ!—согласились съ нимъ всѣ присутствующіе и ласково глядѣли на возбужденную, ликующую и сіяющую дѣвочку.

Одинъ только молодой ассистентъ сидѣлъ попрежнему, съ застывшимъ, точно окаменѣлымъ, лицомъ и холодно, сурово глядѣлъ на Воронскую своими ястребиными глазами, ставшими теперь такими же холодными, чужими и суровыми, какъ и при его входѣ въ залъ.

— «Что съ нимъ?... На что онъ сердится?—точно молотомъ ударяло въ сердце Лиды. — Какъ онъ строго и сердито глядитъ на меня! Что случилось? Или это шутка со стороны Большого Джона?»

И полная неяснаго, гнетущаго, поднявшагося съ глубины души волненія, Лида вернулась на мѣсто.

— Душка Вороненокъ, тебѣ двѣнадцать поставили, сама видѣла!—зашептала ей Рантъ и незамѣтно пожала руку своей сосѣдкѣ.

— Поздравляю, Лидуша! Прекрасно отвѣтила! Здорово отрапортовала. Небось, Большой Джонъ не нарадуется на свою любимицу... И какой сюрпризъ всѣмъ намъ, а?! Большой Джонъ въ качествѣ экзаменатора!.. Шутъ знаетъ, какая важная шутка!—ликующимъ голосомъ шептала другая сосѣдка, Сима.

Но Лида не слышала ни этого веселаго шопота, ни поздравленій. Она точно упала съ неба на землю.

Суровый, почти враждебный взоръ Джона преслѣдовалъ ее и здѣсь.

— «Что съ нимъ? Что случилось? Онъ долженъ былъ бы радоваться, хвалить, одобрить, а онъ... онъ... ни одного вопроса не предложилъ, не задалъ, какъ другимъ. И этотъ взглядъ!.. Да что же наконецъ все это значитъ?..»

И Лида изнывала отъ тоски и жуткаго недоумѣнія.

Экзаменъ математики, продлившійся часа три, показался вѣчностью для Лиды.

Но вотъ, наконецъ, послѣдняя изъ выпускныхъ спрошена, дѣвочекъ выводятъ изъ залы минутъ на двадцать, пока идетъ совѣщаніе между экзаменаторами и ассистентами, и снова приводятъ для выслушанія отчета полученныхъ отмѣтокъ.

— Воронской двѣнадцать,—словно сквозь сонъ проносится на мигъ въ ушахъ Лиды, но она почти не рада высшему баллу, полученному ею.

Большой Джонъ, этотъ разгнѣванный, недовольный ею другъ, вотъ кто занялъ теперь всѣ мысли озадаченной дѣвочки.

А Большой Джонъ, между тѣмъ, сдѣлавъ общій полупоклонъ, спѣшно направился между рядами институтокъ къ выходу изъ зала.

— «Большой Джонъ уходитъ! Съ тѣмъ же странно

деревяннымъ видомъ, съ тѣмъ же офиціальнымъ лицомъ! Уходитъ такой чужой, строгій и далекій!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Нельзя его отпустить такъ! Надо выяснить все, во что бы то ни стало...»—вихремъ проносится въ головѣ Лиды, и она, нарушая всѣ правила институтскихъ традицій, выскакиваетъ до ухода начальства изъ залы и, проскользнувъ въ коридоръ, бурей несется вслѣдъ за Большимъ Джономъ.

Широко шагая своими длинными ногами, онъ идетъ далеко впереди нея. Вотъ онъ завернулъ за уголъ и должно быть уже спускается съ лѣстницы.

Такъ и есть... Сейчасъ онъ спустится, и ей уже не догнать его...

— Большой Джонъ, остановитесь!..

Этотъ крикъ—крикъ боли, страха и мольбы—вырывается изъ самыхъ нѣдръ маленькаго сердца. Онъ достигаетъ до ушей большого, крупно шагающаго человѣка. Большой Джонъ останавливается. Останавливается въ самомъ низу лѣстницы, на ея послѣднихъ ступенькахъ. Передъ нимъ блѣдное, взволнованное личико, огромные сѣрые глаза, роняющіе искру за искрой, дрожащія, подергивающіяся губы. Маленькая рука протянута впередъ. Голосъ ломается и рвется отъ волненія, охватившаго все существо Лиды.

— Большой Джонъ, что случилось?.. Да говорите же, говорите!—ломается и гнется тихій трепещущій дѣвичій голосокъ.

Большой Джонъ стоитъ, какъ истуканъ, какъ статуя командора. Но глаза уже не тѣ, чуждые, точно неживые. Въ нихъ укоръ, въ нихъ скорбь и еще что то такое, что непонятно въ эти минуты для нея, Лиды.

— Маленькая русалочка,—говоритъ Большой Джонъ все тѣмъ же чужимъ, незнакомымъ голосомъ,—я узналъ сейчасъ отъ моего товарища, что ваша классная дама, госпожа Фюрстъ, вышла въ отставку по винѣ своихъ бывшихъ воспитанницъ. Вы не послушались меня, несмотря на то, что я совѣтовалъ и просилъ во что бы то ни стало помѣшать этому. Она была сильно больна вслѣдствіе нервнаго потрясенія... и теперь... теперь...

— Теперь ей лучше, Большой Джонъ?—вырвалось изъ груди Лиды,—я видѣла еще недавно Карлушу, ея маленькаго племянника, и онъ сказалъ, что теперь...

— Теперь она умираетъ...—произнесъ Большой Джонъ и, поклонившись холоднымъ, вѣжливымъ поклономъ поблѣднѣвшей Лидѣ, исчезъ въ дверяхъ швейцарской.

ГЛАВА XIII.

О томъ, что случилось въ грозовую ночь на послѣдней аллеѣ.

ВЕСЬ день было душно какъ въ іюлѣ. Зной горючимъ, раскаленнымъ чудищемъ повисъ въ воздухѣ, опуталъ, какъ огромный гигантскій паукъ, городъ, деревья, скверы. Удушье и истома царили въ нихъ. Къ вечеру разыгралась гроза, оглушительная, сильная, несущая, казалось, гибель и смерть...

Ежесекундно, непрерывно, жутко, огнедышащія молніи разрѣзали небо. Громовые раскаты сотрясали зданіе.

Весь институтъ заперся, какъ въ коробкѣ. Заперли окна, двери, трубы. Дѣвочекъ раньше времени отвели въ дортуары и велѣли ложиться спать. Дежурная Мѣдникова, уложивъ выпускныхъ, скрылась, торопливо крестясь тайкомъ подъ теплой шалью. Ее знобило и лихорадило. Она боялась грозы. Боялись грозы и девять десятыхъ всего института. Всѣ легли, но никто

не могъ уснуть. Изъ дортуаровъ младшихъ неслись истерическіе крики и всхлипыванія. Въ «выпускномъ» дортуарѣ, влѣзши на крайнее окно и держась за оконную раму, стояла Сима Эльская. Ея глаза шаловливо блестѣли, лукаво-веселое личико смѣло улыбалось грозѣ. Закинувъ кверху бѣлокурую головку, она звучнымъ красивымъ голосомъ декламировала извѣстное стихотвореніе поэта:

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ...

Оглушительный раскатъ грома прервалъ дальнѣйшія попытки къ декламаціи. Молнія золотисто-огненной змѣею проскользнула гдѣ то близко-близко.

— Отойди отъ окна, Волька, тебя убьетъ!—взвизгнула Малявка и, исполненная трепета, полѣзла головой подъ подушку.

Передъ кіотомъ стояла Карская и, одинъ за другимъ, отбивала земные поклоны.

— Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ!—шептали поблѣднѣвшія отъ ужаса губы дѣвочки.

Въ другомъ углу шалунья Пантарова - первая кричала:

— Если насъ убьетъ грозою, какъ вы думаете, mesdam'очки, будетъ плакать Чудицкій?

Рантъ блѣдная, возбужденная, носилась подобно мотылькѣ по дортуару.

— Не бойтесь, не бойтесь, душки!—своимъ вдохновеннымъ голосомъ говорила она, дрожа отъ охватившаго ее возбужденія,—если умремъ, то всѣ умремъ сразу, молодыя, цвѣтущія, не знающія жизни... Хорошо!.. Невѣсты Христовы! Всѣ до одной! И экзаменовъ держать не надо. И протоплазма не срѣжетъ никого... Умремъ до физики, душки!.. Хорошо!..

— Рантъ, противная, не смѣй предсказывать! Тьфу... тьфу... тьфу!..—рыдала и отплевывалась въ одно и то же время Додошка.—Умирай одна, если тебѣ такъ нравится. Ты и такъ «обреченная», а я не хочу, не хочу, не хочу! .

— Додошка, на томъ свѣтѣ пирожныхъ то не дадутъ, а?.. Ясно, какъ шоколадъ!—повернула къ ней смѣющееся лицо Сима.

— Отстань! Всѣ отстаньте! Ай!.. Ай!.. Ай!..—взвизгнула не своимъ голосомъ Даурская, потому что въ этотъ мигъ золотая игла молніи снова освѣтила спальню. И зажавъ уши и плотно замкнувъ глаза, Додошка бросилась ничкомъ на кровать, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Святъ! святъ! святъ!—снова залепетала въ своемъ углу Карская.

— Боже! глупыя какія! Грозы боятся. Посмотрѣли бы, такія ли грозы на Кавказѣ бываютъ,—говорила Черкешенка. Въ ослѣпительномъ свѣтѣ грозовыхъ вспышекъ ея блѣдное, очаровательное личико, казалось, сіяло неземною красотой.

Она сидѣла на кровати Лиды.

Воронская, странно затихшая, съ темными, ничего, кромѣ глухой тоски, не выражающими глазами, лежала на своей постели, прикрытая теплымъ байковымъ платкомъ. Ея руки были холодны, какъ ледъ, голова горѣла. Зубы ея стучали. Во всемъ существѣ дѣвочки чувствовалось неописуемое жуткое волненіе. На всѣ вопросы Черкешенки, этого кроткаго, милаго, всѣми любимаго ребенка, Лида отвѣчала гробовымъ молчаніемъ.

Елена терялась въ догадкахъ, что подумать, что предпринять, что сдѣлать. О томъ, что Воронская боится грозы, Черкешенка не могла и подумать. Безстрашіе и мальчишеская удаль Лиды были хорошо извѣстны всему институту.

— Да что же наконецъ случилось съ нею? Что могло случиться?—задавала себѣ вопросы Елена и не могла найти на нихъ отвѣта.

Веселая, смѣлая, немного дерзкая Лида всегда была особенно мила и дорога ей, Гордской. Нравилась въ ней ея безшабашная удаль, ея шалости, ея прямота и тѣ особенные взгляды на вопросы чести, какимъ слѣдовала Воронская. И каждый разъ, когда сѣрые глаза Лиды туманились и словно гасли, а стриженая головка клонилась долу подъ бременемъ отягощавшей ее невзгоды, Черкешенка безпокойно и пытливо заглядывала ей въ лицо, а сердце милой южаночки сжималось отъ боли за ея любимаго «Вороненка».

Но такъ, какъ сегодня, это сердце еще не сжималось никогда, и никогда Лида Воронская не казалась Еленѣ такой несчастной, почти жалкой.

— Лидокъ, Вороненочекъ, мальчишечка ты мой милый, что съ тобой?.. Скажи, подѣлись своимъ горемъ, легче тебѣ будетъ...—снова, послѣ недолгаго молчанія, нѣжно зазвучалъ голосокъ Гордской надъ стриженой головкой.

Лида молча только вскинула на нее глазами. И въ этомъ взглядѣ Черкешенка прочла столько невыразимаго горя, что невольно отмахнулась отъ сѣрыхъ глазъ подруги.

Губы Лиды раскрылись и сквозь стиснутые зубы она едва нашла въ себѣ силы произнести:

— Уйди!.. Оставь!.. Не надо тебя!.. никого не надо...

Прелестное лицо Черкешенки исказилось ужасомъ.

— Что съ тобой, Лида? Что ты?

— Уйди!—разслышала она не то стонъ, не то скрежетъ зубовный.

— Лида!..

Тонкія руки Елены обвились вокругъ стриженой головки. Поблѣднѣвшее лицо придвинулось къ щекамъ Воронской.

— Голубчикъ, Лида, не отталкивай же меня... Подѣлись, скажи... Вѣдь я тебя такъ люблю.. Мы всѣ тебя любимъ...—роняли блѣдныя губки Гордской.

Что то неуловимое, странное судорогой пробѣжало

по лицу Лиды и исчезло, утонуло въ глубинѣ ея мгновенно потемнѣвшихъ глазъ.

— Ты любишь... Вы любите...—задыхающимся шопотомъ произнесла она, вскакивая съ постели и вытягиваясь во весь ростъ передъ ошеломленной Гордской.— Ты любишь... Вы любите... Но что мнѣ въ вашей глупой любви?.. Я не становлюсь выше отъ нея, честнѣе... Я продѣлываю злыя, гадкія шутки, а вы аплодируете мнѣ за нихъ. Я подаю подлые совѣты, а вы исполняете ихъ какъ нѣчто должное. Вы находите меня такой идеально честной, порядочной, хорошей, а я... я...

Она задохнулась на мигъ и остановилась перевести дыханіе. Теперь она уже не шептала чуть слышнымъ шопотомъ, а громко, въ голосъ, выкрикивала свои слова и укоры, дрожа, какъ листъ, отъ охватившаго ее жгучаго волненія.

Недоумѣвающія, испуганныя этими криками дѣвочки поднялись съ постелей, окружили ее. Въ ихъ глазахъ ясно отражалось оторопѣлое безпокойство, въ ихъ лицахъ—тревога и испугъ.

— Лидка!.. Вороненокъ!.. Что ты!?.. Медамочки, кто знаетъ, что съ нею?..—спрашивали онѣ другъ друга, всѣми силами стараясь получить отвѣтъ.

Лида стояла среди нихъ, попрежнему дрожащая, трепещущая, съ дико блуждающимъ взоромъ, съ подергивающимся судорогою лицомъ. Минуту-другую она не говорила ни слова. Потомъ ея глаза зажглись,

губы раскрылись, трепещущія, блѣдныя, какъ у мертвеца.

— Фюрстъ умираетъ!.. Умираетъ изъ-за насъ, изъ-за меня!.. Я убила ее своимъ поступкомъ!.. Убила ее!..—выкрикнула она дикимъ, точно чужимъ голосомъ и, растолкавъ сгруппировавшихся вокругъ нея подругъ, стрѣлой вылетѣла изъ спальни.

. . . . . .

Сверкала молнія. Гремѣлъ громъ.

Темнота окутала длинные коридоры, огромную залу, просторную библіотеку, классы и столовую, словомъ—все зданіе съ одного конца до другого. Металлическіе подсвѣчники звенѣли въ запертой церкви при каждомъ громовомъ ударѣ, и этотъ звонъ казался сверхъестественнымъ и страшнымъ въ ночной часъ. Темнота прорѣзывалась яркими вспышками молніи каждыя три секунды и громовые удары потрясали все зданіе.

Не слыша ногъ подъ собой, трепещущая, задыхающаяся, точно на крыльяхъ, мчалась Лида. Ея мысли неслись быстрѣе, чѣмъ она бѣжала, ея губы шептали безсвязно:

— Искупленіе!.. Прощеніе!.. Господи, суди и карай меня!.. Суди и карай, Господи!.. Но спаси и помилуй Мину Карловну!.. Спаси!.. Спаси!.. Спаси!..

И она мчалась по коридорамъ и лѣстницѣ, по нижней площадкѣ, мимо швейцарской и «мертвецкой»—не-

большой террасы-комнатки, похожей на часовню, гдѣ ставили гробы рѣдко умиравшихъ въ институтѣ воспитанницъ.

Вотъ и стеклянная дверь. За нею крыльцо, лѣстница, спускающаяся съ садъ.

Что, если она окажется запертою?

Но нѣтъ, слава Богу, входъ въ садъ закрытъ только на задвижку. Очевидно никому и въ голову не пришло запереть дверь на ключъ. Кто захочетъ выйти въ садъ въ такую ужасную погоду?

Мысли Лиды несутся съ поразительной быстротой. Что ей надо здѣсь? Зачѣмъ она сюда прибѣжала? Но этотъ вопросъ она задаетъ себѣ лишь на секунду. Въ слѣдующую же секунду онъ уже рѣшенъ.

Фюрстъ умираетъ изъ-за нея. Она, Лидія Воронская, виновница ея смерти. Она убійца. Нужно искупленіе, надо, во что бы то ни стало, пожертвовать собою. Надо предложить себя, свою жизнь, взамѣнъ жизни фрейлейнъ, столь необходимой ея бѣднымъ маленькимъ племянникамъ и ея несчастной сестрѣ. И Верховное Существо разсудитъ, рѣшитъ. Господь всесиленъ и справедливъ, и она, Лида, знаетъ это. Если она заслужила, пусть молнія убьетъ ее, Лиду, но только пусть не умираетъ Мина Карловна. О, пусть не умираетъ она, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

И рванувъ что было силы стеклянную дверь, Воронская стремглавъ сбѣгаетъ съ лѣстницы и несется черезъ

садовую «крокетную» площадку туда, въ дальнюю аллею, гдѣ темно и жутко, гдѣ глухо шумятъ деревья и гдѣ бѣлѣетъ чуть замѣтная каменная плита.

— Протоплазма говорилъ на физическомъ урокѣ, что дерево хорошо притягиваетъ молнію,—съ трудомъ соображаетъ Лида,—и если я встану подъ деревомъ, молнія ударитъ въ него, и я умру... И я готова умереть, только, только, Господи, спаси фрейлейнъ отъ смерти... Сохрани ея жизнь, дорогой Господи, прекрасный, милостивый, добрый... Ахъ!..

Ударъ грома, оглушительнѣе всѣхъ предыдущихъ, ухнулъ со всею силой. Ухнулъ и раскатился по всему саду трескучимъ, расплывшимся ударомъ, сотрясая, казалось, небо, землю, весь огромный міръ.

Одновременно блеснула молнія, стало свѣтло на мигъ, какъ днемъ, въ огромномъ старомъ саду. Маленькая рука торопливо сдѣлала крестное знаменіе. И снова все потемнѣло, словно осенней ночью, потемнѣло изъ-за черныхъ угрюмыхъ тучъ, обложившихъ небо...

Тѣмъ же быстрымъ бѣгомъ Воронская достигла послѣдней аллеи. Здѣсь стояла высокая старая липа, уже расщепленная когда то грозою. Въ трехъ шагахъ отъ нея находилась плита святой Агніи.

Вѣтви липы раскинулись шатромъ надъ воображаемой могилой легендарной монахини. Въ эту легенду о святой Агніи Лида не вѣрила и смѣялась, когда подруги разсказывали о ней. И не для святой Агніи, не

ради того, чтобы получить душевный покой отъ ея могилы, прибѣжала сюда дѣвочка. Нѣтъ! Ея всколыхнувшаяся и наполненная ужасомъ душа ждала иного. Самымъ чистосердечнымъ образомъ она считала себя преступницей съ той минуты, когда Большой Джонъ открылъ ей печальную новость. А всякое преступленіе, по мнѣнію Лиды, должно быть искуплено. И, со свойственной ей горячностью, пылкая во всемъ, необузданная дѣвочка, въ страстномъ порывѣ охватившаго ее отчаянія, взамѣнъ спасенія умирающей Фюрстъ, предлагала взять ея собственную юную жизнь. Въ ту самую минуту, когда Черкешенка допытывалась тамъ, въ дортуарѣ, о причинѣ мрачнаго отчаянія, охватившаго ея подругу, эта мысль явилась въ душѣ Лиды и яркимъ свѣтомъ озарила ее.

— «Преступленіе должно быть искуплено»,—мелькнуло тогда впервые въ разгоряченномъ мозгу дѣвочки, и она рѣшила тутъ же привести въ исполненіе свою мысль. Рѣшила бѣжать въ садъ, подъ старую вѣковую липу, уже расщепленную однажды молніей, и, вставъ на колѣни, молиться Богу о томъ, чтобы вмѣсто жизни ни въ чемъ неповинной Мины Карловны Богъ взялъ бы ея, Лидину, никому не нужную, какъ ей казалось въ эти минуты, безполезную жизнь.

И вотъ она здѣсь, на послѣдней аллеѣ, подъ глухо ропщущими вѣтвями столѣтняго великана.

Не теряя ни минуты, она опускается на колѣни, на

горячую, всю словно насыщенную электричествомъ землю и, стиснувъ до боли свои худенькіе ломкіе пальцы, молится безмолвно, безъ словъ, одними мыслями, однимъ горячимъ, объемлющимъ всю ея трепещущую душу, порывомъ:

— Господи!.. Возьми мою жизнь! Убей меня молніей!.. И спаси ее... спаси ее... если можно!..

Грудь Лиды рвется, сердце пылаетъ отъ огня.

Новый потрясающій ударъ грома заставилъ ее невольно оторвать лицо отъ травы. Жуткій ослѣпительный свѣтъ освѣтилъ садъ. Лида взглянула туда, въ конецъ далекой змѣйкой вьющейся аллеи, и тихо вскрикнула отъ неожиданности.

Высокая, во все черное одѣтая, фигура, казавшаяся огромной при ослѣпительной вспышкѣ молніи, медленно подвигалась по направленію къ ней.

— Кто это?.. Агнія?.. Призракъ?.. Но вѣдь Агнія легенда, преданіе, и призраки не приходятъ къ намъ!..— теряясь въ догадкахъ, медленно соображала уставшая отъ перенесеннаго потрясенія голова дѣвочки.

А черная фигура все подвигалась и подвигалась въ темнотѣ, о чемъ передавалъ слуху дѣвочки хрустящій подъ ея стопами гравій дорожки, подвигалась все ближе и ближе къ Лидѣ, озаряемая отъ времени до времени мгновеннымъ свѣтомъ молніи, величавая, огромная и таинственная...

— Кто это?.. Кто это?..—не переставалъ работать

усталый мозгъ Лиды, и она вглядывалась въ темноту воспаленными отъ напряженія глазами.

И ни страха, ни трепета не ощущала ея усталая душа.

Шаги между тѣмъ становились слышнѣе, камешки и гравій все громче похрустывали подъ ними.

Вотъ фигура почти поровнялась съ плитою. Послышалось ея тяжелое, свистящее дыханіе.

Молнія вспыхнула снова и озарила фигуру всю съ головы до ногъ.

— Maman!

— Воронская!

Эти два крика вырвались одновременно и слились въ одинъ.

И одновременно баронесса-начальница (черная высокая фигура оказалась ею, одѣтой въ просторный темный капотъ, съ обмотанной чернымъ шарфомъ головой) и выпускная «первая» узнали другъ друга.

Баронесса дышала съ трудомъ, ея лицо было очень блѣдно. Лида поняла сразу, что значило это блѣдное лицо, эта ужасная одышка. Maman страдала астмой и въ минуты припадка астматическаго удушья находила единственное отъ нея спасеніе, выходя на воздухъ въ садъ. Присутствіе ея ночью въ послѣдней аллеѣ объяснялось такимъ образомъ очень просто, но присутствіе здѣсь Воронской для начальницы казалось совсѣмъ необъяснимымъ.

— Какимъ образомъ ты...—начала было она, съ трудомъ переводя дыханіе, и лицо ея, съ явно выраженнымъ на немъ признакомъ страданія, нахмурилось и стало гнѣвнымъ въ этотъ мигъ.

Но Лида, не давъ баронессѣ докончить начатую фразу, быстрымъ движеніемъ вскочила съ травы, стремительно миновала раздѣляющее обѣихъ ихъ пространство, схватила руки начальницы, спрятала въ нихъ свое пылающее лицо и глухо произнесла:

— О, я хотѣла умереть!.. Я не могу... я не стою жизни, когда она, она умираетъ изъ-за меня... изъ-за насъ!.. Господи, если бы молнія убила меня, я бы была теперь такой счастливой, не мучилась, не страдала... О, maman, если бы вы знали только!.. Голубушка, maman, какая это тоска, какая мука!..—заключила свою рѣчь съ страстнымъ отчаяніемъ бѣдная дѣвочка.

Должно быть много затаеннаго горя уловило въ этомъ возгласѣ чуткое сердце начальницы, потому что ея грозно нахмуренныя брови разгладились надъ строгими гнѣвными глазами и тревожно обратились къ стриженой, прильнувшей къ ея рукамъ, головкѣ.

— Что съ тобой, дѣвочка?.. Что съ тобой?..—произнесла баронесса, своими крупными руками обвила плечи дѣвочки и насильно посадила ее на близъ стоявшую садовую скамью.—Разскажи все, все, что случи-

лось... Или нѣтъ,—плачь, плачь, лучше выплачься прежде всего, бѣдняжка. Тебѣ будетъ легче. Такое состояніе должно разрѣшиться слезами. Плачь, плачь!..

И maman съ материнской нѣжностью заглянула въ лицо Лиды.

Глухой стонъ снова вырвался изъ-за сжатыхъ зубовъ дѣвочки, стонъ, но не слезы. Волненіе было слишкомъ велико; плакать она не могла... И вслѣдъ за этимъ стономъ тотчасъ же полились другіе. Это были стоны-слова, слова-вопли, исторгнутые изъ стѣсненной груди несчастной. Это былъ цѣлый потокъ признанія, мучительнаго, остраго, изжегшаго, какъ молнія, все ея существо. Закрывъ лицо руками, упавъ головой въ колѣни присѣвшей рядомъ съ ней начальницы, Лида говорила глухо, страстно, обрываясь на каждомъ словѣ, какъ преступникъ, кающійся на судѣ.

Все было повѣдано: и исторія съ Фюрстъ, и нарушеніе совѣта Большого Джона, по винѣ ея, Лиды, ея—преступницы, одной виновницы всего, всего.

— И вотъ, когда я узнала о томъ, что смерть грозитъ фрейлейнъ, я прибѣжала сюда... я сама захотѣла умереть,—заключила она свою животрепещущую исповѣдь.

Крупная, полная рука баронессы легла ей на плечо. На глазахъ начальницы показались слезы, которыхъ однако не могли видѣть сѣрые глаза Воронской. Голосомъ, полнымъ сочувствія и ласки, баронесса заговорила:

— Бѣдное дитя, я не хочу говорить о великомъ грѣхѣ желанія себѣ смерти и гибели. Не буду говорить и о горѣ родителей, твоихъ родителей, если бы они потеряли тебя. Господь бы не попустилъ совершиться твоему неразумному желанію. И твоя смерть не могла бы принести искупленія ни въ какомъ случаѣ. Но дѣло не въ этомъ. Твой поступокъ—дѣтскій порывъ и безуміе. Твоя совѣсть можетъ найти себѣ покой инымъ путемъ... Я была у фрейлейнъ Фюрстъ сегодня. Ей, правда, очень худо, она при смерти. Твой другъ, monsieur Вилькингъ, не обманулъ тебя. Но все въ рукахъ Божіихъ, и бываетъ такъ, что серьезно больные и умирающіе поднимаются на ноги, выздоравливаютъ—во имя Его святой воли. Завтра я ѣду снова къ Минѣ Карловнѣ и возьму тебя съ собой. Ты будешь помогать ухаживать за больною ея сестрѣ, и, кто знаетъ, можетъ быть успокоится немного твоя измученная совѣсть, когда ты если не словомъ, то безмолвнымъ дѣйствіемъ испросишь прощеніе у той, которую ты такъ жестоко обижала... Неправда ли, ты поѣдешь къ ней?...

— О!..—могла только произнести Лида и прильнула горячими губами къ рукѣ своей собесѣдницы.

— А теперь Христосъ съ тобою, иди спать, выспись хорошенько. Завтра къ девяти часамъ ты придешь ко мнѣ... Послѣзавтра у васъ русскій экзаменъ. Ты достаточно ли къ нему подготовилась за годъ, чтобы пожертвовать оставшимся тебѣ днемъ уходу за больной?

— Да, maman. Я готовилась къ русскому экзамену на Пасхѣ, такъ какъ мы знали, что намъ дается на подготовку къ нему одинъ только день,—черезъ силу выговорили дрожащія губы Лиды.

— Отлично. Все устраивается прекрасно, какъ видишь. Ступай же спать. Господь съ тобою! И не думай ни о чемъ больше, сегодня, по крайней мѣрѣ. Господь милостивъ, и, дастъ Богъ, фрейлейнъ Фюрстъ выздоровѣетъ и вернется къ намъ.

— О, если такъ, если такъ, то я... то я... буду первою ея защитницей и...

Лида не договорила. Что то засосало ея сердце. Спазмы сжали ей горло. Она сдѣлала усиліе надъ собою, чтобы удержать готовое вырваться изъ груди рыданіе, и, еще разъ поцѣловавъ руку начальницы, быстро пошла по аллеѣ, ведущей къ площадкѣ и крыльцу.

Гроза прекратилась. Громовые удары затихли въ отдаленіи, тучи раздвинулись, и сѣроватыя сумерки бѣлой ночи прорвались наконецъ и заполнили садъ.

Измученному сердечку стриженой дѣвочки эта сѣровато-бѣлая полночь вмѣстѣ съ миновавшей грозою показалась вѣстникомъ благополучія и надежды.

ГЛАВА XIV.

У «шпіонки».—Больной Фрицъ.—Въ бреду.

— Остановись, Иванъ, у сѣраго дома.

И, сказавъ это, баронесса захлопнула крошечную форточку, продѣланную въ передней части кареты и снова откинулась въ уголъ сидѣнья, мелькомъ взглянувъ на свою спутницу.

Лида въ своей скромной форменной фетровой шляпѣ и въ темномъ драповомъ зеленомъ пальто казалась очень встревоженной и блѣдной.

Всю ночь напролетъ дѣвочка не смыкала глазъ, встала, умылась и одѣлась съ первыми лучами солнца; уже къ семи часамъ утра она дежурила у дверей пріемной начальницы.

Послѣдняя сдержала слово и взяла Воронскую къ больной.

— Пріѣхали, выходи,—произнесъ лаконически голосъ баронессы, въ то время какъ выѣздной Сидоръ

широко распахнулъ дверцу кареты и осторожно высадилъ изъ нея начальницу и ея юную спутницу.

Сіявшее такъ весело въ это утро солнце теперь скрылось. Тучи снова собрались на потемнѣвшемъ небѣ, и крупныя рѣдкія капли дождя зашлепали на мостовую.

Вслѣдъ за медленно шагавшей своей величавой походкой «maman», Лида прошла въ какія то ворота, миновала узкій, нечистый дворъ, заставленный наполовину дровами и всякимъ хламомъ, и стала подниматься по грязной лѣстницѣ съ грязными же, темными и кривыми ступенями.

Добравшись до пятаго этажа, онѣ повернули на маленькую площадку, добрую треть которой занимала большая, полуразвалившаяся корзина, до верху наполненная двумя глыбами льда. Третья глыба лежала на каменномъ полу площадки. Сидѣвшая передъ ней на корточкахъ бѣлокурая дѣвушка отбивала куски льда большимъ кухоннымъ ножомъ. При видѣ вновь прибывшихъ дѣвушка быстро вскочила на ноги и, вся закраснѣвшись, начала спѣшно вытирать багровыя отъ холоднаго льда руки о синій клѣтчатый передникъ.

— Здравствуйте, Лина, милая моя,—ласково произнесла баронесса и, наклонившись къ дѣвушкѣ, поцѣловала ее въ бѣлый, открытый, удивительно чистый лобъ.

— Что, какъ здоровье тети? Лучше ли ей?—тѣмъ же ласковымъ голосомъ спросила «maman», гладя бѣлокурую головку дѣвушки.

Голубоглазая Каролина всплеснула руками, быстрымъ движеніемъ поднесла ихъ къ лицу и тихо, жалобно заплакала.

Этотъ тихій, жалобный, словно дѣтскій плачъ отозвался мучительнымъ отзвукомъ въ сердцѣ Лиды.

— Ей худо... Она умираетъ. . О, Господи, помоги ей!..— пронеслось въ ея головѣ безумнымъ вихремъ, и сердце болѣзненно застучало въ груди.

Словно чувствуя, что происходитъ въ этомъ изболѣвшемъ бѣдненькомъ сердцѣ, баронесса положила руку на плечо дѣвочки и повела ее въ дверь, предупредительно распахнутую передъ ними Каролиной.

Онѣ очутились въ маленькой, удивительно чистенькой кухнѣ, гдѣ бѣдность и порядокъ одновременно бросались въ глаза.

У окна стояло старое потертое кожаное кресло, и въ немъ сидѣло, согнувшись въ три погибели, какое то странное, уродливое существо съ длиннымъ старообразнымъ лицомъ, съ хмурыми, темными, злыми глазами, съ изогнутой колесомъ спиной, съ синими губами и безжизненно повисшими, какъ плети, словно неживыми ногами. Блѣдная кожа на лицѣ этого страшнаго и жалкаго уродца была такъ прозрачна, что каждая жилка, каждая вена сквозила изъ-подъ нея.

— Не бойтесь! Это братецъ Фрицъ. У него туберкулезъ спинного хребта. Онъ неизлечимо больной,—услышала нѣжный голосокъ Лида и тутъ только увидѣла

маленькую, лѣтъ одиннадцати, дѣвочку, свернувшуюся у ногъ больного и ковырявшую что то въ цѣломъ ворохѣ гаруса и разноцвѣтныхъ лоскутковъ.

— Здравствуй, Марія, — кивнула баронесса дѣвочкѣ,—вотъ я привезла мою молоденькую воспитанницу. Она хочетъ помочь ухаживать за вашей тетей.

И, говоря это, она подтолкнула Лиду немного впередъ.

Но тутъ маленькій уродъ, спокойно сидѣвшій до сихъ поръ въ креслѣ, вдругъ неожиданно заволновался, захрипѣлъ и, какъ большая ощипанная птица, замахалъ руками. Изо рта его выскользнули хриплые звуки, неумѣло слагавшіеся въ слова. Черные, угрюмые, дико вытаращенные глаза уставились прямо въ лицо Лиды.

— Уйди!.. Убирайся!.. Чужая!.. Чужая!.. Злая!.. Не хочу!.. Не хочу!.. Тетю онѣ убили!.. мою тетю!.. Онѣ... Онѣ... Га-га-га-га-га!.. Убирайся отсюда вонъ!.. вонъ!.. вонъ!.. Буду кусаться, буду, буду!..

И онъ рванулся съ такой силой съ кресла, что едва усидѣлъ на немъ.

Воронская въ ужасѣ закрыла лицо руками и прижалась къ начальницѣ.

Когда она снова взглянула, между ней и больнымъ уродцемъ стояла знакомая маленькая фигура мальчика съ бѣлокурыми локонами и старообразнымъ, но, тѣмъ не менѣе, прелестнымъ лицомъ.

— Здравствуй! — протягивая крошечную ручонку,

произнесъ Карлуша, тотъ самый Карлуша, съ которымъ такъ неожиданно встрѣтилась передъ исповѣдью Лида въ комнатѣ Фюрстъ.

— Здравствуй и ты,—проговорилъ онъ, обращаясь къ начальницѣ института, и, нимало не смущаясь, протянулъ руку ей. — Это хорошо, что вы пріѣхали, вы поможете мамѣ. Она устала, не спавши столько ночей... И Лина устала, вѣдь ей надо постоянно колоть ледъ для пузыря и бѣгать за лѣкарствомъ... А ты зачѣмъ крпчалъ и безпокоилъ тетю?..—неожиданно обратился онъ, строго нахмуривъ брови и кладя руку на голову уродца, и пристально, не по дѣтски серьезно, заглянулъ ему въ глаза.

— Не смѣй капризничать, Фрицъ!..—строго, какъ взрослый, помолчавъ немного, произнесъ онъ, обращаясь къ брату.—Не смѣй безпокоить больную тетю, а то я, твой братишка Карлуша, перестану любить тебя.

Что то новое, осмысленное, человѣческое зажглось въ озлобленныхъ, мрачно горящихъ глазахъ уродца. По призрачно блѣдному, болѣзненному, ненормально длинному лицу промелькнула блаженная улыбка.

— Не буду... га... га-га-га... не буду...—срывалось несвязными звуками съ его синихъ губъ,—не сердись только... не разлюби Фрица... пожалуйста, не разлюби...—залепеталъ онъ,—Фрицъ калѣка... Фрицъ несчастный навсегда... — прибавилъ онъ неожиданно, разражаясь жалобнымъ плачемъ.

— Не разлюблю... — произнесъ Карлуша и, поднявшись на цыпочки, коснулся губами несоразмѣрно большой головы уродца.

И опять по лицу несчастнаго Фрица проползла блаженная, широкая улыбка. Очевидно этотъ маленькій свѣтлокудрый Карлуша являлся ангеломъ-утѣшителемъ, свѣтлымъ лучомъ солнца среди жалкаго прозябанія несчастнаго калѣки-брата...

На порогѣ кухни показалась худая, высокая женщина съ заплаканными глазами, очень бѣдно одѣтая и отдаленно напоминавшая кого то Лидѣ. Она бросилась къ начальницѣ, отъ нея къ Воронской и залепетала взволнованнымъ лепетомъ, хватая и нервно тряся имъ руки:

— Благодарю... о, благодарю... что пріѣхали къ намъ!.. Моя бѣдная Мина!.. О... она такъ плоха, бѣдняжка!.. Сегодня былъ господинъ пасторъ и не могъ ее напутствовать даже... Очень, очень плоха... Благодарю, благодарю васъ, что навѣстили, баронесса, благодѣтельница наша, и вы, ангелочекъ барышня...

И прежде нежели Лида успѣла отдернуть руку, заплаканная женщина поднесла ее къ своимъ губамъ.

Горячій поцѣлуй и упавшая чужая слеза обожгли все существо Лиды. Она удержалась съ трудомъ, чтобы не крикнуть:

— «О, не дѣлайте этого!.. Если бы вы знали, кто

передъ вами!.. Я погубила вашу сестру, я ея убійца, я, я...»

Но словно невидимыя путы легли на губы дѣвочки, не давая ей говорить.

— Былъ докторъ сегодня?—тихо освѣдомилась баронесса у хозяйки этого убогаго жилья.

— Докторъ былъ рано утромъ и еще пріѣдетъ вечеромъ... Сегодня роковая ночь, сегодня переломъ болѣзни, и нашъ ангелъ, Мина, или выздоровѣетъ, или...

Несчастная женщина не договорила, закрыла лицо руками и зарыдала навзрыдъ. За нею заплакала Марія, упавъ головой на полъ и зарывъ лицо въ лежащую передъ нею груду лоскутковъ.

Калѣка, больной Фрицъ, скорчилъ безобразную плаксивую гримасу, видя слезы матери и сестры, и занылъ громко:

— Га-га-га-га... Тетя Мина... Хочу тетю Мину, га-га-га-га...

— Молчи, а то я уйду сейчасъ и ты меня никогда не увидишь,—строгимъ голосомъ прикрикнулъ на него Карлуша, потомъ подошелъ къ матери, всталъ на цыпочки передъ нею, дотянулся до ея лица и съ трудомъ оторвалъ отъ него залитыя слезами руки.

— Не надо плакать, мама... Господинъ пасторъ сказалъ: «на все воля Божія»... Или ты не слышала этого?.. А теперь ложись спать, мама, а я и Марихенъ займемъ Фрица, чтобы онъ не кричалъ. Каролина пой-

детъ въ аптеку. А ты,—неожиданно отнесся онъ къ Лидѣ Воронской,—ты пойдешь посидѣть къ тетѣ Минхенъ... И ты тоже...—тономъ, не допускающимъ возраженій, обратился онъ къ баронессѣ. И первый, сдѣлавъ имъ знакъ слѣдовать за собою, вышелъ изъ кухни, служившей, впрочемъ, столовой и гостиной несчастной семьѣ.

Они миновали всѣ трое крошечный коридорчикъ, за нимъ темную комнату, гдѣ стояли убогія кровати обоихъ мальчиковъ, и очутились въ небольшомъ помѣщеніи, гдѣ царила полумгла отъ завѣшаннаго темнымъ платкомъ окошка. Тяжелый, специфическій, ѣдкій запахъ камфоры, мускуса и еще какого то лѣкарства ударилъ въ голову вновь пришедшимъ. У Лиды голова закружилась, и она принуждена была остановиться на порогѣ и закрыть глаза.

— Вамъ дурно?.. Хотите воды?.. Это у васъ съ непривычки...—услышала она нѣжный голосъ и, открывъ глаза, увидѣла бѣлокурую Каролину.

Дѣвочка стояла у широкой постели, на которой лежалъ кто то.

Лида пристально вглядѣлась въ лежавшую, чуть не вскрикнула и отшатнулась назадъ...

Передъ ней лежалъ живой мертвецъ съ обтянутыми желтой кожей костями, съ провалившимися щеками, съ запекшимся отъ жара ртомъ. Полголовы, похожей на голову скелета, занималъ огромный гуттаперчевый пу-

зырь со льдомъ, а изъ-подъ него пристально и серьезно смотрѣли прямо на Лиду два огромные, глубоко запавшіе глаза съ неестественно расширенными и горящими, какъ факелы, зрачками.

Въ этомъ изможденномъ, на десятки лѣтъ постарѣвшемъ лицѣ было трудно признать бѣлесоватую фрейлейнъ Фюрстъ, съ ея обиженно сложенными губами, съ ея безцвѣтными глазами, скорбно поблескивавшими изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

И опять сердце Лиды сжалось мучительной тоской и болью.

— «Вотъ что ты сдѣлала, полюбуйся на дѣло рукъ твоихъ»... — глухо и четко выговорилъ внутри ея неумолимый голосъ.

Она зашаталась и принуждена была сѣсть въ подставленное ей Каролиной кресло, стоявшее около постели. Въ другое кресло, у изголовья больной, опустилась баронесса.

Лида машинально, ничего не соображая, замѣтила, какъ начальница подозвала Каролину и долго шопотомъ бесѣдовала съ нею. Потомъ вынула портмонэ изъ кармана и отдала его дѣвушкѣ.

— Купите все необходимое... И не экономьте, Бога ради... Въ такихъ случаяхъ экономить нельзя...—услышала Воронская звучный шопотъ баронессы.

И другой шопотъ, робкій, плачущій, отвѣчалъ чуть слышно:

— О, вы такъ добры!.. Господь благословитъ васъ... Но деньги еще у меня есть... ваши деньги... отъ вчерашняго остались... и прежнія еще...

И, боясь разрыдаться и потревожить больную, бѣлокурая Каролина выскользнула изъ комнаты.

А Лида все не отрывалась, не отводила взора отъ больной. Казалось, какія то чары приковывали къ ней глаза дѣвочки. Невыносимыя терзанія наполняли всю душу ея. Внутренній голосъ, не переставая, заставлялъ содрогаться все ея существо. Этотъ голосъ говорилъ:

— «Любуйся... смотри... смотри, что ты надѣлала, жестокое, злое маленькое существо... Кормилицу-поилицу семьи своей выходкой до чего довела ты, гадкая, скверная... Казнись же, казнись теперь, всегда, на всю жизнь»...

И глаза стриженой дѣвочки помимо ихъ воли впились съ робкой мольбой и надеждой въ другіе, страшнымъ огнемъ лихорадочнаго безумія горѣвшіе, глаза.

А сама больная избрала, казалось, пунктомъ наблюденія худенькое личико сѣроглазой дѣвочки и, въ свою очередь, впилась въ нее безсознательнымъ взглядомъ.

Но вотъ усталыя вѣки упали и скрыли отъ Лиды дико горящій взглядъ больной. Дѣвочка облегченно вздохнула.

— Кажется, уснула...—съ робкой надеждой промелькнуло въ ея мысляхъ. И въ ту же минуту она задрожала всѣмъ тѣломъ.

Съ губъ Мины Карловны слетѣло какое то безсвязное бормотаніе, непонятное, едва уловимое для слуха.

Но вотъ оно становится съ каждой минутой все явственнѣе, все слышнѣе.

Фюрстъ запрокидываетъ голову, протягиваетъ костлявыя руки впередъ и, съ широко раскрытымъ, обезумѣвшимъ отъ ужаса, взглядомъ сначала шепчетъ, а потомъ кричитъ дикимъ и страшнымъ голосомъ:

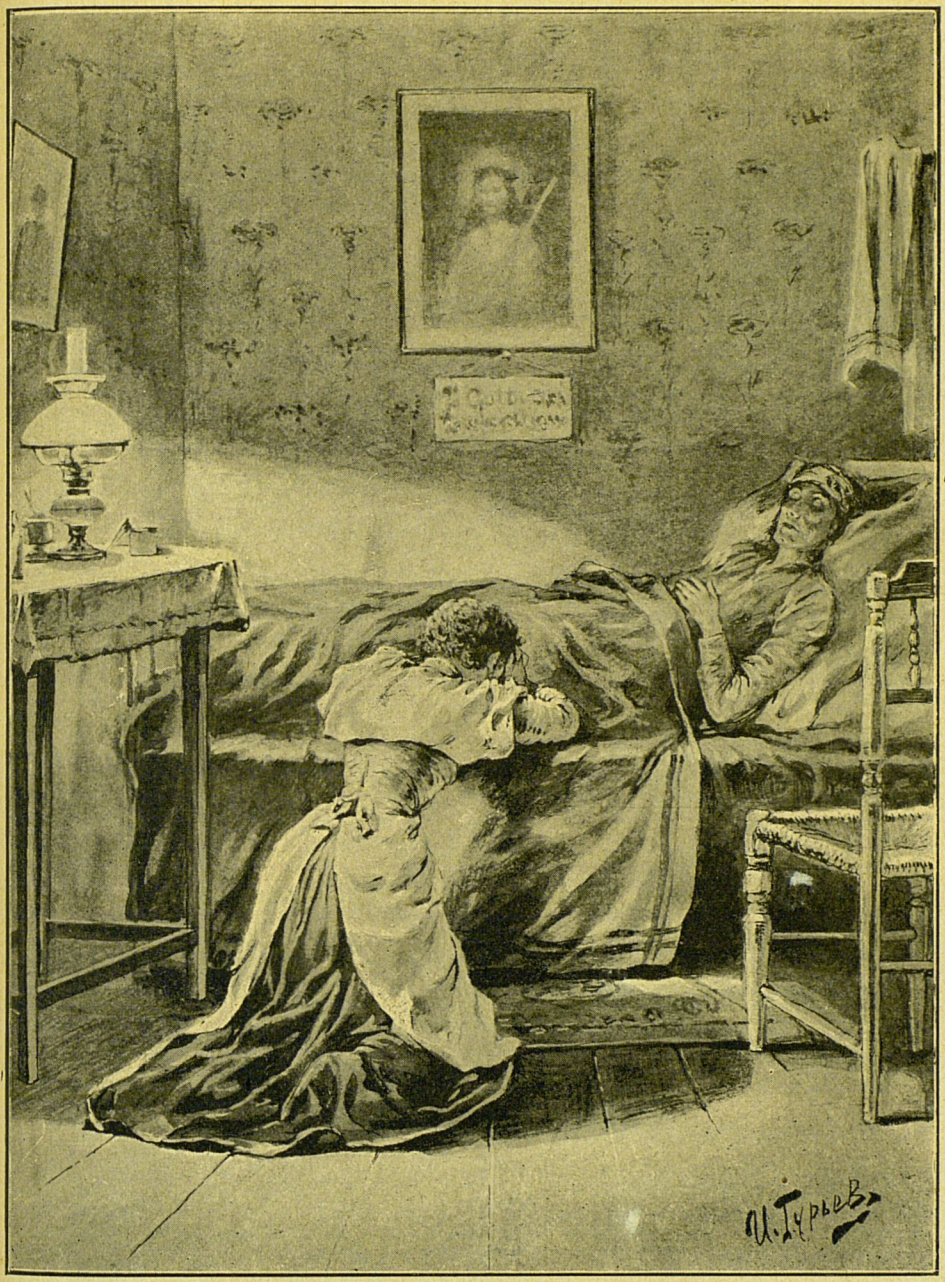
— Возьмите ихъ!.. возьмите!.. Вотъ онѣ всѣ... тутъ... Сюда пришли мучить меня... прогоните ихъ!.. Вонъ онѣ... Бухарина... Рантъ... Пантарова... Даурская... Макарова... Воронская...О, не пускайте ихъ... Онѣ колютъ, щиплютъ, рѣжутъ меня... Онѣ мучатъ... Пантарова... Воронская... Lassen sie mich, um Gottes willen! Oh, quaellen sie mich nicht! *) Прочь!.. Прочь!.. Онѣ убьютъ меня... онѣ...

Что было дальше—Лида не помнитъ. Съ глухимъ стономъ, зажимая глаза и уши, она бросилась къ баронессѣ, упала головой въ ея колѣни и зарылась въ нихъ лицомъ, какъ вчера въ саду ночью.

— Уѣдемъ, дитя. Ты слишкомъ нервна и впечатлительна,—проговорила maman, лаская ея головку.—Больная безъ сознанія, она бредитъ. Уйди отсюда. Это слишкомъ дѣйствуетъ на твои нервы... Сейчасъ я увезу тебя домой.

— О, нѣтъ... нѣтъ...—съ ужасомъ прошептала

*) Оставьте меня, ради Бога! Не мучьте меня!



Лида стояла на колѣняхъ подлѣ постели...

Лида,—умоляю васъ... Я умру тамъ, ничего не видя, не зная... Пожалуйста, ради всего въ мірѣ, оставьте меня, голубушка моя...

И забывъ казенный этикетъ, дисциплину и весь міръ, Лида упала головой на грудь начальницы и сжала ея шею тонкими, еще дѣтскими руками...

. . . . . .

Секунды... минуты... часы...

Часы... минуты... секунды...

Лида едва понимаетъ и сознаетъ, какъ сквозь сонъ, гдѣ она находится, не понимаетъ—день или ночь въ природѣ сейчасъ, и когда прошелъ день, и когда началась ночь... Темный платокъ, завѣшивающій окно, одинаково не пропускаетъ ни ночной мглы, ни солнечнаго сіянія.

Убогая, подъ зеленымъ абажуромъ, лампа бросаетъ робкій свѣтъ на обстановку комнаты, на присутствующихъ здѣсь людей, на самое больную. Maman дремлетъ въ креслѣ, но ежеминутно открываетъ глаза и тревожно взглядываетъ на фрейлейнъ Фюрстъ.

И Лидѣ странными и нелѣпыми кажутся сидящія здѣсь, у постели больной, и обычно строгая и величавая начальница, и она сама, въ своемъ зеленомъ камлотовомъ платьицѣ, съ бѣлой пелеринкой и фартукомъ.

Больная попрежнему то дико мечется, кричитъ и бредитъ, то затихаетъ и пристально смотритъ горящими глазами впередъ, прямо въ лицо сѣроглазой

дѣвочки, не спускающей въ свою очередь съ нея взгляда.

Минутами Лидѣ кажется, что она спитъ и видитъ все это во снѣ.

Лида видитъ бѣлокурую Лину, съ нѣжной настойчивостью заставляющую ее выпить чашку бульона, видитъ незнакомаго господина, вполголоса разговаривающаго съ maman. Она смутно догадывается, что это докторъ. Докторъ говоритъ:

— Случай довольно трудный. Восемьдесятъ процентовъ за смертельный исходъ. У больной сильное воспаленіе мозговыхъ оболочекъ на почвѣ нервнаго потрясенія. Конечно, бываютъ и счастливые исходы, но это какъ рѣдкость. И въ данномъ случаѣ выздоровленіе почти немыслимо—больная слишкомъ изнурена и обезсилена. А впрочемъ, врачъ долженъ до послѣдней минуты оспаривать жертву, намѣченную смертью. Если бы больная уснула крѣпкимъ, нормальнымъ сномъ въ эту ночь кризиса, спасеніе вѣроятно могло бы быть. Но только...

Докторъ замялся немного и потомъ совсѣмъ уже неожиданно заключилъ:

— А удастся спасти больную, тогда необходимо отправить ее куда-нибудь на югъ до полнаго исцѣленія.

— Да, да, надо сдѣлать все!..—слышитъ какъ сквозь сонъ Лида голосъ баронессы.

И снова колючими тисками сжимается сердце стриженой дѣвочки.

Слезъ нѣтъ, глаза сухи, но огромная мольба разрастается въ ея груди, затопляетъ ее всю и растворяется въ безмолвной, страстной молитвѣ:

— Боже великій и милосердный!.. Спаси ее!.. Спаси!.. И я буду другая!.. Я исправлюсь, Господи, исправлюсь совсѣмъ!..

. . . . . .

Лампа подъ зеленымъ абажуромъ льетъ свой тихій свѣтъ какъ и прежде.

Дверь скрипнула, вошла Каролина.

— А я вамъ чаю принесла, не выпьете ли...—говоритъ она шопотомъ и ставитъ чашку на столикъ съ лекарствомъ.

Maman нѣтъ въ комнатѣ, она вышла въ сосѣднюю каморку утѣшить хозяйку дома, сдержанное рыданіе которой слышится за стѣной.

Каролина медленно опускается въ большое кресло.

— Скоро опять докторъ пріѣдетъ,—роняетъ она и глаза ея съ безконечной любовью и грустью останавливаются на лицѣ больной.

— Тетя Мина, милая, дорогая, не уходи отъ насъ, отъ твоихъ дѣтей...—шепчетъ она черезъ минуту молчанія, и слезы градомъ сверкающихъ алмазинъ падаютъ съ ея рѣсницъ. Потомъ она говоритъ шопотомъ, всхлипывая и задыхаясь, о томъ, какъ добра, какъ безконечно добра ея тетя... У нихъ бѣдность, недостатки, больная мать, братъ-калѣка... Онѣ съ Мари еще въ ученьѣ у

портнихи, Карлъ—малютка, и все ихъ благополучіе зиждилось на тетѣ Минѣ. На ней одной. Она была всегда ихъ добрымъ ангеломъ, ихъ спасительницей. Ее не понимали, не любили въ институтѣ. Говорили, что она подсматриваетъ, подслушиваетъ, доноситъ, а между тѣмъ она такъ заботилась о своихъ воспитанницахъ... Придетъ, бывало, въ свой свободный день сюда и все тревожится за нихъ, все тревожится: «У Пантаровой горло болитъ—догадается ли m-lle Эллисъ свести ее къ доктору въ свое дежурство». «Бухариной нѣмецкій языкъ не дается—жаль бѣдняжку»... «А Воронская все худѣетъ, все худѣетъ. Дѣвочкѣ тяжело сидѣть взаперти. Прошлогодняя болѣзнь отразилась на ея здоровьѣ»... И тутъ же измышляетъ способы, чѣмъ бы избавить отъ малокровія Воронскую, нельзя ли доктора попросить ей выписать кумысъ или вино казенное...

— Кумысъ, вино...—машинально повторяетъ Лида и закрываетъ глаза, чтобы не дать увидѣть своей собесѣдницѣ отразившееся въ нихъ нечеловѣческое страданіе.

А время тянется, мучительное, давящее...

Лины уже нѣтъ въ комнатѣ, лампа нагорѣла и потухла. Узкая полоска разсвѣта прорывается изъ отверстія, образовавшагося между подоконникомъ и платкомъ. Легкая предутренняя дрожь охватываетъ тѣло Лиды. Ее нервно знобитъ. Она прижимается къ спинкѣ кресла, вся собирается въ комочекъ, закрываетъ глаза.

Больная лежитъ съ неподвижными, сомкнутыми вѣками. Лида знаетъ это, не глядя.

Опять дрожь и холодъ, и что то обезсиливающее тѣло и душу... Лида понимаетъ, что это: это ужасъ и усталость, смѣшанные вмѣстѣ...

Они давятъ дѣвочку, они камнемъ наваливаются на нее.

Вдругъ неожиданно отворяется дверь. Чуть слышно къ постели больной подходятъ maman, докторъ, Каролина, ея мать, Карлуша...

Больная широко раскрываетъ глаза, протягиваетъ впередъ костлявый палецъ, показываетъ имъ на Лиду.

— Я умираю изъ-за нея!.. Благодарите ее всѣ!.. Она меня погубила!..—шепчетъ она и испускаетъ послѣдній вздохъ.

— А!!!—не своимъ голосомъ вскрикиваетъ Лида и рыдаетъ, судорожно сотрясаясь всѣмъ тѣломъ.

— Что съ вами?!. Милая!... Милая, очнитесь, вы уснули!..—шепчетъ чей то нѣжный голосъ надъ ея ухомъ.

Она широко раскрываетъ недоумѣвающіе глаза.

Передъ нею Лина, ея мать, maman, Карлуша, Марія.

— Умерла!..—съ ужасомъ вскрикиваетъ Лида, вскакивая съ кресла, на которомъ она только что такъ непростительно уснула.

— Нѣтъ, она жива,—отвѣчаютъ ей нѣсколько го-

лосовъ шопотомъ сразу.—Жива и, кажется, ей лучше. Она, слава Богу, крѣпко уснула...

. . . . . .

Лида стоитъ на колѣняхъ подлѣ постели. Ея стриженая головка безсильно упала на край кровати; ея блѣдное, залитое слезами, личико скрылось въ складкахъ одѣяла.

Ей велѣно было быть въ этомъ положеніи, чтобы медленно приходившая въ себя больная не увидѣла ее, такъ какъ эта встрѣча могла потрясти выздоравливающую... Но она видѣла и чувствовала все, не глядя. Она чувствовала, какъ медленно затрепетали вѣки больной, какъ раскрылись впервые сознательно, ставшіе теперь огромными, ввалившіеся глаза и какъ слабый, чуть слышный голосъ фрейлейнъ Фюрстъ произнесъ надъ нею:

— Сестра... Каролинхенъ... дѣти мои...

И задрожало все слабое, худое, до ужаса худое тѣло... Когда, спустя нѣкоторое время, Лида открыла глаза, лучъ солнца, прорвавшійся сквозь самодѣльную штору, игралъ на ея худенькихъ пальцахъ.

Она подняла осторожно голову и посмотрѣла.

Подлѣ нея въ одномъ креслѣ спала бѣлокурая Лина. Въ другомъ—ея мать сидѣла съ напряженно счастливымъ лицомъ и, не отводя глазъ, смотрѣла на больную.

Фрейлейнъ Фюрстъ спала. Ея частое, но ровное дыханіе наполняло тишину комнаты.

Maman стояла подлѣ Лиды и ласково, кротко говорила ей:

— Господь услышалъ наши молитвы. Она будетъ жить... Она выздоровѣетъ... Теперь только бы ее отсюда на югъ отправить...

И съ материнской нѣжностью прижала къ себѣ заливающуюся слезами Воронскую.

ГЛАВА XV.

Животрепещущая тема.—Жертва выпускныхъ.—„Солнышко“ и мама-Нэлли.

Уже экзаменъ русскаго языка былъ въ самомъ разгарѣ, уже свои и чужіе ассистенты успѣли вызвать добрые два десятка воспитанницъ, а занимающая предсѣдательское мѣсто «Кочерга» успѣла нѣсколько разъ остановить колкимъ замѣчаніемъ ту или другую дѣвочку, а ни самой maman, ни одной изъ лучшихъ по русской словесности воспитанницѣ не было еще въ залѣ. Выпускныя сидѣли какъ на иголкахъ. Въ замкнутый дѣвичій міръ успѣла проникнуть и въ одинъ мигъ облетѣть его новость: «шпіонка при смерти, и maman съ Воронской цѣлыя сутки дежурятъ у ея постели».

И дѣвочки-подруги волновались за свою товарку. Всѣмъ была извѣстна ночная драма, всѣ знали, что maman «накрыла» Лиду у плиты святой Агніи и трепещущую, взволнованную привела въ дортуаръ, съ

тѣмъ, чтобы на другое утро везти ее къ умирающей Фюрстъ.

Эта умирающая Фюрстъ лежала камнемъ на совѣсти впечатлительныхъ дѣвочекъ. Каждая изъ нихъ чувствовала и сознавала, что болѣзнь «шпіонки» вызвана роковымъ происшествіемъ ея ухода, а уходъ Мины Карловны...

Но тутъ взволнованныя мысли дѣвочекъ запутывались въ какомъ то хаосѣ отчаянія. И изъ этого хаоса отчетливо и ясно выплывала одна только мысль:

«Если Фюрстъ умретъ—вина наша».

И блѣдныя, притихшія, взволнованныя выпускныя то и дѣло поглядывали на дверь, въ чаяніи увидѣть на порогѣ залы знакомую худенькую мальчишескую фигурку и разспросить поскорѣе обо всемъ, обо всемъ...

А экзаменъ все шелъ да шелъ своимъ чередомъ. Красавица Черкешенка, еще болѣе блѣдная и томная, чѣмъ когда-либо, писала на классной доскѣ заданное ей сочиненіе: «О романтизмѣ въ русской литературѣ и его послѣдователяхъ».

У зеленаго стола стояла Эльская и своимъ звучнымъ голосомъ декламировала отрывокъ изъ Шильонскаго узника. И ея щеки пылали, а мысли витали гдѣ то тамъ... Гдѣ?—она и сама не знала, но подлѣ стриженой дѣвочки, такой замученной и несчастной въ эти послѣдніе дни.

— Идутъ!...—вдругъ пронесся по залѣ чуть слышный шопотъ.

«Кочерга» насторожилась и, поднявъ палецъ вверхъ, зашипѣла что то на тему о спокойствіи.

— Если она войдетъ съ убитымъ лицомъ, значитъ все кончено...—прошептала Креолка на ухо Додошкѣ.

Додошка, сосавшая леденецъ (ей нечего было волноваться за исходъ экзамена—она уже отвѣчала и, противъ обыкновенія, довольно сносно), выплюнула его въ передникъ и усиленно закрестилась на образъ, тихо шепча:

— Господи, помилуй! Сто поклоновъ на паперти, если «шпіонка» оживетъ...

— Тссс!—чуть слышно проронила Рантъ, схвативъ за руку Даурскую.

— Тссс!... Онѣ тутъ...

«Онѣ» дѣйствительно уже были здѣсь, на порогѣ залы: красивая, величественная maman и трепещущая стриженая дѣвочка. Въ худенькое, усталое и измученное личико этой дѣвочки впилось теперь до четырехъ десятковъ глазъ съ нѣмымъ вопросомъ:

— Что «она»?.. Умерла?.. Выжила?..

И отвѣтъ, такой же нѣмой и такой же краснорѣчивый въ одно и то же время, послѣдовалъ мгновенно.

— Жива!.. Жива!.. Жива!..—ликующе и звонко безъ словъ пѣли сѣрые глаза Лиды, и цѣлый снопъ лучей, цѣлое море огня вырывалось теперь изъ самой глубины этихъ глазъ, казавшихся сейчасъ черными, какъ уголь.

И все худенькое, истомленное безсонницею и душевными волненіями, лицо ея пѣло тоже:

— Жива!.. Жива!.. Жива! Какое счастье, какое жгучее счастье, дорогія мои!

Сіяющая и радостная прошла къ зеленому столу Лида.

Рядъ знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ, словно въ туманѣ, замелькалъ передъ нею. Словно во снѣ увидѣла она мягко улыбающееся лицо Чудицкаго, его умные глаза, услышала его четкій, каждое слово ясно выговаривающій голосъ, спрашивавшій у maman:

— Можно ли экзаменовать госпожу Воронскую?.. Или достаточно одного сочиненія на доскѣ?...

И отвѣтъ maman:

— Одно сочиненіе пусть пишетъ. Вѣдь она сильна была въ году по русскому языку.

Чудицкій покорно склоняетъ свою красивую голову, встаетъ съ экзаменаторскаго кресла и быстрымъ шагомъ направляется къ доскѣ.

Черезъ минуту мѣлокъ стучитъ о черный аспидъ. На доскѣ остается бѣлый слѣдъ въ видѣ ровно и четко написаннаго оглавленія заданной темы.

«*Наши воспитатели*»,—читаетъ Лида.

— «Наши воспитатели»,—словно эхо повторяетъ она и устремляетъ свой потемнѣвшій взоръ къ расписному потолку залы.

Солнце, врываясь въ раскрытыя настежь окна, играетъ на нихъ. Бѣлые зайчики скользятъ по стѣнамъ и паркету.

И яркія, какъ молнія, мысли точно также скользятъ въ стриженой головкѣ дѣвочки.

Съ минуту Лида простояла неподвижно, какъ вкопанная. Ея глаза, ставшіе еще темнѣе и блестящѣе, блуждали по залѣ, по бѣлымъ стѣнамъ, по знакомымъ чернымъ, русымъ и бѣлокурымъ головкамъ.

И вдругъ зажглось что то огромное, свѣтлое и какъ бы праздничное въ ея душѣ. Точно большая, прекрасная, съ радужными крыльями, птица влетѣла въ нее, влетѣла и забилась красивыми, какъ мечта, сказочными крыльями и запѣла тамъ.

Дрожащей рукой схватила мѣлокъ Лида. Схватила, сжала трепещущими пальцами и уже не выпускала его до тѣхъ поръ, пока вся черная доска съ верху до низу не была исписана крупнымъ, четкимъ, немного дѣтскимъ почеркомъ. Ея щеки горѣли, какъ въ огнѣ, ея сердце трепетало, на ея глазахъ, увлажнившихся и мягкихъ, теперь засверкали росинки.

— Готово?—услышала она чей то знакомый голосъ подлѣ.

Она очнулась. Провела захолодѣвшей рукой по пылающему лицѣ, по мягкимъ курчавымъ волосамъ.

И снова кто то чужой отвѣтилъ извнутри нея:

— Готово...

Такимъ страннымъ и дикимъ показался ей самой ея голосъ.

Чудицкій, maman, кочерга, Тимаевъ и чужіе ассистенты окружили ея доску.

Чудицкій читалъ и, слушая его ровный, ясный и звучный голосъ, стриженая дѣвочка была близка къ обмороку отъ охватившаго ее волненія.

То, что было написано на доскѣ Лидой, было печально, страшно и красиво той печальной и красивой истиной, которую изъ собственнаго сердца, души и мыслей исторгла эта худенькая, впечатлительная дѣвочка.

Это была животрепещущая исповѣдь, правдивое искреннее признаніе измученной, виновной дѣтской души.

Въ краткихъ словахъ, въ видѣ письма къ подругамъ, но въ сильныхъ, глубокихъ и нервныхъ выраженіяхъ Лида описывала мученія, причиненныя жестокой, легкомысленной молодостью отцвѣтающей жизни, принужденной все терпѣть, все сносить ради насущнаго хлѣба, ради многочисленной семьи. О себѣ, о своихъ подругахъ и объ ихъ отношеніяхъ къ загнанной, забитой, замученной Минѣ Карловнѣ Фюрстъ исписала Лида цѣлую доску. Ея сочиненіе заканчивалось фразой, вырвавшейся изъ самыхъ нѣдръ сердца сѣроглазой дѣвочки:

«Сестры, подруги дорогія! Вернуть прошлаго нельзя. Оно непоправимо. Но будущее въ нашихъ рукахъ. Мы, я въ особенности, принесли горе, муку человѣку,

пострадавшему изъ-за насъ, нашей воспитательницѣ, и мы должны, я должна поправить это зло... Сестры, подруги, помогите мнѣ! Мой мозгъ горитъ, моя душа изныла! Я видѣла горе, нищету и убожество тамъ, у нея въ домѣ, я видѣла исхудалыхъ отъ голода дѣтей, видѣла калѣку-ребенка, котораго нельзя вылечить изъ-за нищеты, нужды, недостатковъ, а мы вмѣсто того, чтобы помочь, мы вырвали кусокъ хлѣба изъ горла у этихъ несчастныхъ. Виновна я, одна я больше всѣхъ, но помогите—одной мнѣ не справиться, не поправить этой бѣды, этого горя. А помочь надо, помочь надо сейчасъ сейчасъ, сейчасъ!..»

Чудицкій прочелъ послѣднюю фразу и замеръ. Замерли maman, Эллисъ, инспекторъ, ассистенты.

И сѣроглазая дѣвочка замерла у доски...

И замерла, казалось, въ душѣ ея пережитая только что ею драма...

А огромная, сказочно-прекрасная, какъ мечта, птица, ворвавшаяся въ ея душу, уже не билась, не металась въ ней, а нѣжно и ласково вѣяла крыльями, навѣвая ей на сердце тихій и кроткій покой...

. . . . . .

Экзаменъ кончился. Прочли баллы. Maman, особенно снисходительная и ласковая въ это утро, вышла, окруженная всѣмъ присутствующимъ на испытаніяхъ учительскимъ персоналомъ.

Пожелавъ воспитанницамъ счастливаго и успѣшнаго

продолженія экзаменаціонныхъ занятій, Чудицкій ушелъ, простившись со своими ученицами до выпускного бала.

Дверь давно закрылась за начальствомъ, а дѣвочки, не шевелясь, остались на своихъ мѣстахъ. Онѣ точно предчувствовали, что сейчасъ долженъ разыграться послѣдній актъ переживаемой ими всѣми такъ остро трагедіи со «шпіонкой».

И предчувствіе не обмануло ихъ. Едва шаги начальства затихли въ коридорѣ, какъ все еще находящаяся въ томъ же своемъ жгучемъ экстазѣ Воронская, возбужденная и порывистая, выдѣлилась изъ толпы подругъ.

Минута, другая, прыжокъ неожиданный, легкій—и тоненькая дѣвочка очутилась на зеленомъ столѣ. Она подняла худенькую руку—и все смолкло. Ея дрожащій, срывающійся голосокъ зазвенѣлъ на всю залу, какъ надтреснутая струна гитары.

— Я не могу... я не смѣю навязывать мою вину всѣмъ вамъ...—кричала она прерывисто и звонко,—не могу... Виновна я одна... и одна должна помочь... Но моей помощи слишкомъ мало... Слишкомъ ничтожна была бы помощь отъ меня одной...

Затѣмъ, передохнувъ немного, Лида продолжала:

— Да, моя помощь слишкомъ ничтожна... А тамъ нужда, голодъ, крайность... Мину Карловну надо на югъ... Фрица въ лечебницу... Но у его матери нѣтъ денегъ... Бѣлокурой Линѣ тоже нужно уѣхать... Мари необхо-

димо отдать въ ученіе... Карлушу въ пріютъ... На все это нужны деньги. Я не знаю—сколько, но надо, надо много... много... У насъ выпускъ... бѣлыя платья... подарки... шляпы... Скажемъ роднымъ, попросимъ родныхъ, что не надо ни платьевъ, ни шляпъ, ни подарковъ... Лучше денегъ, денегъ, денегъ... Отдадимъ ихъ Минѣ Карловнѣ Фюрстъ, ея сестрѣ, дѣтямъ... Вотъ и все... все, что надо было сказать мнѣ... У васъ добрыя сердца... Я знаю, знаю...

Лида задохнулась, смолкла, закрыла лицо руками и стояла на столѣ, прерывисто дыша, томясь, ожидая. Сомнѣніе жгло ея душу, ея сердце билось мучительнымъ темпомъ.

«А вдругъ не согласятся?.. Не пожелаютъ?.. Вѣдь у нихъ юность, желаніе быть счастливыми, хорошенькими, какъ мотыльки... И онѣ не такъ виноваты, какъ она, Лида... Да, онѣ могутъ отказать»...

И, чутко насторожась, дѣвочка ловила легкій шопотъ, поднявшійся, какъ легкій шелестъ вѣтерка, въ большой залѣ.

Вотъ онъ растетъ все громче, громче. Слышны отдѣльные голоса, фразы. Но разобрать трудно. Въ ушахъ сѣроглазой дѣвочки звонъ и шумъ, всѣ звуки слились въ одинъ. Ничего не разобрать въ эту минуту—что говорятъ, о чемъ толкуютъ.

Вдругъ одинъ сочный, юный и сильный голосъ покрылъ всѣ остальные, и передъ Лидой мелькнуло розовое, возбужденное лицо Эльской.

— Одержимыя, слушайте!..—приставивъ обѣ руки рупоромъ ко рту, кричала Сима.—Воронская права. Платья, тряпки, кисейки, ленточки, подарки и прочую чепуху долой... Деньги, положенныя нашими родителями на все это, соберемъ и отправимъ фрейлейнъ Фюрстъ... Не отъ насъ, конечно, а отъ maman, что ли, или отъ неизвѣстнаго. Она поѣдетъ лечиться на эти деньги, вылечится, поправится, дастъ Богъ, а мы всѣ снимемъ бремя съ души, камень съ совѣсти, и прочее, и прочее... Спасибо Воронской, что додумалась до этого... Вороненокъ, ступай сюда... Дай мнѣ пожать твою благородную лапу... А теперь сядемъ писать къ фрейлейнъ Фюрстъ: коллективное письмо такъ, молъ, и такъ, голубушка, простите, мы глупыя, злыя дѣвчонки и умоляемъ простить насъ и вернуться на службу и занять покинутое мѣсто... Мы выходимъ, а будущія выпускныя научатся на нашемъ примѣрѣ понимать, какъ надо цѣнить и уважать тружениковъ-людей... Я кончила, дѣвицы несмышленныя, и первая поднимаю голосъ за коллективное письмо... Уррра!..

— Ура!.. Письмо фрейлейнъ!... Сейчасъ, сію минуту!—подхватили сорокъ голосовъ взволнованныхъ дѣвочекъ.

— Ура!..—пронеслось по огромной залѣ, по длинному коридору, по всему чинному институтскому зданію.

— Ура!.. Ура!.. Ура!..

— Выпускныя то какъ безчинствуютъ!..—услыша это «ура», небрежно пожимали плечами «вторыя».

— Уйдутъ скоро, слава Богу. Много было возни съ этимъ классомъ,—шипѣла «кочерга», вертя привычнымъ жестомъ часовую цѣпочку.

А выпускныя продолжали шумѣть и бѣсноваться въ залѣ, со смѣхомъ кидаясь другъ другу въ объятія, крича «ура», прыгая по стульямъ.

— Maman идетъ, тише!—крикнула Рантъ, первая заслыша шаги въ коридорѣ.

И вмигъ все стихло. Дѣвочки живо оправили на себѣ пелеринки, рукавчики, волосы, выбившіеся изъ-подъ прически.

Дверь широко распахнулась.

Дѣвочки, низко присѣдая, затянули дружнымъ хоромъ:

— Nous avons l'honneur de vous saluer...

— Ошалѣлыя!.. Да это не maman, а швейцаръ Петръ!..—послышался громкій голосъ Эльской, и раскатистый, звонкій, молодой смѣхъ закружился надъ залой, какъ веселый крылатый маленькій геній.

Дѣйствительно, вмѣсто величавой фигуры начальницы, на порогѣ залы, широко улыбаясь, стояла едва ли не менѣе величавая фигура краснаго Петра.

— Барышня Воронская, въ маленькую пріемную пожалуйте. Папаша пріѣхалъ,—произнесъ мягкимъ госомъ все еще широко улыбающійся шумному оживленію взрослыхъ дѣвочекъ красный кардиналъ.

— Папа-солнышко!—взвизгнула Воронская и, сдѣлавъ дикій прыжокъ, опрометью кинулась изъ залы.

Лида летѣла, какъ на крыльяхъ. Съ нею летѣла, раздуваясь парусомъ, бѣлая пелерина, летѣли русыя кольца кудрей и бѣлый, съ двумя чернильными кляксами, передникъ, который она не успѣла перемѣнить, вернувшись отъ фрейлейнъ Фюрстъ.

Стрѣлой промчалась она чрезъ весь верхній коридоръ и пулей влетѣла въ зеленую маленькую пріемную.

— Солнышко!.. Мама-Нэлли!.. Ахъ!..—вырвалось изъ груди Лиды, и она стремительно бросилась въ чьи то раскрытыя объятія.

Высокій, красивый брюнетъ въ полковничьемъ сюртукѣ и тоненькая молодая дама, гладко причесанная, съ большими сѣрыми глазами, ласково улыбаясь, по очереди обнимали свою дѣвочку.

Въ добрыхъ, мягкихъ глазахъ военнаго и сердечной улыбкѣ молодой женщины было видно столько любви и нѣжности къ ихъ живой, какъ вьюнъ, впечатлительной и опрометчивой стриженой дѣвчуркѣ!

А стриженая дѣвочка, сіяя сѣрыми глазами и всѣмъ своимъ подвижнымъ мальчишескимъ лицомъ, обнявъ однимъ общимъ объятіемъ своего отца и названную мать, захлебываясь, задыхаясь и волнуясь, разсказывала о пережитыхъ дняхъ муки, объ исторіи съ Фюрстъ, перевернувшей всю ея душу, о болѣзни фрейлейнъ и обо всемъ, случившемся за это время ея разлуки съ родными.

— И не надо мнѣ ни платьевъ, ни подарковъ, ни-

чего новаго къ выпуску дѣлать...—страстно и безсвязно закончила свой разсказъ дѣвочка.—«Наши» всѣ такъ рѣшили. Не надо платьевъ бѣлыхъ и шляпъ, папочка и мамочка, солнышки вы мои... А деньги мнѣ... Да?.. Хорошо?.. Не сердитесь, вѣдь деньги на фрейлейнъ пойдутъ. Она такъ обрадуется, бѣдная, и оживетъ... непремѣнно оживетъ на югѣ... Ахъ, солнышко, ахъ, мамочка, душки вы мои, какъ все теперь хорошо будетъ!.. Какъ жить хочется, радоваться, веселиться!.. Какъ хороша теперь жизнь и какъ тянетъ на что то свѣтлое, доброе, большое, чтобы всѣмъ было радостно и свѣтло, и «нашимъ», выпускнымъ, и «чужеземкамъ», «вторымъ» и «третьимъ», и «мелюзгѣ», и бѣлокурой Каролинѣ, и Карлушѣ, и Минѣ Карловнѣ, и особенно ей, и всѣмъ, всѣмъ...

И стриженая головка прильнула къ груди матери... А молодая мать смотрѣла ласковымъ добрымъ взглядомъ на свою дѣвочку и шептала ей тихо въ разгорѣвшееся ушко:

— Конечно, конечно! Мы съ папой сдѣлаемъ все, что проситъ теперь наша «стрижка»: и бѣлое платье, и подарокъ—все обратимъ въ деньги и еще кое что сдѣлаемъ, о чемъ и не догадывается милый «стрижокъ»...

— Что сдѣлаете?.. Что?.. Мамочка, солнышко, говорите же, милые!..Что?—пристала Лида.

Ея стриженая головка поднялась высоко, глаза за-

жглись любопытствомъ. Губы безсознательно улыбались, предчувствуя что то хорошее, хорошее.

Бѣлая рука молодой женщины, между тѣмъ, молча разглаживала стриженую головку, прильнувшую къ ней.

— Не мучь ее, Нэлли, скажи, голубушка. Видишь, не терпится этому вьюну,—произнесъ «солнышко», любовно поглядывая на свою дочурку.

— Вотъ что мы придумали съ твоимъ солнышкомъ, дѣвочка моя, — начала своимъ мягкимъ, сдержаннымъ голосомъ молодая женщина: — у васъ въ классѣ есть навѣрное бѣдныя дѣвочки, которымъ негдѣ провести лѣто на дачѣ... Такъ не пожелаютъ ли онѣ у насъ побыть лѣтнее время? У насъ такой чудный, благотворный воздухъ... Ты знаешь... И озеро, и лѣсъ, и ку...

Лида не дала докончить своей названной матери и, взвизгнувъ отъ восторга, закружилась волчкомъ по комнатѣ, совершенно позабывъ о томъ, что она выпускная взрослая воспитанница, еще находящаяся въ суровыхъ, по господствующей въ нихъ дисциплинѣ, институтскихъ стѣнахъ.

— Дуси вы мои, милые вы мои, золотые мои!—кружилась она, напѣвая и хлопая въ ладоши, — вотъ то придумали чудесно!.. Вотъ то хорошо!.. Есть у насъ такихъ бѣдныхъ двѣ. Одна бѣдная-разбѣдная, мамѣ ея трудно живется, это Елочка, Лотосъ, Елецкая то-есть. Ужасно таинственная и потѣшная... А другая—Додошка,

любитъ покушать... смѣшная такая... круглая сирота, а тетка у нея ужасная вѣдьма и отъ Додошки открещивается...

— Вѣдьма? фу!—сдѣлала гримасу мать и покачала своей гладко причесанной головой.

— Мамочка, дуся, золотце мое, не сердись!—такъ и всколыхнулась всѣмъ своимъ существомъ Лида.—Голубушка, родная, правда же Додошкина тетка такая... Мамуля, милая, какъ же я счастлива, что Додошка и Елочка у насъ будутъ!.. Спасибо!.. Спасибо тебѣ!..

И Лида буквально душила свою молодую мать поцѣлуями.

«Солнышко» смотрѣлъ со счастливой улыбкой на эту сцену. Онъ безконечно радовался тому, что между любимой женщиной и его дорогой дочуркой были такія тѣсныя, добрыя, свѣтлыя отношенія.

Вдругъ всѣ трое насторожились.

Дверь, ведущая изъ зеленой пріемной въ корридоръ, предательски скрипнула.

— Насъ кто то подслушиваетъ,—прошептала Лида, вскочивъ со своего мѣста, стремительно бросилась къ дверямъ и распахнула ихъ.

На порогѣ зеленой пріемной стояла красная, какъ ракъ, и сконфуженная Додошка. Ея глаза, ротъ, толстыя, какъ у негра, губы и вся пухлая рожица выражали испугъ и мольбу.

— Ради Бога!.. Ради Бога!.. Не выдавай меня, Во-

ронская!.. Я хотѣла только взглянуть на твоего папу...— зашептала она, исполненная смятенія.

Сіяющая улыбка проскользнула по лицу Лиды, да такъ и осталась на ея крупныхъ губахъ. Она схватила за руку Даурскую и почти насильно потащила ее въ комнату.

— Папа-солнышко,—радостно и торжествующе роняла она, — вотъ Додошка, которая тебя «обожаетъ», тебя, бабушку и Александра Македонскаго и никого больше. И пожалуйста, солнышко и мама Нэлли, скажите ей сами о томъ, что вы придумали и предложили сейчасъ...

Отецъ Лиды и его молодая жена ласково поглядѣли на сконфуженную красную кубышку-дѣвочку, стоявшую передъ ними съ такимъ убитымъ видомъ. Потомъ мачиха Лиды протянула руку и, повинуясь непреодолимому порыву чуткой женской души, обняла Додошку и поцѣловала ея пухлую щечку.

— Вы согласны, не правда ли, крошка, провести это лѣто съ Лидой и съ нами?..—спросила она.

Смущенная Додошка подняла голову. Живые каріе глаза дѣвочки взглянули на милое спокойное лицо Нэлли Воронской, и вдругъ, почти никогда не плакавшая, Додошка припала къ колѣнямъ этой чужой ей, незнакомой и такъ ласково отнесшейся къ ней женщины, и зарыдала горько и радостно въ одно и то же время.

— Спасибо вамъ... вы первая... такъ... меня при-

ласкали... а тетя своя... все только сердится... бранитъ... а вы... вы... Спасибо вамъ!.. Возьмите меня... тетя рада будетъ... я ей надоѣла... Дуся, ангелъ... я обожать васъ буду за это всегда... всегда...

И Додошка, всхлипывая, полѣзла въ карманъ за платкомъ. Изъ кармана посыпались карамели, леденцы, кусочки сахара и мятныя лепешки.

Замѣтивъ это, Додошка вспыхнула, смутилась еще больше и готовилась уже задать «лататы», то есть по просту убѣжать изъ зеленой пріемной, но отецъ Лиды понялъ смущеніе дѣвочки и поспѣшилъ прійти ей на помощь.

— М-lle Додо, какая, я вижу, у васъ есть прелесть,—произнесъ онъ съ доброй улыбкой,—мятныя лепешки... Я ихъ ужасно люблю. Вы позволите мнѣ попробовать одну штучку?..

— Ахъ, пожалуйства, всѣ, всѣ возьмите... Это мои любимыя...—оживилась Додошка и, хотя неосушенныя слезинки еще дрожали на ея рѣсницахъ, дѣвочка уже улыбалась во всю ширь своего пухлаго лица.

А Лида, осѣненная въ это время новой идеей, говорила, весело размахивая руками:

— Я сейчасъ позову Лотоса... Вы познакомитесь съ нею и скажете ей о приглашеніи... Да?.. Она хорошая... только спиритка. Но лучше быть спириткой, нежели дурной и нечестной. Вы посидите, дуси мои, а я сейчасъ...

И, не дожидаясь отвѣта, она понеслась исполнять задуманную ею мысль.

«Солнышко» и «мама-Нэлли» смотрѣли ей вслѣдъ ласковыми, любящими глазами и думали о томъ, что ожидало въ будущемъ этого веселаго, взрослаго годами и юнаго душой, кудряваго ребенка...

И Додошка смотрѣла вслѣдъ убѣжавшей подругѣ, смотрѣла машинально, далекая отъ всякихъ философскихъ мышленій.

Додошка сейчасъ не думала ни о чемъ.

Она ѣла леденцы.

ГЛАВА XVI.

Послѣдній экзаменъ. — Шпаргалки. — Фальшивый обморокъ.

ЕЩЕ ярче, еще пышнѣе развернулась весна. Прихотливо разубралась трава въ саду желтыми и бѣлыми цвѣтами. Зачиликала мелкая птаха, защелкалъ по вечерамъ соловей въ чащѣ кустовъ.

Утомленныя за день усиленной экзаменаціонной работой выпускныя, послѣ вечерняго чая, приходили сюда послушать пернатаго пѣвца, неизвѣстно какъ проникнувшаго въ самый центръ каменнаго душнаго города, другія приходили, чтобы побѣгать въ горѣлки или просто посидѣть подъ старой липой и на пресловутой плитѣ св. Агніи послѣдніе деньки передъ тѣмъ, какъ разлетѣться въ разныя стороны веселой, молодой стаей.

А жизнь не шла, а бѣжала, и въ калейдоскопѣ институтскихъ событій одно живо мѣнялось другимъ.

Прошелъ экзаменъ француза. Продекламировали Сида и Орасовъ. Прочли сценку изъ Мольеровскихъ

«Жеманницъ» и прослушали новое напутственное слово растроганнаго старика-учителя. Покончилъ со своимъ экзаменомъ и нѣмецкій преподаватель, и нервная, взвинченная «протоплазма»—физикантъ—ушелъ навѣки изъ жизни выпускныхъ со своими элементами, электричествомъ и телефонами. Съ грѣхомъ пополамъ отбарабанили педагогическую долбню m-lle Мель, и наступилъ, наконецъ, послѣдній, едва ли не самый страшный, экзаменъ Стурло, съ его мучительно трудной хронологіей, съ его «причинами» и слѣдствіями историческихъ событій.

Снова раскинулись шатры, снова замелькали на лѣстницахъ и въ коридорахъ, въ залѣ и въ аллеяхъ сада зелено-бѣлыя дѣвочки съ книжками учебника Иловайскаго подъ мышкой, съ отупѣлыми отъ долбежки лицами, силившіяся затвердить длинный перечень годовъ.

— Нѣтъ, не могу больше... Все равно не вызубрить всего. Волей-неволей примусь за шпаргалки,—говорила съ отчаяніемъ въ голосѣ блѣдненькая Рантъ, поблескивая своими чахоточными глазами.

— А я тебя говорю, что безчестны всѣ ваши надувательскія шпаргалки,—горячилась Эльская, ради вящшей убѣдительности ударяя себя кулакомъ въ грудь.

— Лида! Вороненокъ!—звала она свою пріятельницу Воронскую,—что ты скажешь на это?

Появилась Лида, какъ изъ-подъ земли выросшая со

своимъ «Иловайскимъ» подъ мышкой, и, шепча себѣ подъ носъ злополучный перечень годовъ, роняла наскоро:

— А по-моему шпаргалка—ничего... потому что обманывать Стурло не грѣхъ и не подло. Онъ злой, мучаетъ всѣхъ. Помните Козелло? Милый бандитъ... Развѣ онъ напиралъ такъ на хронологію?..—Нѣтъ, Рантъ права и другія тоже. Безъ шпаргалки никакъ не обойтись...

И дѣвочки съ легкой душой принимались за составленіе шпаргалокъ. Это были крошечныя, самодѣльныя книжечки, прикрѣпленныя на резинкѣ подъ полотнянымъ рукавчикомъ у плеча. Свободный конецъ резинки надѣвался въ видѣ кольца на палецъ, и стоило лишь потянуть за этотъ конецъ, какъ вся резинка натягивалась, и книжечка, вся исписанная цифрами хронологіи, высовывалась изъ-подъ рукавчика. Отвѣчающая справлялась по ней обо всемъ, что требовалось для ея билета, и снова спускала шпаргалку подъ рукавъ.

Додошка и Рантъ прослыли настоящими профессорами въ дѣлѣ устройства такихъ шпаргалокъ и нафабриковали ихъ цѣлую массу. Впрочемъ, Додошка не ограничилась шпаргалкой; въ утро экзамена она поразила своихъ подругъ новымъ изобрѣтеніемъ: всѣ почти ладони и пальцы дѣвочки были испещрены хронологическими цифрами и первоначальными буквами перечня труднѣйшихъ для запоминанія именъ и историческихъ

событій. Дѣвочки, окруживъ Даурскую, ахали, удивлялись и хохотали.

— А если руки вспотѣютъ, все и сотрется,—не утерпѣла не подразнить юную изобрѣтательницу Эльская.

— Ну, ужъ, пожалуйста, не врите. У меня этого быть не можетъ,—вспыхнула Додошка.—Руки вспотѣютъ!.. Фи, какая проза!.. Это вамъ только въ голову, Эльская, можетъ прійти...

— Ахъ, извини, пожалуйста,—хохотала Сима,—я совсѣмъ забыла, что ты, Додошка, воплощеніе одной поэзіи и соткана вся изъ луннаго свѣта, аромата фіалокъ и ...

— Леденцовъ...—подхватила Лида Воронская, заливаясь веселымъ смѣхомъ.

— Ха! ха! ха!—подхватили остальныя.

— Вамъ до моихъ леденцовъ никакого дѣла нѣтъ!—сердито крикнула Додошка.—Прошу, оставьте меня!..

Въ день экзамена, назначеннаго ровно въ два часа, дѣвочекъ, еще за часъ до начала его, повели въ актовую залу.

Здѣсь были настежь раскрыты окна, и зеленая панорама стараго вѣкового сада такъ и просилась въ комнату.

— Боже мой, какая прелесть, какъ молодо, зелено, хорошо!—вскричала Креолка и первая, со столь несвойственной ея плотной фигурѣ живостью, вскочила на скамью, а оттуда на подоконникъ. Ея глаза заблестѣли,

ея смуглое лицо заалѣло, а легкій вѣтерокъ заигралъ черными, какъ смоль, кудерками.

— Зина... Бухарина... Что ты дѣлаешь?..—округливъ умышленно, какъ бы отъ ужаса, свои веселые глаза, подбѣжала къ ней Сима-Волька,—и тебѣ не страшно?—гробовымъ тономъ присовокупила проказница.

— А что? А что?—такъ и всколыхнулась Креолка.

— Прическу тебѣ вѣтеръ растреплетъ, вотъ что!—крикнула Сима и, прыгнувъ на подоконникъ, вытянулась на немъ и взмахнула руками, какъ крыльями, точно приготовляясь летѣть.

— Глупо, Эльская!—вспыхнула Креолка и тутъ же, незамѣтно взглянувъ въ открытое оконное стекло, прислоненное къ косяку, какъ въ зеркало, поправила отдѣлившійся локонъ.

На сосѣднемъ подоконикѣ, протянувъ руки въ садъ, Лида Воронская декламировала только что сочиненное ею стихотвореніе:

Я люблю серебристый эфиръ
Лучезарнаго майскаго дня,
Я люблю этотъ праздничный пиръ
Изъ лучей, изъ цвѣтовъ и огня.
Я люблю этотъ ропщущій садъ,
Тишину полутемныхъ аллей...
Смѣха, шутокъ веселый каскадъ
И моихъ ненаглядныхъ друзей...
Васъ, подруги родныя мои,
Мнѣ уже никогда не забыть...

— Воронская, ты шестнадцатаго билета не знаешь, пробѣги скорѣе...—услышала поэтесса знакомый голосъ

съ сосѣдняго окна и быстро соскользнула съ подоконника, несмотря на протестующій ропотъ подругъ, требовавшихъ продолженія декламаціи.

Но шестнадцатый билетъ такъ и не суждено было прочитать Лидѣ. Къ ней подошла Елецкая, положила на плечо свою блѣдную, красивую руку и прошептала:

— Вороненокъ, предупреждаю: я твоего папу-солнышко и маму-Нэлли приглашаю на выпускной балъ... У меня остаются свободные билеты... Понимаешь?..

— Ахъ, спасибо, Ольга... Ты очень добра...—обрадовалась Лида,—а я позову тогда на мои билеты бѣлокурую Каролину и Марію, племянницъ фрейлейнъ Фюрстъ... Пусть онѣ повеселятся, бѣдняжки...

— А Большого Джона? Развѣ ты не пригласишь Большого Джона?—удивилась Ольга.

— О, онъ все равно не пріѣдетъ, Большой Джонъ,—со вздохомъ проговорила Лида,—не пріѣдетъ онъ, Елочка... Онъ сердится на меня...

И она хотѣла прибавить еще что то, но неожиданно, рѣзко и громко, прозвучалъ голосъ Додошки:

— Медамочки, предупреждаю васъ, не удивляйтесь: если я вытяну одинъ изъ послѣднихъ билетовъ, то упаду въ обморокъ... Ясно, какъ шоколадъ...

— Экзаменаторы!.. Экзаменаторы!..—услышали голосъ m-lle Мѣдниковой выпускныя и всѣ поторопились занять свои мѣста.

Лида сѣла вмѣстѣ съ остальными, но мысль ея была

далеко отъ наступившаго экзамена, который, кстати сказать, не волновалъ ее нимало, такъ какъ она знала, какъ говорится, на «ура» всѣ билеты, за исключеніемъ шестнадцатаго. Но и о шестнадцатомъ билетѣ она нимало не заботилась сегодня. Всѣми ея помыслами теперь овладѣлъ Большой Джонъ. Черезъ три дня надлежало быть выпускному балу, этому послѣднему клику ликованія и торжества вылетающихъ изъ стѣнъ институтской клѣтки птичекъ.

На этотъ балъ разрѣшалось приглашать знакомыхъ, родственниковъ и друзей выпускныхъ, которымъ полагалась по два пригласительныхъ билета на каждую.

Лида еще въ началѣ года мечтала о томъ, какъ на этомъ балу, хозяйками котораго считались испоконъ вѣковъ сами выпускныя, она будетъ танцовать съ Большимъ Джономъ. И вотъ,—все рухнуло разомъ по ея же милости. Ея другъ, ея братъ, ея добрый волшебникъ сердится на Лиду,—правда справедливо, но... вѣдь она такою огромною цѣною своихъ мученій искупила свою вину... А онъ и не знаетъ... Не знаетъ...

— Госпожа Даурская! госпожа Воронская!..—услышала она, точно гдѣ то далеко, далеко, глухой голосъ Стурло и, нехотя поднявшись со своего мѣста, подошла къ зеленому столбу брать билетъ.

Первое, что бросилось ей въ глаза, была красная, какъ кумачъ, рожица Додошки.

— Ничего не знаю... Двадцатый билетъ... У тебя

который?..—услышала она ея не ясный шопотъ у своего уха.

Машинально Лида Воронская перевернула взятый ею только что со стола кусочекъ картона и чуть не вскрикнула отъ ужаса.

Четко и ясно бросилась ей въ лицо роковая цыфра 16.

«Провалъ!.. Ясно—провалъ, безъ всякаго сомнѣнія!»—промелькнуло въ мысляхъ стриженой головки, и Лида, багрово краснѣя, опустила ее.

Провалъ у Стурло Воронская считала для себя позоромъ. Она была одной изъ лучшихъ ученицъ у «Рыжебородаго Тора», и историкъ справедливо гордился ею.

Гордился... и вдругъ...

Она безнадежно оглядѣлась вокругъ. «Перемѣниться билетомъ, но съ кѣмъ»?..—мелькнуло мгновенно въ ея мысляхъ.

Додошка, конечно, не знала 16-го, какъ не знала и двадцатаго. Попросить ее?..

И Лида, нагнувшись къ Даурской, проговорила шопотомъ, не разжимая рта:

— Хочешь выручить меня? Я не знаю своего билета, а твой знаю...

— Ннна... Мнѣ все равно что 20-ый, что 16-ый... Буду въ обморокъ падать...—также не разжимая рта, отвѣчала Додошка, и, не сговариваясь, обѣ дѣвочки какъ

бы нечаянно уронили свои билеты заразъ и разомъ бросились поднимать ихъ на глазахъ у ничего не подозрѣвающаго начальства.

Теперь у Додошки былъ 16-й билетъ, который она, впрочемъ, успѣла проглядѣть до начала экзамена въ залѣ. Билетъ былъ полонъ хронологическихъ вопросовъ, поэтому неунывающая Додошка рѣшила прибѣгнуть къ помощи заранѣе заготовленной шпаргалки.

Пока Ната Вергъ степенно и аккуратно доказывала причину и слѣдствіе Пуническихъ войнъ, Даурская потянула за резинку пріютившуюся подъ полотнянымъ рукавчикомъ шпаргалку, вытянула ее и погрузилась въ заучиваніе нужныхъ ей цифръ, мелкимъ бисеромъ усѣявшихъ крошечныя страницы.

Но тутъ произошло нѣчто, что вовсе не входило въ планъ Додошкиныхъ дѣйствій. Пока дѣвочка, углубившись въ изученіе одной изъ страничекъ шпаргалки, приготовлялась такимъ образомъ къ отвѣту, присутствовавшая на экзаменѣ «кочерга» не сводила съ нея глазъ.

Вотъ она пошепталась о чемъ то съ инспекторомъ, потомъ передала что то Стурло и вдругъ самымъ рѣшительнымъ образомъ поднялась со своего мѣста и направилась къ Даурской.

Она очутилась передъ опѣшившей дѣвочкой такъ внезапно, что никто не успѣлъ даже предупредить Даурскую о неожиданной для нея опасности.

— Отдайте мнѣ то, что у васъ спрятано подъ ру-

кавомъ! — услышала Додошка скрипучій голосъ надъ своимъ ухомъ и обомлѣла, увидя за собой антипатичное, морщинистое, сердитое лицо.

— Увѣряю васъ, m-lle, что... что у меня... ей Богу... честное слово...—забормотала несчастная.

— Отдайте мнѣ то, что у васъ спрятано въ рукавѣ!—послышался снова надъ самымъ ухомъ дѣвочки скрипучій, деревянный голосъ.

— Но, ей-Богу же, m-lle...—робко пролепетала въ конецъ уничтоженная Додошка.

— Не смѣйте произносить напрасно имя Господа нашего Бога!—заскрипѣлъ тотъ же неумолимый голосъ.

— Отдай шпаргалку, Додо! Не отвертишься вѣдь отъ этой вѣдьмы,—шепнула Воронская, и глаза ея потемнѣли отъ ужаса за подругу.

Но Даурская разсудила иначе. Отдать шпаргалку—значило сознаться въ содѣянномъ проступкѣ. А этого болѣе всего другого боялась Додошка. Она обвела глазами экзаменаторскій столъ: на нее смотрѣло до десятка паръ испытующихъ глазъ, какъ ей показалось, инквизиторскимъ взглядомъ. Сердце испуганной дѣвочки забилось, какъ пойманая птичка.

— «Упади въ обморокъ... Упади... Теперь же... сейчасъ»,—какъ будто подсказало это сердце и... Додошка дико, пронзительно взвизгнула и, для чего то подпрыгнувъ, грянулась изо всѣхъ силъ на полъ, пребольно стукнувшись головой о паркетъ.

Это случилось такъ неожиданно, такъ внезапно, что ошеломило не только начальство, дѣвочекъ, экзаменаторовъ, но и «кочергу».

Ошеломило, но не надолго. Въ слѣдующую же минуту Ефросьева склонилась надъ лежащей Додошкой и, нащупавъ подъ рукавомъ дѣвочки злополучную шпаргалку, торжественно извлекла ее оттуда и бросила на столъ.

— Гадкій, безчестный, недостойный поступокъ! И это сдѣлала выпускная, взрослая воспитанница за недѣлю до выхода ея изъ института!—зашипѣла она и, тотчасъ же перемѣнивъ тонъ, визгливо крикнула на всю залу по адресу лежащей на полу Додошки:

— Встать!.. Встать сію минуту!.. Приказываю вамъ встать!..

И она дернула мнимо-безчувственную дѣвочку за ея пухлую руку.

Красная, какъ піонъ, уничтоженная и смущенная до послѣдняго предѣла, Додошка неловко встала съ пола и, не поднимая глазъ, очутилась передъ столомъ.

— «Все кончено!..—вихремъ пронеслось въ ея мысляхъ,—все кончено!.. Позоръ... На всю жизнь позоръ и мука!.. Стурло... Боже мой, Стурло!.. Что онъ подумаетъ обо мнѣ?.. Какъ онъ долженъ презирать меня...»—вихремъ отчаянныхъ мыслей завертѣлось въ ея головкѣ.

И, закрывъ лицо руками, она громко и судорожно зарыдала на весь залъ.

Минутъ пять ее никто не безпокоилъ. Ей дали выплакаться, отойти. Чья то предупредительная рука протянула ей стаканъ съ водой.

Додошка отпила воды, успокоилась немного и ждала. Ждала, какъ преступница, надъ собой приговора.

Чей то знакомый голосъ обратился къ ней мягко и негромко:

— Вы такъ взволнованы, г-жа Даурская, что врядъ ли сможете различить, что написано въ билетѣ, а потому я буду задавать вамъ вопросы, на которые вы мнѣ соблаговолите отвѣчать.

И сказавъ это, Стурло сталъ задавать вопросы чуть-чуть оправившейся и пришедшей въ себя Додошкѣ.

Эти вопросы были такъ просты и несложны, что самая слабая ученица могла бы отвѣчать на нихъ. И Додошка, все еще не поднимая глазъ, отвѣчала правильно и толково, хотя тихо и неясно, поминутно прерывая свою рѣчь.

— Ну, вотъ и ладно... Вотъ и ладно...—ободрилъ ее Стурло,—ясно и просто... А теперь извольте садиться... Вы знаете все, что необходимо знать...—и онъ кивнулъ головою рѣшившейся взглянуть на него смущенной дѣвочкѣ.

* * *

Наконецъ кончился этотъ, одинаково тягостный для всѣхъ, злополучный экзаменъ, послѣдній экзаменъ выпускныхъ!..

Но не радостно было на душѣ у дѣвочекъ. Инцидентъ съ Додошкой омрачилъ всѣмъ давно предвкушаемую радость. Всѣ видѣли, какъ по окончаніи экзамена maman отозвала Даурскую и долго отчитывала ее, грозя своимъ бѣлымъ, какъ сахаръ, пальцемъ и сверкая округлившимися отъ гнѣва глазами.

Заплаканная, уничтоженная отошла отъ начальницы Даурская и поплелась въ классъ, чтобы излить свое горе-тоску подъ крышкой своего тируара (обычное мѣсто успокоенія всего институтскаго дѣвичьяго мірка).

Вдругъ негромкій мужской голосъ остановилъ ее въ коридорѣ:

— Госпожа Даурская, на одну минуту...

Трепещущая дѣвочка подняла голову. Передъ ней стоялъ Стурло.

— Госпожа Даурская,—произнесъ онъ тихо,—я не хочу разбирать вашего поступка, вы уже достаточно пострадали за него. И я былъ далекъ отъ заступничества, когда выручилъ васъ моими вопросами. Всякій обманъ я презираю. И вашъ обманъ мнѣ былъ болѣе чѣмъ непріятенъ, но я не хотѣлъ «рѣзать» васъ на экзаменѣ, зная, что вы бѣдная, несостоятельная дѣвушка и будете пробивать себѣ дорогу своимъ трудомъ. Для васъ необходимъ сносный аттестатъ, а поэтому я былъ нѣсколько снисходителенъ, облегчивъ вашъ отвѣтъ и поставивъ за него удовлетворительную отмѣтку. Но, госпожа Даурская, я въ правѣ требовать за это нѣкото-

рой жертвы, а именно: часть оставшагося вамъ свободнаго времени вы теперь употребите на чтеніе русской и всеобщей исторіи, хотя бы по два часа въ день. Какъ видите, моя просьба не изъ сложныхъ. Дайте же мнѣ честное слово, что вы исполните ее.

Додошка подняла заплаканные глаза на рыжебородое лицо учителя, и вдругъ теплая свѣтлая волна захлестнула измученную душу дѣвочки.

«Проситъ дать слово, значитъ вѣритъ, твердо вѣритъ въ порядочность ея, Додошки... Вѣритъ!.. О, милый, добрый, хорошій Рыжебородый Торъ!»—вихремъ пронеслось въ ея мысляхъ.

Потомъ она схватила руку учителя, крѣпко сжала ее обѣими своими пухлыми ручонками и прошептала, почти захлебнувшись отъ охватившаго ее волненія:

— Спасибо... о, спасибо вамъ... за довѣріе ваше!.. И... и... я не подлая... Вѣрьте мнѣ, нѣтъ... нѣтъ... Честное слово даю вамъ, что прочту оба учебника и затвержу ихъ отъ корки до корки... Ей-Богу!.. Честное слово!..

И еще разъ изо всей силы встряхнувъ руку улыбавшагося ей доброй улыбкой Стурло, она закрыла лицо передникомъ и плачущая, смущенная бросилась бѣжать отъ него.

ГЛАВА XVII.

Балъ въ майскую ночь.—Два сюрприза.—Добрый волшебникъ появляется снова.

ЧЕРЕЗЪ три дня выпускъ...

— Сегодня выпускной балъ...

Съ этими двумя фразами проснулись свѣжимъ душистымъ майскимъ утромъ выпускныя. И съ самаго начала дня праздничное настроеніе уже не покидало дѣвочекъ. Какъ то странно было имъ чувствовать себя свободными отъ книжной долбежки.

Экзамены кончились. Кончилась тревожная, обычная, со страхами и волненіями, сутолока подготовительныхъ работъ. Кончился трепетъ и ужасъ постояннаго вопроса—«выдержу» или «срѣжусь». Свободныя отъ недавнихъ волненій, уже канувшихъ въ Лету забвенія, дѣвочки шныряли по заламъ и коридорамъ, выбѣгали въ садъ и, взявшись подъ руки, бродили длинными шеренгами по его широкимъ аллеямъ.

Самый день выпускного бала, казалось, рѣшилъ по-

баловать выпускныхъ. Солнце ласкало ихъ жарко и нѣжно, цвѣты на лужайкахъ и куртинахъ кивали головками, казалось, имъ однѣмъ, птицы чиликали, какъ будто только для нихъ, свои веселыя, несложныя пѣсенки. И сама весна, мнилось, улыбалась и сіяла имъ. Къ довершенію праздничнаго настроенія, пришедшая къ нимъ въ классъ въ это утро начальница объявила дѣвочкамъ, что фрейлейнъ Фюрстъ совсѣмъ поправилась и что ей вручена уже собранная ими для ея поѣздки сумма и что суммы этой вполнѣ хватитъ для прожитія на югѣ цѣлое лѣто. Maman прибавила, что передала вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣдительную просьбу Миннѣ Карловнѣ вернуться на службу въ институтъ.

— Ваша добрая наставница простила васъ всѣхъ отъ души и осенью вернется принять классъ малютокъ...— торжественно заключила свою рѣчь баронесса.

Оглушительное дружное «ура» покрыло ея послѣднія слова.

Дѣвочки были какъ безумныя. Обнимались, цѣловались, поздравляли другъ друга. Воцарился какой то хаотическій восторженный праздникъ, длившійся до вечера, до той самой минуты, когда дежурная, m-lle Эллисъ, поднялась въ дортуаръ и оповѣстила уже одѣтыхъ дѣвочекъ о томъ, что время спускаться въ залу.

Веселыя, похорошѣвшія отъ радостнаго, свѣтлаго настроенія, въ тоненькихъ батистовыхъ передникахъ, съ бархатками на шеяхъ, съ чуть замѣтно подвитыми

кудерками, выпускныя вошли въ залу. Едва только успѣли онѣ перешагнуть порогъ ея, какъ неожиданно пожарный оркестръ грянулъ тушъ и показалась величавая фигура начальницы, окруженная почетными опекунами, инспекторомъ и всѣмъ учительскимъ персоналомъ. За ними слѣдовали всѣ приглашенные, родители, родственники и знакомые институтокъ.

— Солнышко!.. Мама Нэлли!..—послышалось изъ толпы выпускныхъ, и Лида Воронская, позабывъ всякій этикетъ и дисциплину, бросилась въ толпу гостей, въ которой мелькнули знакомыя, дорогія ей лица.

— Солнышко!.. Мамочка!.. Дуси мои!..—восторженно повторяла дѣвочка и, сама не замѣчая того, прыгала на мѣстѣ по давнишней, съ дѣтства усвоенной ею, привычкѣ.

— Грицко мой!.. Грицко!..—послышался новый возгласъ, еще болѣе восторженный и счастливый, и хохлушка Мара стремительно бросилась навстрѣчу молодому человѣку во фракѣ, вошедшему только что въ залу.

Отъ этого молодого человѣка вѣяло силой, жизнью, здоровьемъ и весельемъ. И странно было видѣть его лицо, круглое, румяное, дышащее степнымъ загаромъ и украинскою мощью, среди усталыхъ, анемичныхъ и блѣдныхъ лицъ петербуржцевъ.

Маруся себя не помнила отъ восторга. Она послала пригласительный билетъ на этотъ балъ своему Грицку,

туда, въ вольную душистую Украйну, въ чудесный маленькій хуторъ, далекая отъ мысли, что онъ пріѣдетъ, послала такъ себѣ, на память жениху о выпускномъ балѣ его невѣсты.

А онъ вдругъ пріѣхалъ.

Не вѣря своему счастью, крѣпко сжимая руку своего нареченнаго, Мара вся сіяла какъ ясное солнечное утро.

Длинный, утомительно скучный полонезъ смѣнился чарующими звуками вальса.

И понеслись задумчивые звуки въ раскрытыя окна залы и запѣли чарующей мелодіей въ большомъ институтскомъ саду.

Хохлушка Мара открыла первая балъ со своимъ Грицкомъ. Пріятно было смотрѣть на эту юную, здоровую и счастливую пару. Обычно некрасивая, съ чересчуръ крупными, неправильными чертами лица, Мара разрумянилась, какъ вишня, и, со своими темными, какъ крупные алмазы, сіяющими глазами, казалась красавицей.

Едва ли хуже ея казалась Креолка, танцующая съ какимъ то юнкеромъ. Очаровательнымъ видѣніемъ востока летала и кружилась, какъ черноокая сильфида, прелестная Черкешенка.

Додошкѣ и Малявкѣ попались, какъ нарочно, чересчуръ высокіе кавалеры, и онѣ презабавно выдѣлывали въ воздухѣ всѣ тѣ па, которыя полагается продѣлывать на паркетѣ.

Съ высокимъ стройнымъ кавалеристомъ танцовала Лида Воронская. Этотъ юноша былъ Добровскій, ея хорошій знакомый, прекрасный танцоръ, всѣми силами желавшій заинтересовать разговоромъ свою юную даму. Но юная дама была далеко отъ красиваго юнкера и отъ свѣтскаго разговора. Она поминутно вертѣла кудрявою головкою вправо и влѣво, отыскивая по залѣ «папу-солнышко» и «маму Нэлли», сидѣвшихъ подлѣ начальницы въ кругу приглашенныхъ гостей. И отыскавъ ихъ, она начинала весело кивать головой и улыбаться. А ея сверкающіе глаза безъ словъ говорили:

— Ахъ, какъ хорошо!.. Какъ хороша жизнь!.. Молодость!.. Этотъ балъ!.. Но вы... вы лучше всѣхъ, мои дорогіе!..

Кончился вальсъ, длительный и красивый. Исполненная нѣги и ласки послѣдняя нота его умерла въ тиши весенняго вечера за окномъ, и голосъ дирижера Добровскаго звучнымъ крикомъ огласилъ залу:

— Engagez vos dames pour la premiere contre-danse!..

И тотчасъ же тихо и вкрадчиво добавилъ, обернувшись къ Лидѣ:

— Не правда ли, вы сдѣлаете мнѣ честь?...

И Лида «сдѣлала честь» и встала въ первую пару со своимъ кавалеромъ.

Въ дверяхъ залы появилася Зинзеринъ. Къ нему подлетѣла Сима Эльская.

— Вы должны танцовать со мной, Николай Васильевичъ! Я на вашемъ экзаменѣ двѣнадцать съ плюсомъ получила,—затрещала шалунья.

И смѣшно переваливаясь на высокихъ, какъ ходули, ногахъ, Аполлонъ Бельведерскій повелъ свою даму на мѣсто.

Креолкѣ захотѣлось послѣдовать примѣру Вольки, и, наскоро оправивъ свои кудерки, она очутилась передъ Чулицкимъ.

— Владиміръ Михайловичъ, пожалуйста!..

И красивый, улыбающійся словесникъ съ поклономъ подалъ руку заалѣвшей отъ радости дѣвушкѣ.

— Счастливица!.. Съ самимъ Чулицкимъ танцуетъ!.. Счастливица Зина!..—зашептали съ завистью вокругъ нея голоса подругъ.

— Mesdames, mesdames, смотрите, «протоплазма» въ плясъ пустилась!.. Съ Малявкой танцуетъ!.. Вотъ такъ пара!..—смѣялись дѣвочки, слѣдя глазами за маленькимъ физикантомъ, добросовѣстно отплясывающимъ кадриль съ Пантаровой-второй.

— Вы счастливы, не правда ли, вы счастливы сегодня, m-lle Lydie?—широко улыбаясь, спрашивалъ Добровскій, покручивая свои маленькіе усики.—Вы теперь вполнѣ взрослая барышня!

— Ахъ, да!—искренно вырвалось изъ груди дѣвочки,—совсѣмъ, совсѣмъ!.. И «солнышко» здѣсь... Подумайте, и мама!.. Жаль только...

Ея личико, оживленное за минуту, вдругъ подернулось облакомъ грусти. Въ воображеніи промелькнулъ знакомый, дорогой образъ.

— Жаль только, что нѣтъ Большого Джона,—со вздохомъ заключила она.

Ея кавалеръ, однако, уже ея не слушалъ.

— Grand rond, s'il vous plait!..—неистово выкрикивалъ онъ.

— Лида, Вороненокъ, тебя спрашиваютъ,—услышала Лида голосъ позади себя.

И вмигъ передъ Воронской очутилась Додошка.

— Тебя спрашиваютъ двѣ дѣвочки, онѣ... въ коридорѣ...

У Додошки ротъ былъ, по обыкновенію, набитъ чѣмъ то сладкимъ, и въ рукѣ она держала апельсинъ, но въ лицѣ дѣвочки было что то лукавое и таинственное въ одно и то же время.

— Ступай, Лида, ступай скорѣе...

Сердце Лиды ёкнуло и забилось.

«Вѣроятно, Каролина и Мари, — рѣшила она недоумѣвая. — Но почему же у меня такъ бьется сердце?..»

И наскоро бросивъ своему кавалеру:—«Pardon, monsieur»,—она безцеремонно вырвала у него руку и бросилась въ коридоръ.

Дѣйствительно, тамъ на скамейкѣ сидѣли бѣлокурая Каролина и ея сестренка Мари, одѣтыя болѣе чѣмъ

просто, но въ чистыя и изящныя шерстяныя платьица, а между ними...

Какая то искра пробѣжала по тѣлу Лиды и, мгновенно упавъ въ ея сердце, пожаромъ разгорѣлась въ немъ.

Та, которая сидѣла между обѣими сестричками, заняла теперь все это разгорѣвшееся полымемъ сердце.

Блѣдная, худенькая, тонкая фигурка въ синемъ форменномъ платьѣ поднялась со скамьи и протянула дрожащія руки Лидѣ.

— Дитя мое!.. Ко мнѣ скорѣе!.. Я знаю и все простила!.. И тебѣ, и другимъ!.. Все простила!..—услышала тихій, прерывистый шопотъ Воронская и, почти теряя сознаніе отъ потрясающей все ея существо жгучей радости и волненія, съ тихимъ крикомъ упала на руки фрейлейнъ Фюрстъ.

Съ минуту дѣвочка не могла произнести ни слова. Только руки ея судорожно сжимали похудѣвшую до неузнаваемости фигуру Минны Карловны, а губы лепетали что то, что не имѣло ни звука, ни связи, ни выраженія.

— Дитя ты мое!.. Дитя ты мое!..—повторяла Фюрстъ и прижимала къ своей изсохшей груди стриженую головку, цѣловала русые кудри и гладила исхудалыми пальцами юное, свѣжее личико, залитое безшумными слезами.

— Не плачь же... Не плачь...—лепетала она,—все забыто и прощено... Я все знаю... не плачь... Я люблю

тебя и другихъ... Глупышки милыя... все прощено и забыто... Не плачь же... Все хорошо... Я поѣду... полечусь... Какіе то добрые люди собрали для меня много денегъ... Поѣду на югъ... съ Линой... съ Карлушей... съ Фрицемъ... Не плачь же, дѣточка... Видишь, видишь, я пришла сама сказать, что все забыто и прощено... Не плачь же...

— Не плачьте, маленькая русалочка... Все прощено и забыто,—послышался надъ поникшей стриженой головкой хорошо знакомый ей голосъ.

Лида вздрогнула, вскочила на ноги и, замѣтивъ высокаго молодого человѣка, не успѣвшаго еще сбросить плащъ, вскрикнула тѣмъ радостнымъ и счастливымъ крикомъ, который только можетъ вырваться изъ глубины самаго сердца:

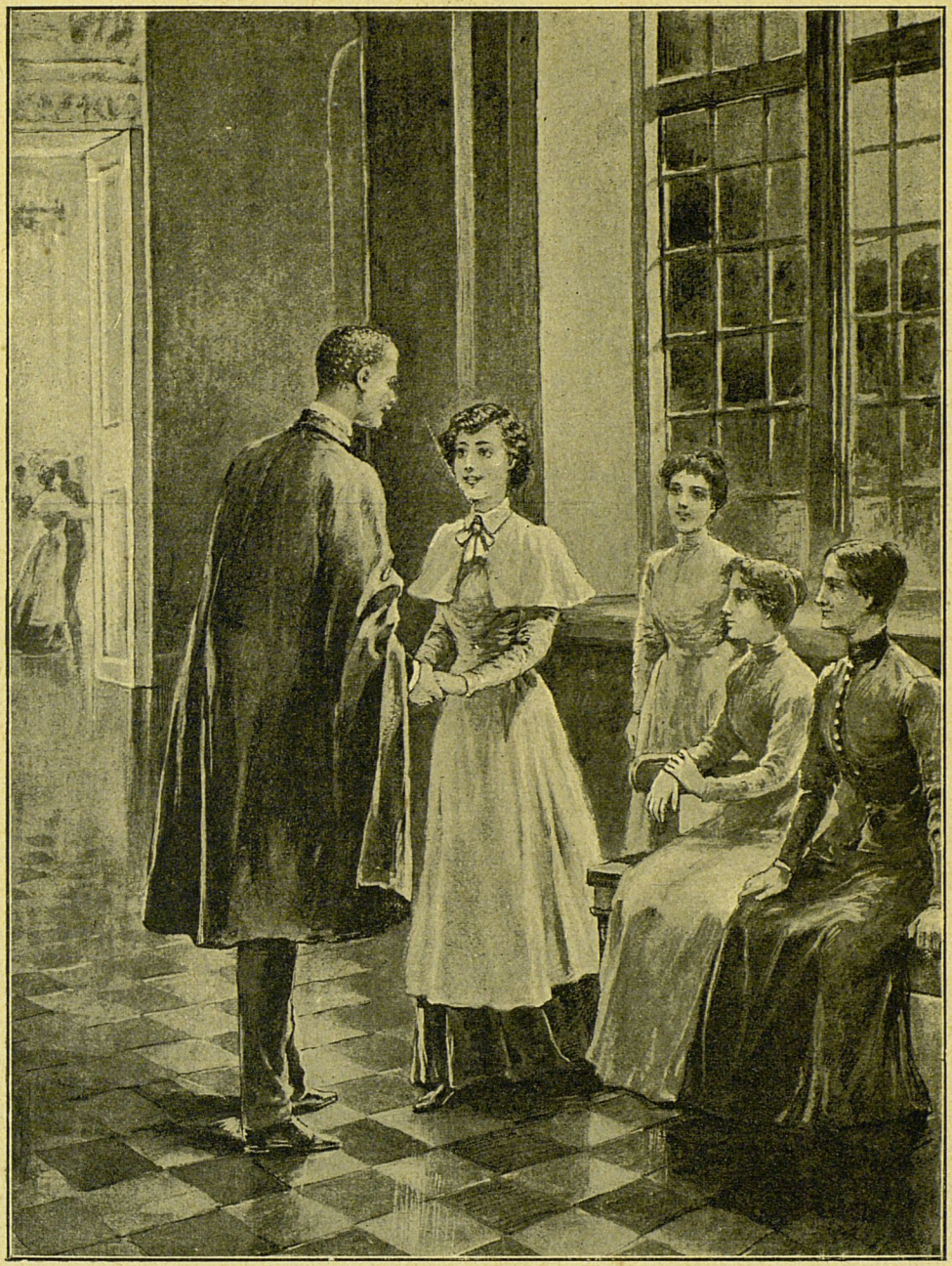
— Большой Джонъ!.. Милый Большой Джонъ!.. Мой братъ!.. Мой братъ!.. Мой хорошій!..

— Милая, славная, маленькая русалочка!.. Давайте скорѣе мнѣ ваши лапки и, забывъ прошлое, будемъ по старому друзьями-пріятелями...

И огромныя руки такъ неожиданно появившагося Большого Джона крѣпко-прекрѣпко пожали протянутые ему худенькіе пальчики Воронской.

Лида смотрѣла и не вѣрила, что видитъ передъ собою снова добраго волшебника послѣ всего происшедшаго между ними.

А Большой Джонъ, какъ ни въ чемъ не бывало,



— Маленькая русалочка, забудемъ старое и будемъ попрежнему друзьями-пріятелями...

сбросилъ съ себя плащъ, кинулъ его беззаботно въ уголъ и поглядывалъ на Лиду своими насмѣшливыми, ласковыми глазами и добродушно посмѣивался себѣ подъ носъ.

— Что, не ожидали видѣть меня здѣсь?—спрашивалъ онъ, все еще не выпуская изъ своихъ рукъ худенькую руку Лиды.

— Да какъ вы сюда попали, Большой Джонъ, голубчикъ?—радостно пролепетала она.

— Меня привелъ сюда нѣкій обитатель Парнаса, Аполлонъ Бельведерскій,—прогудѣлъ Большой Джонъ басомъ, продѣлывая одну изъ своихъ удивительныхъ гримасъ.

— То-есть Зинзеринъ?—засмѣялась Лида.

— Вы хорошая отгадчица, маленькая русалочка... А теперь ведите насъ въ залу... Я хочу танцовать съ вами котильонъ, за которымъ мы вдоволь наговоримся. Но прежде мы помѣстимъ въ укромное мѣстечко фрейлейнъ Фюрстъ и найдемъ хорошихъ кавалеровъ для сихъ юныхъ барышень,—произнесъ со своимъ милымъ, шутливымъ видомъ Большой Джонъ, раскланиваясь передъ всѣми тремя.

Снова радостное прекрасное настроеніе овладѣло Лидой.

Все послѣдующее время пронеслось для нея, какъ въ сказкѣ, какъ въ волшебномъ полуснѣ, какъ въ дивной весенней грезѣ.

Она танцовала со своимъ старымъ другомъ и, ни минуты не умолкая, повѣряла ему все то, что пережила за послѣднее время. Говорила, какъ больно отозвалась на ней ихъ ссора и какъ еще больнѣе, еще мучительнѣе переживала она кризисъ болѣзни фрейлейнъ Фюрстъ.

Танцовавшія около нея съ какими то незнакомыми кадетами Лина и Мари могли видѣть, какъ разгорѣлось въ пылу разговора личико Лиды, какъ сіяли ея сѣрые глаза, обращенные на ея друга, какъ она, порывисто и не умолкая ни на минуту, старалась высказать все, все...

И обѣ бѣлокурыя нѣмочки издали сочувственно улыбались молоденькой институткѣ, симпатичной имъ до глубины души.

Кончился безконечный котильонъ, послѣ котораго шумной щебечущей толпой выпускныя окружили Минну Карловну, торопясь выразить ей свое сочувствіе, ласку и безъ словъ извиняясь всѣмъ своимъ сердечнымъ отношеніемъ и проглядывающей въ каждомъ ихъ движеніи нѣжной заботой о причиненномъ ей горѣ.

Растроганная и побѣжденная фрейлейнъ Фюрстъ была на седьмомъ небѣ. Послѣ тяжелой болѣзни она не могла, однако, оставаться на балу до поздней ночи и, горячо поцѣловавъ окружающихъ ее дѣвочекъ и пообѣщавъ имъ присутствовать на ихъ выпускномъ актѣ, уѣхала домой въ сопровожденіи Лины и Мари,

счастливая какъ никогда. Уѣхали за нею и «солнышко» съ «мамой Нэлли», подтвердивъ еще разъ свое приглашеніе Елецкой и Додошкѣ провести у нихъ лѣто и нѣжно простившись со своей счастливой дочуркой на три дня до выпусного акта.

Кое-кто изъ родныхъ разъѣхался тоже, но балъ не прекращался. Большой Джонъ, замѣнившій уставшаго Добровскаго въ качествѣ дирижера, придумалъ славную штучку: испросивъ разрѣшеніе maman, онъ повелъ танцующія пары въ садъ, мазуркой. Бѣшенно и стройно заливался оркестръ, бѣшенно и стройно пронеслась широкая фаланга танцующихъ. Пары спорхнули птицами по длиннымъ лѣстницамъ, очутились въ саду и, съ веселыми шутками, смѣхомъ, бряцаніемъ шпоръ и шелестомъ платьевъ, помчались по широкой аллеѣ...

Бѣлая майская ночь, одѣтая во все свѣтлое, точно юная на балу красавица, протягивала свои блѣдныя руки... Деревья шептали что то неясное, значительное и робкое за разъ... Звуки музыки замирали въ отдаленіи... Словно сказочная греза окутала садъ...

И вдругъ звонкая трель прорѣзала гармонію ночи... Кто то запѣлъ, потомъ зарыдалъ и засмѣялся въ кустахъ, счастливымъ рыданіемъ, смѣхомъ.

— Соловей!.. прошептало нѣсколько голосовъ сразу, и длинная фаланга танцующихъ остановилась какъ вкопанная и замерла на мѣстѣ.

А соловей все пѣлъ да пѣлъ... И не было ему дѣла до того, что сотня людей, молодыхъ и юныхъ, съ сердечнымъ трепетомъ прислушивается къ его пѣснѣ. Онъ пѣлъ, какъ ручей въ лѣсу, какъ тихое озеро въ бурю, какъ стрекотъ кузнечиковъ въ лѣтнюю ночь, какъ голосъ юныхъ легкокрылыхъ эльфовъ, какъ поэты старинныхъ рыцарскихъ временъ.

— Какъ хорошо!.. Какъ хорошо мнѣ, мой Грицю!..—прошептала Мара, сжимая руку своего жениха, —будто дома мы, будто на хуторѣ въ вишневомъ садикѣ поетъ нашъ соловей.

— Скоро и мы будемъ тамъ, серденько мое,—съ необычайной лаской въ голосѣ отвѣчалъ Грицко своей невѣстѣ.

А другая пара впереди нихъ, тоже зачарованная роскошной соловьиной пѣснью, смотрѣла въ лицо другъ другу сердечнымъ, дружескимъ взглядомъ и тихо, безпричинно смѣялась счастливымъ смѣхомъ.

— Вы ни чуточки не сердитесь на меня теперь, Большой Джонъ?..—тихо спрашивала Лида своего кавалера.

— Я былъ бы большимъ колпакомъ съ ослиными ушами, маленькая русалочка, если бы посмѣлъ еще теперь сердиться на васъ,—засмѣялся Большой Джонъ своимъ веселымъ смѣхомъ.

— Колпакъ съ ослиными ушами, какой ужасъ!..— расхохоталась Лида.

Громкій разговоръ и веселый смѣхъ испугали, казалось, крылатаго пѣвца и спугнули ночныя чары.

Соловей стихъ. Звуки музыки раздались громче. Музыканты приблизились къ окнамъ залы, и шумъ оркестра наполнилъ бѣлый садъ.

— Впередъ!—крикнулъ Большой Джонъ весело и звучно,—впередъ—не танцующія пары, а вы всѣ, славныя, юныя, чистыя существа, собирающіяся выпорхнуть изъ этого стараго гнѣзда! Смѣло и бодро впередъ въ жуткую незнакомую жизнь на помощь близкимъ, на утѣху несчастнымъ, и да покажется вамъ жизнь стройной и прекрасной, какъ эта бѣлая ночь, какъ соловьиная пѣснь, какъ музыка, чарующая насъ въ эти минуты!..

— Ура! Большой Джонъ, ура! Дай Богъ, чтобы слова ваши сбылись, добрый волшебникъ!—крикнула первая Лида, а другія пары гулкимъ раскатомъ подхватили это «ура».

А бѣлая ночь таилась, какъ зачарованная загадка, и, казалось, знала то, чего не знали сорокъ юныхъ дѣвушекъ, готовившихся выпорхнуть изъ стараго, насиженнаго гнѣзда...

Но бѣлая ночь молчала... Молчала задумчивая красавица, и близкое будущее казалось пока дѣвушкамъ тою же чарующей и чудной, какъ эта бѣлая ночь, загадкой...

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Глава	I. Разсказъ Лотоса.—На молитвѣ.—Паника	1
»	II. Человѣкъ въ плащѣ.	16
»	III. Въ дортуарѣ.—Нѣсколько словъ о недавнемъ прошломъ	26
»	IV. Союзъ Таинственной лиги.—Гарунъ-аль-Рашидъ.—Загробная поэзія	38
»	V. Новость. — «Первыя» пріуныли. — Додошка хочетъ странствовать.—Еще немножко прошлаго Лиды Воронской	64
«	VI. Сѣрая женщина.—Большой Джонъ въ роли проповѣдника.—Бунтъ	77
»	VII. Окончательное рѣшеніе. — На милость власть имущей.—Отмѣненный финалъ	97
»	VIII. Гулливеръ и лиллипуты.—Послѣдніе уроки.—«Поправочныя».—Додошка въ своей «сферѣ»	115
»	IX. Еще прощаніе.—Рыжебородый Торъ.—Тайна Мары Масальской. — Подъ покровомъ апрѣльской ночи.—Вѣстникъ горя	131
»	X. Драма начинается.—Ея «женихъ».—Маленькій херувимъ и нечистая совѣсть.	156
»	XI. Новое рѣшеніе.—Первый экзаменъ.—Новость Аполлона Бельведерскаго.—Додошка осрамилась	178
»	XII. Плита Св. Агніи.—Сюрпризъ.—Математика.—Неожиданное объясненіе	193

СТР.

Глава XIII. О томъ, что случилось въ грозовую ночь на послѣдней аллеѣ 214
» XIV. У «шпіонки».—Больной Фрицъ.—Въ бреду 230
» XV. Животрепещущая тема. — Жертва выпускныхъ. — «Солнышко» и мама-Нэлли 248
» XVI. Послѣдній экзаменъ. — Шпаргалка. — Фальшивый обморокъ 266
» XVII. Балъ въ майскую ночь.—Два сюрприза.—Добрый волшебникъ появляется снова 280

РНБ РУССКИЙ ФОНД

68-7
1640г